

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 10 (111)

Academic Journal

Series:
Historical Studies.
History of Russia

Moscow 2013

ВЕСТНИК РГГУ
№ 10 (111)

Научный журнал

Серия «Исторические науки. История России»

Москва 2013

УДК 91(05)
ББК 63

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Исторические науки. История России»

Редакционная коллегия:
Е.И. Пивовар – ответственный редактор
А.Б. Безбородов – заместитель ответственного
редактора

М.А. Скляр – ответственный секретарь

Т.Г. Архипова

А.Ю. Бахтурина

Л.Е. Горизонтов

В.И. Дурновцев

Н.В. Елисеева

В.И. Журавлева

А.А. Киличенков

Т.Ю. Красовицкая

И.В. Курукин

А.П. Логунов

В.Я. Петрухин

П.П. Шкаренков

А.Л. Юрганов

Номер подготовили:

А.А. Киличенков

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- В.Т. Тенжеев*
Посольство дьяка Ивана Горохова в калмыцкие улусы в 1661 г. 9
- А.И. Еремин*
Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в.
(по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») 18
- Ю.Н. Гусева*
Ваисовское движение в Волжско-Уральском регионе в контексте
исламской «реформации» конца XIX – первой трети XX в. 43
- С.В. Карпенко*
Железные дороги и «свобода торговли» в условиях
экономического кризиса: из истории тыла Вооруженных сил
на юге России (1919 г.) 58
- А.В. Крыжан*
Становление адвокатуры в системе советской юстиции в 1920-е годы
(на материалах Курской губернии) 74
- М.В. Кротова*
Конфликт на КВЖД 1929 г.: информационная война и политические
настроения русских в Маньчжурии 85

Сообщения

- Ю.В. Ким*
Взгляды графа А.И. Мусина-Пушкина на «крестьянский вопрос»
в преддверии реформы 1861 г. 98
- О.В. Ванюшина*
Из повседневности женщин, административно высланных
в Тверскую губернию: казенное денежное пособие и заработки
(1881–1917 гг.) 107
- А.Д. Авдеева*
Церковно-приходские школы Московской епархии в начале XX в. 118

<i>Т.К. Сазонова</i>	
«Красная» Иваново-Вознесенская губерния: из истории создания (1917–1919 гг.)	127
<i>Д.Ю. Исповедников</i>	
Разведка и разведывательная документация штаба Приамурского военного округа (1918–1919 гг.)	136
<i>Г.А. Хаберл-Яковлева</i>	
«Справка для Косыгина»: из истории научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР (1965–1970 гг.)	147

Новая Россия и постсоветское зарубежье

<i>Д.С. Галшева</i>	
Министерство путей сообщения и реформирование управления железнодорожным транспортом в России (1992–2004 гг.)	157

История и теория исторической науки

<i>А.Н. Медведь</i>	
Врачевание в Древней и средневековой Руси и его изучение в современной историографии	167
<i>О.Н. Квасов</i>	
Губернский аппарат тайного политического сыска Российской империи в новейших отечественных исследованиях	184
<i>Е.М. Смирнова</i>	
Современная историческая литература о развитии медицины и здравоохранения в Российской империи	198
<i>И.В. Михайлов</i>	
Из истории изучения Белого движения в современной российской историографии	214
<i>К.М. Александров</i>	
Репатриация советских граждан после Второй мировой войны: к истории изучения	231
Abstracts	246
Сведения об авторах	255

CONTENTS

Articles

- V. Tepkeev*
Ivan Gorokhov's Diplomatic Mission in Kalmyk Uluses in 1661 9
- A. Eremin*
The Mentality of Provincial Gymnasium Students in early XX century
(On the Basis of the Hand-written Journal "School Leisure Activities") ... 18
- Yu. Guseva*
Vaisi Movement in the Volga-Ural Region in the Context of Islamic
"Reformation" in late XIX – early XX centuries 43
- S. Karpenko*
Railways and "Free Trade" in the Conditions of Economic Crisis: From
the History of the Rear of Armed Forces in the South of Russia (1919) ... 58
- A. Kryzhan*
The Development of Advocateship in the System of Soviet Justice in 1920s
(On the Basis of the Kursk Province Materials) 74
- M. Krotova*
The Soviet-Chinese Conflict on the Chinese Eastern Railway in 1929:
Information Warfare and the Political Sentiment of Russians
in Manchuria 85

Comments

- Yu. Kim*
Count A.I. Musin-Pushkin's Views on the "Peasant Question" on the eve
of the 1861 Reform 98
- O. Vanyushina*
On Everyday Life of Women Banished to the Tver Province: State Money
Benefit and Earnings (1881–1917) 107
- A. Avdeeva*
Parochial Schools in Moscow Eparchy in early XX century 118

<i>T. Sazonova</i>	
The “Red” Ivanovo-Voznesensk Province: From the History of its Establishment (1917–1919)	127
<i>D. Ispovednikov</i>	
The Intelligence and Intelligence Documentation of the Headquarters of the Priamurskiy Military District (1918–1919)	136
<i>G. Khaberl-Yakovleva</i>	
“A Briefing Note for Kosygin”: From the History of Scientific-Technical Cooperation between the USSR and the GDR (1965–1970)	147

Contemporary Russia and Post-Soviet States

<i>D. Galieva</i>	
The Ministry of Communication Lines and Reforming the Management of Railway Transport in Russia (1992–2004)	157

The History and the Theory of Historical Science

<i>A. Medved</i>	
Medical Practicing in Ancient and Medieval Russia and its Study in Modern Historiography	167
<i>O. Kvasov</i>	
Provincial Administration of Secret Political Police of the Russian Empire in the Latest Domestic Research	184
<i>E. Smirnova</i>	
Modern Historical Literature on Medicine and Public Health Care in the Russian Empire	198
<i>I. Mikhaylov</i>	
From the History of Research on the White Movement in Modern Russian Historiography	214
<i>K. Aleksandrov</i>	
The Repatriation of Soviet Citizens after the World War II: From the History of Study	231
Abstracts	246
General data about the authors	257

Статьи

В.Т. Тепкеев

ПОСОЛЬСТВО ДЬЯКА ИВАНА ГОРОХОВА В КАЛМЫЦКИЕ УЛУСЫ В 1661 г.

В статье впервые подробно рассказывается о посольстве во главе с дьяком Посольского приказа Иваном Гороховым из Москвы в калмыцкие улусы в 1661 г. Показано, как в результате сложных переговоров был заключен военный и политический договор, по которому калмыки обязались вступить в борьбу против Крымского ханства в ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг.

Ключевые слова: калмыки, Московское царство, царь Алексей Михайлович, Посольский приказ, посольство, И. Горохов, Русско-польская война 1654–1667 гг., Крымское ханство.

Среди русских посольских миссий, отправленных к калмыкам в XVII в., посольство Ивана Горохова 1661 г. занимает особое место. Это важное событие всецело отражено в путевых заметках русского посла, изложенных им в «Статейном списке дьяка Ивана Горохова, посланного к калмыцким тайшам для приведения их к присяге в верности к государю»¹. Чем же была вызвана отправка из Москвы этого посольства?

1650-е годы явились началом тяжелой и затяжной войны России с Речью Посполитой, не желавшей примириться с воссоединением Украины с Россией. Враждебные действия Крымского ханства, выступившего в союзе с поляками, заставили Россию держать наготове значительные военные силы на южных рубежах. Крупные сражения, произошедшие в 1659–1661 гг. в ходе русско-польской войны, привели к значительному истощению сил обеих сторон. Русская армия потерпела разгромные поражения под Конотопом (1659 г.), где погибла дворянская конница князей С.Р. Пожар-

ского и С.П. Львова, и под Чудновым (1660 г.), приведшая к пленению полководца боярина В.Б. Шереметьева. Участие в войне на стороне Речи Посполитой значительной массы крымских татар заставило царское правительство вновь вернуться к «калмыцкому вопросу».

Сохранение относительного спокойствия на степных границах на южном направлении было одной из главных задач внешнеполитического курса правительства царя Алексея Михайловича. Во многом это зависело от урегулирования взаимоотношения с калмыцкими тайшами (князьями). Поэтому в планы царского правительства, естественно, входило привлечение калмыков в качестве дополнительной военной силы в виде конницы. Как посчитали в Москве, использование калмыцких отрядов в войне с Крымом позволило бы правительству существенным образом улучшить положение дел на южном театре. В 1660 г. как одно из отделений Посольского приказа был создан особый Калмыцкий приказ под управлением боярина В. Ромодановского и дьяка И. Горохова².

Серьезность намерений царя и его правительства выразилась и в выборе главой русского посольства к тайшам опытного переговорщика И. Горохова. Как отмечал современник тех лет Г. Котошихин, к крымскому хану и калмыцким тайшам отправляли посланников из числа представителей средних дворянских родов³.

Назначение Горохова дьяком Калмыцкого приказа было отнюдь не случайным. Правительство царя Алексея Михайловича обращало серьезное внимание на подбор кадров, осуществлявших сношения с калмыками. За короткое время Горохов сделал блестящую карьеру. Хорошее знакомство с жизнью кочевников, находчивость, смекалка и другие способности содействовали выдвижению Горохова. Отец его, Савин Горохов, был послом правительства в среднеазиатские ханства в 1641–1643 гг. Первые упоминания об его сыне, Иване, относятся к 1642 г., когда ему было поручено отправиться в Москву с отписками из Астрахани. В 1655 г. он уже выступал послом царя к тайшам Дайчину и Лузану. В 1656 г. Горохов принимал шерти (договоры) от 50 калмыцких тайшей. Присутствует он и при подписании шерти в 1657 г.

Правительство ставило перед Гороховым главную задачу – заручиться согласием тайшей на отправку своих войск против Крыма. Москва связывала большие надежды с положительным решением этого вопроса, поэтому посольство было тщательно подготовлено, подарки для тайшей оценивались на общую сумму

в 1074 руб. В «наказной памяти», составленной для Горохова в Посольском приказе, предусматривались приблизительные ответы на возможные вопросы калмыцких тайшей. Схожие цели и задачи были поставлены и перед назначенным 6 июня 1660 г. новым астраханским воеводой князем Г.С. Черкасским. Донские казаки также были вовлечены правительством в переговорный процесс с калмыками⁴.

Большой интерес для исследователей представляют подробные путевые заметки Горохова. Так, в конце декабря 1660 г. он выехал из Москвы, и путь его пролегал через Коломну, Переяславль-Рязанский, Рязск, Тамбов, Черный Яр. От Черного Яра до Астрахани он проезжал уже непосредственно через калмыцкие улусы. В дороге к проезжавшему русскому послу подходили простые улусные люди с женами и детьми, выражали искренние дружеские чувства, «что де они великого государя милости ради и с русскими людьми мирны». Горохов щедро угощал встречавших его калмыков вином, дарил подарки. До своего прибытия в Астрахань 9 февраля 1661 г. Горохов проезжал по территории, где располагались улусы калмыцкого тайши Солом-Церена и супруги Мончака – Уралмы, дочери джунгарского Батура-хунтайджи. На приглашение посетить их ставку Горохов ответил отказом, ограничившись отправкой к ним с извинениями царицынского стрельца Тимофея Степанова, которого указанные калмыцкие владельцы довольно хорошо встретили. Но к приезду Горохова главные калмыцкие правители, тайши Дайчин и Мончак, отсутствовали в улусах. Дьяк зря времени не терял и провел довольно активные предварительные переговоры с ближайшим окружением Дайчина. В частности, он провел совещательную встречу с дарханом Чокулой, пообещавшим Горохову привлечь на его сторону супругу Дайчина и калмыцких «законников» – Эрке-ламу и Алдар-Кечика, к мнению которых тайши прислушивались⁵.

В марте Дайчин вернулся из тяжелого 4-месячного кавказского похода и попросил Горохова дать ему время для отдыха перед началом уже официальных переговоров. 26 апреля выехавший из Астрахани Горохов ждал тайшей на левобережье Волги, за рекой Берекет. Именно сюда 4 мая также прибыли Каспулат Муцалович Черкасский с представителями донского казачества – Федором Буданом и Степаном Разиным⁶, будущим предводителем крестьянской войны.

Большую помощь посольской миссии Горохова в калмыцкие улусы оказали назначенный царским указом в Астрахань воеводой князь Г.С. Черкасский, а также окольничий С.В. Волынский

и стольник А.Я. Дашков. Г.С. Черкасский к этому времени уже возглавил Калмыцкий приказ, сменив на этом посту Ромодановского. Главным порученцем воеводы по связям с калмыками был его племянник К. Черкасский, который состоял в родственных отношениях с Дайчином (он был женат на его дочери).

16 мая Горохов остановился в улусе тайши Нима-Церена, где местные татары по секрету ему сообщили, что Мончак принял к себе 30 семей башкирских повстанцев, которых Дайчин принять отказался. В апреле 1661 г. башкиры совместно с яицкими казаками отогнали из улуса тайши Аючая 300 лошадей. Поскольку из-за этого случая под угрозой оказались предстоящие важные переговоры, Горохову для разрешения конфликта пришлось отправить своего порученца в Яицкий городок⁷. 22 мая к Горохову прибыл Чокула с объявлением о готовности Дайчина принять его. Вместе с К.М. Черкасским русский посол прибыл к тайше, привезя ему царскую грамоту и жалованье.

Благодаря заметкам Горохова мы имеем возможность представить, как Дайчин принимал русского посла. Метров за 20 гости сошли с лошадей и пешком направились к кибитке тайши, перед которой в 10-ти метрах возвышался большой шатер, где находились 200 знатных калмыков. В кибитке напротив дверей сидел Дайчин, за спиной у него висела вытканная золотом китайская камка. Тайша был одет в кафтан из зеленого сукна, а на коленях лежала соболья шуба. Возле него располагались 20 приближенных лиц, одетых в камчатые и атласные кафтаны и собольи шубы, рядом стояли еще 10 человек. В центре кибитки стоял большой таган с висевшими на нем серебряными кружками, а также скамья с деревянными чашами.

При первом же знакомстве у Дайчина с Гороховым произошла словесная дуэль по поводу разного понимания церемониальных традиций. На предложение дьяка встать и снять головной убор «против царского величества имени» тайша ответил отказом, сославшись на отсутствие у калмыков подобного этикета перед иностранными послами. Когда же Горохов привел в пример имена других монархов, по его словам не гнушающихся встать перед именем русского царя, Дайчин ответил, что поступает так не из гордости, и приказал своему переводчику Эсен-дархану встать и снять шапку. Таким образом выход из ситуации был найден. Русский посол после обмена приветствиями и любезностями вручил калмыцкому правителю царскую грамоту и сообщил о положительном решении московскими властями ходатайства тайшей о возвращении калмыцких пленных, захваченных башкирами.

Далее последовала процедура вручения тайшам государевых подарков и жалованья⁸.

В течение последующих четырех дней Горохов вел переговоры не только с Дайчином, но и его ближайшим окружением, в ходе которых обсуждались различные вопросы: о задержке в Москве калмыцкого посла Урусамба, недостаточном размере выдаваемого тайшам царского жалованья, об укрывательстве в калмыцких улусах башкирских повстанцев и условиях взаимного ненападения⁹.

26 мая Дайчин отправил Горохова в улус к Мончаку в сопровождении двух своих приближенных – Зоргучи-кашки и Эсендархана. 29 мая состоялась первая встреча Горохова с Мончаком, и носила она во многом закрытый характер, поскольку тайша велел своим людям никого не впускать в кибитку. Мончак сразу же выразил Горохову свою готовность отправить калмыцкие отряды против Крыма. Переговоры не омрачил и факт присутствия в этом же улусе крымского посла в лице азовского аги, поскольку тайша успокоил Горохова, заверив его в том, что у калмыков намерения мирные¹⁰. Можно предположить, что сознательно была устроена утечка сведений о приезде крымского посольства через едисанского мирзу С. Абдулова, чтобы тем самым оказать определенное давление на русского посла во время переговоров.

При следующей встрече, но уже с участием едисанских мирз во главе с С. Абдуловым, последние, выразив недовольство отсутствием выплаты им из Москвы жалованья, открыто стали шантажировать Горохова: «Если нам государева жалованья дано будет столько же, сколько давалось крымскому хану, по 40 000, то мы на службу пойдем, а если жалованья не будет, то на службу не пойдем, а станем воевать по Волге города великого государя и его людей». При этом едисанские мирзы ставили себе в заслугу привлечение калмыков «к послушанию великого государя». Мончак подтвердил Горохову, что его подвластные ногайские мирзы весьма недовольны тем, что не получают от государя никакого жалованья, хотя, по словам тайши, «можно было их обрадовать»¹¹.

Горохов попытался убедить тайшей в том, что ногайские мирзы не могут с ними находиться в равенстве, а мусульмане в отношении калмыков «не доброхоты» и только хотят их полного разорения и от «милости великого государя отлучить». Также дьяк всячески агитировал тайшей полностью захватить и подчинить себе Крымское ханство. Здесь обращает на себя внимание ответ Мончака: «И в нашем калмыцком письме написано, что калмыки

будут владеть крымскими юртами. Есть на Крымском острове гора, слывет Чайка-бурун, про ту гору написано у нас, что в ней много золота и владеть тем золотом калмыкам. Что татары нам не доброхоты, это мы и сами знаем, басурман доброхот басурману, только и на русских людей надеяться нам нельзя: яицкие казаки, и по Волге из городов русские люди, и башкирцы много зла ежегодно нам делают, русские люди обычаев калмыцких не знают, чинится оттого во всем рознь; а крымский хан каждый год присылает послов к нам, сулит большую казну, хочет брать государевы города калмыцкими людьми и отдавать их совсем калмыкам. Но мы не слушаемся и крымскому хану не помогаем, но и войной нам идти на Крым с чего? Нам казны не прислано, а крымскому хану ежегодно из Москвы посылают по 40 тысяч золотых; однако же крымцы на Русь войною ходят, а калмыки чем хуже крымцев, что им столько казны не давать?»¹²

Из приведенного разговора видно, что калмыцкие тайши были весьма недовольны малым размером жалованья, выплачиваемого Москвой за военную службу, особенно заметным на фоне крупных денежных «поминок», ежегодно отправляемых из Москвы к крымскому хану, что, по существу, выглядело политикой «задабривания врага». Такое положение, по всей видимости, не устраивало тайшей, а царское правительство считало, что компенсацией калмыкам могли бы послужить богатые трофеи, захваченные у крымских и ногайских улусов. Также очевидно и искусное умение Горохова вести переговоры: на все возражения и претензии калмыцкой стороны у него находились веские контрдоводы.

Но в дальнейшем переговоры приостановились из-за очередного башкирского набега, в результате которого калмыки потеряли 2 тыс. лошадей. Этот случай круто изменил тональность переговоров: стороны перешли к взаимным обвинениям и угрозам по «башкирскому» и «ногайскому» вопросам. Однако Мончак, решив не обострять ситуацию и посоветовавшись с приближенными людьми, вернул разговор к основной теме – организации совместного крымского похода. В результате стороны договорились, что Мончак и Дайчин пришлют к Горохову своих доверенных лиц для подтверждения своих прежних обязательств. При этом Мончак недвусмысленно предупредил русского посла: в случае повторного башкирского набега он немедленно вернет калмыцкие войска с крымского направления и отправит их уже против башкир. Горохов заверил тайшей, что со своей стороны царское правительство предпримет все меры по недопущению в дальнейшем набегов на калмыцкие улусы и пришлет тайшам жалованье. Находившиеся

в свите Горохова представители донского казачества также дали обязательство, что примут совместно с калмыками участие в предстоящем крымском походе¹³.

Предложение Горохова о возможности находиться в улусах представителям волжских городов для охраны калмыков от башкир не получило одобрения Мончака. Решение этого вопроса тайша видел в организации совместной карательной экспедиции против башкир. Но Горохов и К. Черкасский все-таки уговорили Мончака воздержаться от ответных военных действий, заверив, что необходимые меры правительством обязательно будут приняты. Переговоры в целом закончились успешно, и стороны пришли к единому решению¹⁴.

8 июня к Горохову прибыла калмыцкая делегация из 30-ти человек, состоявшая из ближайшего окружения Дайчина и Мончака. Главными лицами здесь выступали Зоргучи-дархан, Дазан-кашка, Байскулан, Малай, Дай-дархан, Батур и другие. Цель их приезда заключалась в подтверждении перед русским послом предыдущих шертей. Гарантом со стороны русского правительства выступил К. Черкасский. Зоргучи-дархан и Дазан-кашка, помолившись, «дали веру» в шертной записи за всех тайшей по калмыцкому обычаю. После церемонии Горохов предложил посланцам угощение, а Зоргучи и Дазан-кашке подарил по отрезу красного сукна¹⁵.

Согласно шерти от 8 июня 1661 г., калмыцкие тайши обязались отправить свои войска на Крым, не вступать в союзы с крымским ханом, а русским людям помогать везде «не оплошно». По договоренности, калмыки всех русских пленных, захваченных в Крыму, должны были отправлять в Москву, Астрахань или другие государевы города. Относительно военной добычи (ясырь, лошадей) тайши условились обратно в Крым за выкуп не отдавать, а продавать в русских городах. Шерть заканчивалась следующей клятвой: «И договор свой и шерть свою против своей записи и утверждению в чем буди нарушим, а великого государя русским людям от калмыцких людей какое лихо буде где учинится и на нас тайшах, и на детях наших, и на всех наших улусных людях буди божий гнев, и огненный меч, и будем мы прокляты в сем веце и в будущем»¹⁶.

14 июня состоялась очередная встреча И. Горохова и К. Черкасского с Мончаком, на которой обсуждались уже детали предстоящего крымского похода. Мончак заявил о готовности тайшей отправить на войну около 10 тыс. калмыков. На следующий день к русскому послу пришли представители Мончака и Солом-Церена и поименно назвали командный состав калмыцкого войска.

16 июня Мончак собственноручно подписал подготовленную Гороховым шертную запись и список ратных людей. Согласно договоренности, Дайчин выделял на крымскую кампанию 5 тыс. воинов, Мончак, Манжи-Ялбо, Дари-тайша – по 1 тыс. воинов, Солом-Церен, Дугар, Аючей и Аюкей – по 500 человек. Процедура подписания шерти Мончак закончил словами: «Как де бумага склеена, так бы де калмыцким людем с русскими людьми вместе быть вечно». 17 июня состоялась заключительная встреча Мончака с Гороховым, а 19 июня русский посол отбыл из калмыцких улусов¹⁷.

В Москве высоко оценили результаты почти полугодового посольства Горохова в калмыцкие улусы. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в октябре 1661 г. за службу в качестве поощрения дьяк был пожалован атласной шубой ценой в 160 руб., кубком, придачей в 150 четей к поместному окладу и 30 руб. к денежному и 1 000 ефимков¹⁸.

Относительно миссии И. Горохова в калмыцкие улусы советский историк П.С. Преображенская сделала ряд существенных замечаний. Во-первых, посольские заметки отражают характерные черты калмыцкого подданства: определенную свободу внешних сношений и полную самостоятельность во внутренних делах; во-вторых, шерть от 8 июня 1661 г. носила характер военного договора, реально указывая на вассальные отношения калмыцких тайшей с московским царем¹⁹. Обращает на себя внимание и тот факт, что аманатство (отдача заложника в обеспечение договорного обязательства) как рычаг воздействия на соблюдение договора уже не упоминается.

Однако несмотря на заключение шерти, уже летом 1661 г. столкновения калмыков с царскими подданными все же продолжали иметь место. Посольство Горохова не привело к окончательному разрешению всех спорных вопросов в русско-калмыцких отношениях, что, несомненно, сказалось на военной службе и запланированной отправке калмыцких отрядов против Крыма. Коренным образом ситуация изменилась только после заключения шерти в декабре 1661 г., проводником которой выступил астраханский воевода Г. Черкасский.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5.

² Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 69–70.

- ³ О России в царствование Алексея Михайловича: Современное сочинение Григория Котошихина. 3-е изд. СПб., 1884. С. 47.
- ⁴ *Преображенская П.С.* Указ. соч. С. 69–71.
- ⁵ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 39; *Преображенская П.С.* Указ. соч. С. 70–71.
- ⁶ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 13; Русская историческая библиотека Министерства Народного Просвещения. Т. 34. Донские дела. Кн. 5. Петроград, 1917. С. 847–847, 850, 885, 923.
- ⁷ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 42, 45.
- ⁸ Там же. Л. 51–53.
- ⁹ *Преображенская П.С.* Указ. соч. С. 72–73.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 121–122.
- ¹¹ Там же. Л. 121.
- ¹² Там же. Л. 127–128.
- ¹³ Там же. Л. 135–137.
- ¹⁴ *Преображенская П.С.* Указ. соч. С. 75.
- ¹⁵ Там же. С. 75–76.
- ¹⁶ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. Т. I. СПб., 1830. № 300. С. 532.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 154.
- ¹⁸ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых земледельцев. М., 1969. С. 126.
- ¹⁹ *Преображенская П.С.* Указ. соч. С. 77–78.

А.И. Еремин

МИРОВОСПРИЯТИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ
ГИМНАЗИСТОВ В НАЧАЛЕ XX в.
(по материалам рукописного журнала «Школьные досуги»)

В статье анализируются материалы рукописного журнала, который издавали гимназисты Орловской мужской гимназии в 1902–1903 гг. На основе этого анализа реконструируется мировосприятие гимназистов. Делается вывод, что главную роль в мировосприятии гимназистов играли идеи и образы из художественной литературы, более всего их интересовала система среднего образования в России, а менее всего – внутривополитические вопросы.

Ключевые слова: Орел, Орловская мужская гимназия, классическое образование, гимназисты, рукописный журнал, мировосприятие, художественная литература, публицистика, культурное пространство, повседневность.

В начале XX в., когда массовая культура властно воорвалась в повседневную жизнь, диктуя свои правила тиражирования продукции и воздействия на публику, даже в обстановке издательского бума конца XIX – начала XX в., роста сети изданий и книжной торговли, запросы читающей и пишущей русской публики не были удовлетворены полностью. Наряду с печатными изданиями продолжали жить различные рукописные издания. Рукописные журналы теснили альбомы и альманахи и вместе с ними оставались привычным способом самоидентификации их авторов – как правило, хорошо владевших пером, прилично знакомых с современными им литературными новинками, интересовавшихся тем, о чем говорят и что думают в России и в мире, молодых и не очень молодых российских граждан.

Тогда же сложился миф о решающем значении политических вопросов в умонастроениях российской городской молодежи, в частности, студенчества и учащихся средних учебных заведений. Миф этот оброс обширной литературой, и его легко поддержать лучшей сохранностью подтверждающего его корпуса источников.

Мнение о преимущественном значении политизации жизни студенчества накануне и в ходе революции 1905–1907 гг. и спаде его политической активности после поражения революции разделяет, например, видный специалист по истории российского студенчества конца XIX – начала XX вв. А.Е. Иванов. Он назвал этот феномен «скоротечной социально-психологической метаморфозой», причины которой следует искать в обстоятельствах формирования гражданского общества в России¹. В работах А.Е. Иванова студенчество рассматривается в связи с генетически связанной с ним социальной группой выпускников средних учебных заведений. Автор характеризует чувства и побуждения, которые испытывали абитуриенты при выборе профессии, однако вопросы самоопределения учащихся, в том числе место среди них политической тематики, в осмыслении которых формировалось мировоззрение учащихся, настроения учеников других классов, а не только выпускников, – все это осталось за рамками его исследований. И рукописные журналы гимназистов в качестве источника в них не использованы.

Особенности поисков учащимися собственной идентичности как воздействия на аксиосферу и поведенческие стереотипы молодежи бульварной литературы 1907–1917 гг. рассмотрены в недавно опубликованных статьях О. Буле. Автор зафиксировал, как именно происходило влияние образов массовой литературы на коллективное сознание школьников. Он нашел свидетельства этому в откликах читателей, в письмах в редакции газет и показал, что произведения модных беллетристов конца XIX – начала XX в. одновременно отражали и формировали повседневное мышление и поведение молодежи².

Мыслям и переживаниям нескольких авторов дневников и воспоминаний, связанным с обучением в женской гимназии в начале XX в., дано типизирующее объяснение в исследовании Т.Б. Котловой³. На наш взгляд, иллюстративное использование источников, даже одного вида (например, источников личного происхождения), не дает достаточных оснований для обобщающих характеристик. К тому же смешивается информация, отобранная и зафиксированная в дневниках, с тем, что сохранилось в памяти и вошло в воспоминания.

Вообще, можно встретить значительные различия взглядов на соотношение реконструкции и конструирования в историческом исследовании даже внутри немногочисленных исследовательских сообществ. Так, в ежегоднике «Социальная история» Н.Л. Пушкарёва утверждает, что в новой социальной истории вместо установления репрезентативности памятника и возможно более полного его приведения в традиционных исследованиях противопоставлен иной метод работы: «Речь идет о вчитывании в найденный текст, размышлениях об обстоятельствах высказывания именно запечатлевшихся идей и оценок, возможно более глубоком проникновении во внутренние смыслы сообщенного, учете недоговоренного и случайно прорвавшегося»⁴. В том же номере этого ежегодника специалист по рабочей истории Т.Я. Валетов констатирует: «Чтобы воссоздать картины жизни рабочего населения наших дореволюционных городов и приблизиться к пониманию той социальной атмосферы, приходится опираться на крайне разбросанные, не всегда надежные и, за редким исключением, нерепрезентативные данные, которые тем не менее представляется возможным сложить в единую мозаику»⁵.

Существует устойчивый интерес к проблематике социальной истории образования начала XX в., к разысканию новых источников ее изучения. Среди разнообразия введенных в научный оборот источников рукописные журналы не используются, остаются недооцененным источником. Подобные журналы привлекали внимание специалистов по истории культуры XIX в., преимущественно литературоведов и искусствоведов.

В XIX в. рукописные журналы выпускали студенты высших учебных заведений, но на рубеже веков им на смену пришли различные студенческие самопереписи, анкеты и опросы. В воспоминаниях, в художественной литературе и в исследованиях, в документации учебных заведений и судебно-полицейских органов существуют многочисленные указания на широкую распространенность рукописных изданий учащихся школьного возраста в конце XIX – начале XX в.

Рукописные журналы учащихся средних учебных заведений отличало то, что инициатива их выпуска обычно принадлежала самим учащимся, они предназначались для общения между сверстниками, как правило, внутри одного учебного заведения. Круг авторов и читателей стал оказывать решающее значение на выбор тем, сюжетов, оформления и манеру изложения. Журналы эти были разнообразны по содержанию: от литературных до общественно-политических, они изготавливались учащимися как

старших, так и младших классов, светских и духовных, мужских и женских учебных заведений.

Процесс создания и распространения журналов или газет, существующих в единственном экземпляре, давал своим авторам и читателям ощущения духовной близости, романтической тайны свободомыслия и самовыражения, способности в утонченной форме организовывать свой досуг и к тому же оказывать воздействие на окружающих людей. В подобных рукописных занятиях значительное место занимали элементы игры, развлечения, а это всегда особенно привлекательно для молодежи.

* * *

Рукописный журнал «Школьные досуги» выпускали учащиеся VI класса Орловской классической мужской гимназии в течение 1902/1903 учебного года. Сохранился полный комплект всех выпущенных восьми номеров и тетрадь указателей к ним за все время издания журнала. В отдельных номерах – от 23 до 100 страниц, общий объем – 434 страницы. Журнал выходил без строгой периодичности с августа 1902 по март 1903 гг. Все номера и указатели были собраны под матерчатый переплетом с кожаными корешком и углами. Золотым тиснением на корешке выполнена надпись «Школьные досуги. 1902–1903 г.» в манере, из материалов и шрифтом начала XX в. Журнал хранится в научной библиотеке Государственного литературного музея И.С. Тургенева (ГЛМТ) под инвентарным номером 10 677 оф*.

Встретить такой полный комплект школьного рукописного журнала – большая удача для историка: никаких данных о подобных собраниях рукописных журналов в иных архивах попросту нет. Большинство рукописных журналов отложились в коллекциях и собраниях в виде единичных поступлений и, как правило, выделены из контекста, в котором были созданы. Семь авторов, подписывавшихся псевдонимами, являют собой «сколок», «срез» тогдашнего провинциального школярства. Среди них трое особенно известны: «Одинокий» – Александр Иванович Тиняков – впоследствии поэт-символист, сохранивший этот литературный псевдоним; «П...», «Пр-ж-кий» – Евгений Алексеевич Преображенский, впоследствии ставший видным деятелем революционного движения и советского государства; «Б...» – воз-

* Автор выражает сердечную благодарность научному сотруднику ГЛМТ Л.В. Ивановой, указавшей ему на журнал, и доктору исторических наук Н.Л. Пушкаревой за помощь, оказанную при работе над статьей.

можно «Березинцев», Федор Дмитриевич Крюков, преподаватель истории и географии, воспитатель пансиона гимназии (сейчас он более известен в связи с полемикой вокруг авторства «Тихого Дона»).

В 1904 г. в журнале «Русское богатство» был опубликован большой рассказ Березинцева (Ф.Д. Крюкова) «Картинки школьной жизни». В нем читатель нашел едкую, с явными перехлестами, критику классического образования. В персонажах рассказа узнали себя многие преподаватели и учащиеся Орловской мужской гимназии, в городе был разгадан псевдоним писателя. Главный герой рассказа – Сверхчеловек Петр Иванович Кривцов Одинокий (Тиняков) издавал рукописный журнал «Лучи зари», отрывки из которого, приведенные в рассказе, дословно повторяют отдельные места из статей в «Школьных досугах»⁶. Его сосед по парте – Пржеторжевич (Преображенский). Не ясно, зачем понадобилось Крюкову в рассказе менять название журнала. В любом случае, он вписал и тот, и другой журнал в историю русской литературы начала XX в., чем невольно способствовал и сохранению комплекта «Школьных досугов».

Журнал предназначался для открытого распространения среди товарищей по гимназии и сверстников, что во многом определило особенности его содержания и бытования.

Использование рукописных журналов в качестве источника изучения мировосприятия затруднено тем, что они, подобно альбомам, изготавливались узкой группой авторов. Преломление в журналах, как и в других источниках личного происхождения, общественно-значимых событий, переживаний авторов оставило лишь «смазанные» следы.

Журнал «Школьные досуги», в дополнение к указанным выше особенностям, имеет еще ряд преимуществ по сравнению с другими источниками. Инициаторы издания создавали его для своих сверстников. Количество лиц, среди которых циркулировал журнал, исчислялось десятками. Неожиданно для самих издателей журнал и его содержание вызвали острые критические отклики тех, кто посчитал содержание статей не более чем скрытыми заимствованиями (то есть привычными школярскими переписываниями хрестоматий).

Несомненно, задетые, но и уверенные в своей правоте, редакторы и авторы в № 6 впервые оставили чистые страницы для читательских мнений, а в № 7 – поместили приглашение к дискуссии: «С 6 № нашего журнала мы оставляем в конце номера несколько страниц для того, чтобы читатели могли выразить свои мысли

о содержании журнала: о хороших и дурных его сторонах. Просим относиться серьезно к этим заметкам, и мы были бы очень довольны, если бы все читатели нашли возможность поместить свои отзывы. Кстати, предупреждаем, что все стихотворения, рассказы, статьи, рисунки и заметки оригинальны и ниоткуда не заимствованы»⁷.

В № 6 и 7 помещены девять отзывов, написанных читателями. Отзывы написаны разными почерками, часть имеет подпись «Читатель», часть оставлена без подписи, два подписаны псевдонимом «П. М-кий». (Листы с отзывами подшиты вместе с номерами журнала, но не пронумерованы). В № 6 есть ремарка, однозначно указывающая на существовании и других, кроме напечатанных, отзывов. Между авторами и читателями завязался неллицеприятный обмен мнениями, поводом для которого стали статьи о славянском единстве, конкретно – статья Преображенского «Мысли о славянстве». Выплеснулись эмоции, участники дебатов от обсуждения вопросов перешли на личности: «Само по себе заявление читателей не могло бы вызвать нас на ответ им: мало ли чего не говорят и критикуют в нашем журнале...»⁸, – заявил Преображенский. Его оппонент перчатку поднял, остроумно предложил дополнить название статьи «Мысли о славянстве» словом «обрывки».

Так рукописный журнал, задуманный для распространения среди сверстников, претерпевал изменения под влиянием обстоятельств среды бытования. Журнал, прямо взятые из него фрагменты текстов, вместе с авторами вошедшие в рассказ «Картинки школьной жизни», вызвали интерес сотен читателей журнала «Русское богатство».

Так чем же жили и «дышали» орловские гимназисты в те предреволюционные годы? Чем интересовались и о чем хотели прочесть?

Ответы на эти вопросы можно найти в содержании основных разделов рукописного журнала. Во всех номерах журнала сохранялись основные рубрики, тематика, жанры. Вначале было четыре, а с № 6 – пять основных тематических разделов: I. «Беллетристика» (стихи и проза Тинякова), II. «Критика и библиография» (обзоры Преображенского о «новой литературе» и короткие рецензии на последние литературные новинки), III. «Публицистика» (заметки по общественно-политическим вопросам с № 6), IV. «Театр и искусство» (новости театра, сообщения о выставках, лекциях, концертах), V. «Что нового?» (новости, заимствованные из печатных изданий). Основное смысловое содержание заключено в сквозной статье «Наша новая литература». Наименее

оригинальными были заметки о театре и искусстве. Из иностранных известий, наибольший интерес редакторов и авторов вызвало положение славянских народов.

Опыт изучения рукописных сборников XIX в. позволяет предположить существование зависимости между особенностями содержания и бытования журнала «Школьные досуги» и мировосприятием учащейся молодежи в провинции в начале XX в. Можно попытаться выявить особенности этой зависимости, изучая одновременно обстоятельства появления, обращения и восприятия текстов журнала.

Чтобы реконструировать мировосприятие орловских гимназистов начала XX в., необходимо рассмотреть «Школьные досуги» как один из способов его формирования и проявления, понять обстоятельства, сделавшие журнал именно таким, каким он был. Структура и содержание журнала не являются проекцией мировосприятия гимназистов. Избранные авторами темы, высказанные по ним суждения, использованные для их обоснования аргументы представляют собой мозаику феноменов и разных культурных пространств, микро- и макроконтэкстов, пересекающихся и меняющихся местами.

В качестве рабочей гипотезы использовано предположение, что контуры мировосприятия молодежи начала XX в. проявляют себя там, где в тексте журнала представлены: обсуждение поднятых вопросов; отбор тем и, особенно, те темы, к которым обращаются повторно в том же и в других номерах; изменения в содержании или структуре журнала; не высказанное – сознательно пропущенное и не замечавшееся. Мозаика (конгломерат) феноменов и разных культурных пространств, микро- и макроконтэкстов, сама выстраивается в цепочки взаимной связи между темами, мнениями и аргументами, сочетающие социальную деятельность и мировосприятие.

Рассказывая о художественной литературе, авторы «Школьных досугов» переходили к размышлениям о роли личности и социальных групп в обществе, иронизировали по поводу состояния средней школы, предлагали программы чтения и самообразования, сопоставляя все с российскими и иностранными примерами и образцами близкого и далекого прошлого. Мировосприятие гимназистов проявлялось в том, что менялась конфигурация основных тем и сюжетов. Некоторые из них освещались повторно в разных жанрах (рассказ, статья, заметка, отзыв).

Повторно авторы и редакторы журнала обращались к темам самоубийств среди молодежи, реформе образования, социальных

изменений в России, использования иностранного опыта. Возможно, что именно эти темы и вопросы казались гимназистам более важными. Ниже мы обратимся подробнее к этим событиям и темам.

Едва ли справедливо утверждать, что отсутствие обсуждений других затрагивавшихся в журнале вопросов означает, что их не было или они не считались важными. Среди них: служение обществу, положение в обществе некоторых профессий (врач, чиновник, учитель), необходимость личного труда для самореализации.

Важное значение имеет установление осознанных и невольных умолчаний о том, что было тогда актуальным, модным, принятым. В любом случае все не упомянутое из соображений самооценки, не замечавшееся или само собой разумеющееся содержит значительный объем скрытой информации, важной для понимания целостности мировосприятия, его приоритетов, констант и маргиналий.

Беря в руки рукописные журналы школьников столетней давности, исследователь невольно проникается переживаниями тех, кто создавал их. Какие события, явления, процессы в обществе волновали их создателей? Как они отвечали культурным запросам молодежи и влияли на ее умонастроения? В каком социальном и культурном пространстве происходила самоидентификация гимназистов начала XX в.? Чем задавались ограничения и возможности проявленных моральных и эстетических, индивидуальных и социально обусловленных предпочтений?

Чтобы ответить на эти вопросы, нами были проведены последовательно и попеременно деконструкция и сопоставление использованных в журнале литературных и языковых форм и приемов, тем и фрагментов между собой, с журналом как текстом, с другими видами источников.

* * *

Гимназисты не употребляли понятие «мировосприятие», но многократно использовали понятие «миросозерцание» (более десяти раз), без дополнительных комментариев насчет него. Авторы разграничили «идеи» и «настроения» тем, что «настроение, как нечто изменчивое и зависящее от идеи, не может быть сравнимо с последней, а тем более быть выше ее»⁹. На двух страницах разъясняли значение понятия «точка зрения»: «Это своего рода очки, через которые человек рассматривает все то, что перед ним происходит. Эти очки могут быть розовые и тогда жизнь человеку кажется прекрасной и исполненной прелести и поэзии; такой

человек старается оправдать зло, пропускает его мимо глаз, останавливая их только на хорошем. Людей с таким мирозерцанием у нас принято называть оптимистами. Но есть люди, мирозерцание которых совершенно противоположно оптимистам. Они рассматривают явления жизни как бы сквозь темные очки, и все, что они замечают, представляется им в мрачном свете»¹⁰.

Авторы обосновывали важнейшее значение литературного процесса для формирования мировоззрения гимназистов. Новую, общественно значимую литературу они считали средством познания жизни, выделяя в художественных произведениях приметы своего времени. Литературе же уделяли преимущественное внимание по сравнению с театром, живописью, событиями в общественной, политической, культурной жизни в стране, в мире, в Орле.

Первым из современных им писателей «по величине и важности таланта» был назван А.П. Чехов¹¹. После него – с большим отрывом – следовали В.В. Вересаев, М. Горький, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин. В журнале нет обзоров или рецензий на символистов, на популярных бульварных беллетристов.

Обзор и критика новой литературы шли в течение почти всего учебного года. Авторы довольно умело выдерживали принятую структуру литературных рецензий: сначала проблема (почему выбрано это произведение), затем пересказывалось содержание или цитировались отдельные выразительные отрывки, далее следовала полемика с известными или знаменитыми критиками, в заключении давались обобщающие, аргументированные выводы. Отобранные для анализа литературные произведения авторы журнала использовали для изложения и обоснования собственной позиции. Оценка произведений зависела от соответствия, по мнению гимназистов, литературных образов современной им российской действительности.

В общем, предложенное авторами журнала обсуждение современности путем соотнесения их с литературными типами как-то не нашло поддержки у гимназистов. Авторы журнала переоценили начитанность сверстников и собственные способности вызвать и развить интерес к уже обсуждавшейся в обществе проблематике. Вопросы общественно-политической жизни в изображении писателей казались гимназистам слишком избитыми, приводимые имена критиков, их мнения, контраргументы казались «списанными» у кого-то.

* * *

Похоже, что важнейшими для авторов и читателей журнала, предназначенного для камерного изготовления и распространения, – как это ни странно – были размышления о смысле жизни. При этом у них уже были некоторые предпочтения в поисках собственных ответов на вечный вопрос: «правды никто из людей не знает, но тем более стремление к ней должно побуждать человека в его деятельности и давать силы на его жизненном пути»¹².

В свои 16 лет они, похоже, искренне считали, что «цель человеческого существования состоит в том, чтобы дружными усилиями науки и искусства раскрыть перед ним тайны его происхождения и существования»¹³.

Из всех поднятых на страницах журнала тем только одна получила два развернутых письменных отзыва – тема самоубийства. В начале XX в. по России прокатилась эпидемия самоубийств, ставшая фоном и источником апокалипсических предчувствий эпохи декаданса. Она поглотила и учащихся средней школы, что буквально потрясло современников.

В «Школьных досугах» был «опубликован» разбор рассказа Чехова «Володя» о гимназисте VI класса, который после неудачных экзаменов покончил жизнь самоубийством. По утверждению Преображенского, из-за неправильного и уродливого воспитания «самоубийства среди учащихся сделались так часты, что отразились даже в литературе. Это явление принадлежит исключительно конкретно нашему времени, потому что лет 50 назад ничего подобного не было»¹⁴.

Читатели предпочли Чехову рассказ Одинокого (Тинякова) «Вьюга», герой которого Смуринов уже окончил университет и после недолгой службы вел хозяйство в имении. Гимназисты откликнулись двумя развернутыми отзывами. Автор первого отзыва, озаглавленного «Критический обзор рассказа “Вьюга” (вернее “История одной ненормальной души”)» обосновывал личную ответственность человека за собственную жизнь: «Наверное, все люди, подобные Смуринову, люди, не могущие найти себе дело и пристанище в жизни, по каким бы то ни было причинам кончают земное существование самоубийством. Эта страшная и опасная болезнь, распространившаяся в последнее время все более и более, унося за собой жертвы преступления перед законами жизни вообще и перед жизнью общества. <...> И если он не занялся хозяйством или каким-либо другим трудом подходящим, так это и было причиной преступности над собою. И на основании этого, я думаю, что ни условия, ни люди, ни ложь, вообще ничего из предыдущего не

виновато тут и виноват он сам, потому что не мог разобраться в ложности своей жизни и не мог разобраться потому, что был ленив работать. Ведь без дела человеку не трудно помешаться или спиться, если есть к тому средства. Вообще тип крайне ненормален, бледен, не новый – потому не руководящий, тип – пессимист, результат ложных взглядов на истинный смысл жизни»¹⁵.

Сразу вслед за этим отзывом последовал второй. Аккуратный ровный почерк, отсутствие исправлений говорят о том, что его обладатель твердо придерживался мнения о персональной, а не общественной ответственности за самоубийства: «<...> автор изображает нам человека, застрелившегося вследствие разочарования жизнью. Рассказ этот есть ни что иное, как желание продолжить родословную “лишних людей”, якобы начатую лучшими русскими писателями. Вследствие этого герой рассказа не имеет ничего художественного, и рассказ “Вьюга” принадлежит скорее к разряду произведений бездарных. Его герой, герой сделанный, герой нарисованный вразрез с действительной жизнью. Автор не подумал, имеет ли право его герой обвинять в своем разочаровании окружающих его людей. Какой гигантский эгоизм, – я скучаю, а вы все виноваты»¹⁶.

* * *

Наибольшее количество материалов журнала прямо обращено к положению дел в системе образования, особенно к проходившей тогда реформе ее среднего уровня: рассказы «Дневник гимназиста» (№ 3), «Дневник бывшего гимназиста» (№ 4), «Сельский учитель» (№ 1, 2), «Вьюга» (№ 6), статьи «О реформе средней школы» (№ 8), «Всероссийский съезд учителей» (№ 6), «Несколько слов о совместном воспитании» (№ 7), «Кое-что о женском вопросе» (№ 7) и другие. В тенденциозной общественной критике действительных и мнимых недостатков «классицизма» орловские гимназисты чутко уловили слабые места системы: устарелые учебные программы и методика, взаимная отчужденность учителей и учащихся, перегруженность программ древними языками. Одинокий (Тиняков) писал в статье «О реформе средней школы»: «Приступая к учебным занятиям в нынешнем году, большинство учащихся в средних школах думало, что занятия эти будут производиться по новой программе, по усовершенствованному методу и что школа будет для них не печальной и скучной необходимостью, а опытной и сердечной руководительницей; они думали, что школа будет наконец стараться учить своих питомцев не зубрению гекзаметров и пентаметров, а будет готовить их к уни-

верситету и жизни. И из этих розовых мечтаний ни одного не сбылось»¹⁷.

Авторы «Школьных досугов» чувствовали себя готовыми обсуждать целый ряд животрепещущих вопросов современности, тончайшие психологические переживания. Где там было найти время на выполнение заданий? Большая часть гимназистов тогда получала желанный аттестат зрелости в возрасте 19–21 года. Каково им было слышать «мелочные придирки» инспекции: не только не хулиганить в гимназии, но и не читать запрещенной литературы, не курить, не пить спиртного, не участвовать в вечерних взрослых общественных развлечениях и т. д., и т. п.?

Обостренное подростковое самолюбие, росшее у гимназистов быстрее, чем способность понимать прочитанное либо услышанное, прорывается в рукописных строчках журнала: «...Классическая школа незыблемо стоит и дразнит бессильных противников. Ей дела нет до того, сколько людей по ее вине погибает физически и какое ужасающее количество нравственно и умственно; она не замечает их, она также холодна и бесстыдна как “Стена” в рассказе Л. Андреева. Но ведь стена заколебалась, было, когда на нее дружно налегли запертые ею. Но они оставили ее, когда она начала шататься. Неужели и мы оставим свои усилия опрокинуть классическую школу тогда, когда она начала падать?»¹⁸

Как и в других случаях, гимназистам казалось, что они видят суть проблемы и кратчайший путь ее решения. Поэтому в статье «Несколько слов о чтении книг» Преображенский уверенно указывал путь устранения главного недостатка в постановке школьного дела: «У нас в гимназии ученик изучает не те предметы, к которым он имеет склонность, а те которые полагаются по программе гимназического курса. Отсюда домашнее чтение есть единственный способ для юноши к умственному развитию, и в нем одном он может узнать свои настоящие склонности к какой-нибудь науке»¹⁹.

Кроме эмоций критика гимназической системы подкреплялась подходящими высказываниями российских общественных деятелей по этой проблеме, описаниями совместного воспитания и обучения в других странах. Идеи эти витали в воздухе, обсуждались журналистами и общественными деятелями, сопоставлявшими его результаты в разных странах.

Гимназисты искренне включились в полемику, вызванную высказываниями издателя газеты-журнала «Гражданин» кн. В.П. Мещерского против совместного воспитания. Свое выступление на стороне эмансипаторов они подкрепили несколькими банальными

истинами, с чувством мужского превосходства говорили о необходимости «отучать от свойственного женщинам легкомыслия... ведь танцы и другие способы общения между молодыми людьми нам кажутся гораздо более опасными в нравственном отношении, чем общение на почве науки и искусства»²⁰.

Тема совместного обучения освещалась в контрасте с положением женщин во Франции, где «чуть ли не в каждом мало-мальски порядочном журнале можно встретить рассуждения о женском воспитании и образовании», а посему «самый естественный и легкий выход из этого, полного противоречий, положения будет состоять в том, что вместо бесплодных писаний, мы допустим женщину выйти на широкий путь, по которому идут люди к свету знания, к правде и счастью»²¹.

* * *

Целый ряд вопросов, о которых подробно и детально писалось в журнале, не оказались интересными читателям-гимназистам. Среди них, скажем, проблемы изменений, происходивших в положении социальных слоев, о значении некоторых профессий для общества, а также вопросы, обсуждавшиеся правительственными Особыми совещаниями, работавшими в начале века. Уместно ли было обсуждение таких общезначимых для данного провинциального региона вопросов на страницах журнала, читавшегося обычными подростками? Есть основания для положительного ответа.

Задачи, подготовка и ход Особых совещаний, отсутствие видимых результатов от них имели общественное звучание, освещались и обсуждались в печати, вольно или невольно стали предметом размышлений и гимназистов. Один учащийся наивно и оригинально соединил правительственные и общественные инициативы в решении крестьянского вопроса: «Выход из положения безземелья один – издание закона правительством, не позволяющим “делиться”, и приобретения земель последним у богатых владельцев или в Сибири за деньги, которые идут на народные чтения и вечера с танцами, служа крестьянам основным источником разврата. (На устройство одного народного собрания в 1903 г. и с танцами, одной Москве пожертвовали миллион, между тем сколько земли можно было приобрести на эти деньги и отдать бедным крестьянам ее. Марта 8. 1903. П. М-кий)»²².

Во всех восьми номерах журнала содержатся характеристики положения различных сословий в России. Начиная издание журнала, гимназисты обратили внимание на «жизнь низшего сословия... сословие, находящееся между мужиком и культурным чело-

веком, члены которого у нас называются разночинцами или мещанами»²³. Подметили они и возникновение новых проблем во взаимоотношениях сословий в проходившей индустриализации: «Вся она [Россия] превращается из тихой, земледельческой страны в бесшабашную, пьяную, фабричную... Где раздавалась протяжная песня пахаря, там пиликают теперь гармоника и слышатся разудалые, бессмысленные песни пьяных фабричных... Нищета и невежество нашего народа остаются те же, но хорошие его качества под давлением фабричной грязи и копоты, под гнетом жадности и разврата уходят одни за другим. И нет выхода из этого положения, нет спасения, потому что население все растет и растет, а земельный надел остается все тот же...»²⁴.

К высшим классам, «ведущим жизнь за чужой счет», они причисляли и интеллигенцию: «...Маленькая кучка людей – наша интеллигенция – в большинстве случаев незаконно пользующаяся трудами рабочих классов – незаконно с точки зрения народа, который пока еще не пользуется произведениями интеллигенции»²⁵.

Авторы журнала считали, что сословные противоречия могут разрешиться «не путем добровольного соглашения, но путем экономической борьбы»²⁶.

Орловские гимназисты разделяли общественный пессимизм в связи с отсутствием видимых изменений, «усталость» от обсуждений и ожиданий преобразований. Юношеское нетерпение в своей современности видело «развинчивание нервов» общества²⁷.

* * *

Как было избежать этого общественного пессимизма? Ответ авторам журнала виделся в обращении к опыту других стран. Обращение это, похоже, стало одним из важнейших элементов мировосприятия российской молодежи того времени. Так, сразу в нескольких номерах журнала обсуждался «славянский вопрос».

Началось с заметки о предстоявшей в 1904 г. Славянской выставке в С.-Петербурге, потребность в которой, утверждал Преображенский, «особенно назрела в последнее время, когда среди всех, почти, славянских народов является мысль о необходимости единения и дай бог, чтобы эта выставка оправдала возлагаемые на нее надежды»²⁸.

Именно идея славянского единства, полагали авторы журнала, позволяет решать важную для мира и России проблему взаимоотношений славянского и германо-романского миров в культуре, экономике, политике. Правда, «некоторые из читателей вывели из

этого заключение о “славянофильстве” автора и пожалели об этом, противопоставляя ему космополитизм как убеждение более соответствующее настоящему времени»²⁹, но ответом на это стали статьи о притеснения славянских народов в Чехии и Македонии, о немцах и турках. В своих отзывах читатели-гимназисты отстаивали свое мнение подчас в откровенно оскорбительном тоне, без разбора темы и аргументации: они с насмешкой отнеслись к суждениям своих гимназических товарищей о славянском вопросе, назвав статью одного из авторов не «Мыслями о славянстве», а «Обрывками мыслей» и предложив «писать рассказы и стихи, которые более подходят вашему уму и развитию». Но авторам и редакторам журнала трудно было согласиться с этим. На страницах продолжалось обсуждение событий в Германии, развития ее экономики и ее влияния на русскую торговлю. Воинственность императора Вильгельма называли причиной начавшейся гонки вооружений³⁰.

* * *

Листая страницы журнала, трудно не обратить внимание на то, как в размышлениях «о времени и о себе» авторы и читатели «Школьных досугов» позиционировали себя по отношению к персональным и ценностным ориентирам, принятым в обществе. В первом же номере журнала гимназисты в связи с пышными похоронами немецкого ученого и политика Р. Вирхова, создателя учения о клетке, восхищенно сетовали: «Да, умеют немцы чтить великих людей!»³¹ Избрав в качестве примеров для подражания, объектов для критики и споров выдающихся представителей российской культуры, формировавших и олицетворявших культурные традиции, гимназисты начала XX в. были далеки от отношения к ним в подобном духе.

Признание достоинств других культур соседствует с фамильярным отношением к знаковым деятелям русской культуры. Ради красного словца, бестактно, без какого-то пиетета, чтобы только противопоставить А.Н. Некрасова другим хрестоматийно признанным писателям середины XIX в., Тиняков заявил: «Тургенев, Толстой, Гончаров и все остальные вели жизнь сытую, спокойную, обломовскую, разнообразя ее только картами и вином, да охотой. <...> Тургенев, Толстой, Гончаров и другие, ведя пошлую жизнь, находили это в порядке вещей и, поедая омаров, икру и другие “деликатесы”, не страдали от сознания того, что в это время умирает где-нибудь мужик от голода; сидя с сигарой в зубах у камина, они не вспоминали о замерзающем в извозе или нетоплен-

ной хате “меньших братьях” и после выпивки и кутежа с французженками они не испытывали угрызений совести»³².

Гимназистов раздражала менторская манера Толстого, создание и распространение мифов о правильном стиле жизни в том числе усилиями С.А. Толстой, аналогичные назидания И.Е. Репина.

Казалось бы, основанием для избрания в качестве образцов для подражания могли быть общность места рождения или учебы. Тем более что среди уроженцев Орловской губернии или выпускников гимназии были И.С. Тургенев, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин, Т.Н. Грановский, произведения и факты биографии которых использовались в «Школьных досугах». Но в журнале об этой связи ничего не говорится.

Гимназисты дали отзывы в превосходной степени трем рассказам Л. Андреева, безоговорочно признали его литературное дарование и заняли его сторону в газетном скандале о «развращающем» влиянии его произведений. То, что Л. Андреев был не только уроженцем Орла, но и закончил ту же гимназию, где обучались они сами, совсем не использовалось авторами и читателями, писавшими отзывы, ни при анализе его рассказов, ни в оценках местной культурной среды.

Анализ рассказа «Руда» И. Бунина, получившего первую литературную известность в пору работы в «Орловском вестнике» в 1889–1892 гг., также не сопровождается какой-либо ремаркой о его связях с Орлом. В дискуссии о «славянофильстве» авторы журнала не вспомнили и Н.Я. Данилевского, автора теории «культурно-исторических типов» и особой роли славянства, который был уроженцем Ливенского уезда Орловской губернии. В начале XX в. Данилевский, его идеи и книги вызывали большой интерес, были, как говорится, «на слуху», имели ярких сторонников и противников.

Во время писания «Школьных досугов» все упомянутые знаменитости были известны гимназистам как уроженцы Орловской губернии и выпускники их гимназии, но никто из них не избран и не назван примером.

* * *

Культурное пространство самоидентификации гимназистов начала XX в. задавалось и ограничивалось возможностями ознакомления с новыми изданиями, постановками, выставками и связанным с ними кругом идей и персоналий. В то время отсутствовала культурная дистанция между столицами и провинцией

в смысле ценовой доступности и скорости распространения и освоения произведений современной литературы.

В разделе «Библиография» были помещены рецензии на различные литературные произведения, опубликованные в 1901–1902 гг. Все они выполнены автором, подписывавшимся псевдонимом «Б...» (повторимся: вероятнее всего – «Березинцев», Ф.Д. Крюков). Внимания удостоились «Мещане» М. Горького (№ 1), «Жили-были» Л. Андреева (№ 3), «В тумане» (№ 7), «Записки врача» (№ 5, 6) и рассказы В. Вересаева (№ 8). Временной промежуток между первой публикацией этих произведений, рецензиями в столичных изданиях и в «Школьных досугах» совсем незначительный – от нескольких дней до нескольких месяцев.

Пьеса М. Горького «Мещане» вышла отдельным изданием в марте 1902 г., первые отклики маститых российских критиков (Михайловского, Андреевича) появились уже в апреле, а рецензия в «Школьных досугах» – в номере за август 1902 г.

Рассказ Л. Андреева «Жили-были» впервые был опубликован в № 3 журнала «Жизнь» за 1901 г., а «Школьные досуги» поместили рецензию на него в октябре 1902 г. На его же рассказ «В тумане», опубликованный в самом конце 1902 г. в № 12 «Журнала для всех» первая рецензия В. Буренина появилась в «Новом времени» от 31 января, 7 февраля там же появилось скандальное письмо С.А. Толстой против Л. Андреева, а в «Школьных досугах» – сразу вслед за письмом Толстой в феврале 1903 г.

Рассказ В. Вересаева «Об одном доме», впервые опубликованный во 2-й книжке «Журнала для всех» за 1902 г., разбирается в «Школьных досугах» в ноябре того же года. А его «Записки врача», увидевшие свет в № 1–5 «Мира божьего» за 1901 г. и сразу же вызвавшие дискуссию в печати, в «Школьных досугах» – в ноябре 1902 г. То есть литературные новинки быстро попадали в провинцию, где входили в повседневную культурную жизнь молодежи, становились не только модным чтением, но и предметом публичного осмысления. Живя в провинции, гимназисты не чувствовали себя удаленными от столиц. Произведения печати – главный «информационный продукт» (после слухов) – сразу же включались в повседневный культурный обиход.

* * *

В числе насущных общественных проблем, обсуждавшихся на страницах «Школьных досугов», была и проблема «правильного чтения» для молодежи. Значение систематического чтения осознали учащиеся старших классов средних учебных заведений³³.

Авторы журнала считали себя достаточно подготовленными в этом вопросе, полагая, что они вправе давать «некоторые советы своим товарищам в чтении книг, какие нам известны или по собственному опыту, или из наблюдений над другими». Молодые авторы журнала проявляли осознанное стремление познать себя и окружающий мир путем «правильного» чтения: «Чтение имеет огромное значение для человека во всех возрастах его жизни <...> Но особенно чтение важно для нас, учащихся, ввиду нашей постановки школьного дела. У нас в гимназии ученик изучает не те предметы, к которым он имеет склонность, а те, которые полагаются по программе гимназического курса. Отсюда домашнее чтение есть единственный способ для юноши к умственному развитию, и в нем одном он может узнать свои настоящие склонности к какой-либо науке»³⁴.

Похоже, что гимназисты VI класса в то время имели навыки внимательного чтения газет. В печатное слово не верили как в нечто безусловно правдивое: знали репутацию газет, отделяли информацию от интерпретаций, сопоставляли информацию, указывали, что именно им удалось прочесть, откуда взято то или иное известие, интересовались новейшими научно-популярными изданиями. Так, авторы журнала отговаривали своих читателей читать и выписывать журналы издательства В.И. Рамма «Самообразование» и другие, а также книги и брошюры, выпускавшиеся в качестве приложения к ним: «Тематика и содержание публикуемых в них статей не отличаются актуальностью и серьезностью. А научные труды, заявленные приложением, выходят в сильно сокращенном, даже искаженном виде. Требованиям молодежи более отвечает «Вестник и библиотека самообразования»». «В этом журнале, – писал Преображенский, – среди ряда других профессоров участвуют проф. Глазенап, Менделеев и особенно известный нашей молодежи историк Кареев»³⁵.

* * *

Для получения дополнительной информации по всем выделенным компонентам мировосприятия молодежи нами была проведена реконструкция того, о чем источник умалчивает. Речь идет именно о реконструкции, но не о конструировании. С целью хотя бы частично разобраться в том, что именно умалчивалось в «Школьных досугах», нами было проведено сопоставление его материалов с рассказом Крюкова «Картинки школьной жизни», воспоминаниями бывших гимназистов Преображенского и Б. Переса, перепиской орловских обывателей в 1902–1903 гг. Этот прием

позволил не только получить искомую информацию, но и поменять угол зрения на описываемые события, очертить контуры культурных контекстов.

Современники считали Крюкова мастером бытописания, писавшего всегда с живой натуры, по непосредственным впечатлениям. Почему, например, Крюков выделил из многоцветной повседневности гимназии существование «кружка самообразования»³⁶, о котором нет сведений в «Школьных досугах». Об этом кружке в своей автобиографии писал в 1926 г. и Е.А. Преображенский³⁷.

Обращает на себя внимание то, что в журнале, в названии которого присутствовала невинная тема досугов, распространенным в то время формам времяпрепровождения молодежи было отведено совсем незначительное место. Когда листаешь страницы «Школьных досугов», создается впечатление, что авторам этого издания и их читателям более всего интересно было посещение культурно-просветительных мероприятий, а основное время занимало чтение серьезной литературы.

Почему не было обсуждений нежелательной или запрещенной литературы, не было каких-то, основанных на опубликованных текстах, конспиративных действий, едкой сатиры о преподавателях и гимназических порядках – всего того, что можно найти в периодике того времени, в том же рассказе Крюкова?

В «Школьных досугах» бескомпромиссно критиковался местный театр, его труппа, репертуар и орловская публика, в том числе учащиеся родной гимназии. Но напрасно искать в журнале хоть какие-то сведения о внешкольной жизни молодежи. Например о том, что среди распространенных увлечений гимназистов было рисование. Двое из них, названные в указателе статей авторами рисунков, оформили обложки восьми номеров журнала, ни разу не повторив шрифт, виньетки, а оригинальные пейзажи среднерусской и северной природы, портреты Некрасова и Толстого, выполненные карандашом, тушью, акварелью, требовали специальных навыков и подготовки.

Умение играть на музыкальных инструментах было настолько распространено, что позволяло собирать в гимназии оркестр симфонической музыки. Учащиеся устраивали протяженные велосипедные прогулки и соревнования, много фотографировали, брали уроки танцев, устраивали театрализованные постановки.

Весьма значимым, вовлекающим прежде всего молодежь культурным явлением в жизни провинциального города, коим был Орел в начале XX в., были культурно-просветительские вечера с чтением рефератов в духовной семинарии. Весной 1902 г. в свя-

зи с 50-летием со дня кончины Н.В. Гоголя, в ней прошел яркий литературно-музыкальный вечер. С речью «Историко-литературное значение и идея “Мертвых душ” Н.В. Гоголя» на нем выступил семинарист Д. Азбукин, считавший своим лучшим товарищем семинариста М. Феноменова, активного участника реально существовавшего и описанного Крюковым кружка самообразования. Речь Азбукина вместе с обзором об исполнении музыкальных «зарисовок» на том вечере была напечатана в одном из мартовских номеров «Орловских епархиальных ведомостей» за 1902 г.³⁸ Однако все это оказалось вне внимания авторов и составителей «Школьных досугов». Почему?

Никак не отреагировали они и на регулярные чтения рефератов по темам известного либерального журнала «Освобождение», о которых казалось уместным писать друг другу двум влюбленным молодым людям, жившим в разных городах³⁹. Активными участниками этих чтений были учащиеся старших классов орловских учебных заведений, и об этом авторы рукописного журнала просто не могли не знать. Ни слова не было сказано о студенческих волнениях, о судьбах их участников – между тем известно, что среди молодежи лица, находившиеся по причине своих политических взглядов под надзором орловской полиции, пользовались известностью и авторитетом. Есть сведения, что отдельные гимназисты почитывали нелегальную литературу, участвовали в ее распространении и других нелегальных акциях. В опубликованной автобиографии Преображенского и неопубликованных воспоминаниях Переса по прошествии 20 лет о романтике политических конспираций, о распространении нелегальной литературы, чтении рефератов, благотворительных вечерах, занятиях с рабочими в кружках было рассказано очень увлекательно⁴⁰.

Авторы «Школьных досугов» коснулись некоторых обсуждаемых тогда политических сюжетов, но большинство злободневных тем обошли молчанием. Более того, один читатель в своем отзыве счел нужным попенять авторам за излишнее внимание к политическим вопросам: «Журнал это ученический, и в нем, по моему мнению, должны помещаться статьи более подходящие перу учеников (описания, повести, рассказы, стихотворения), а не всевозможные критики и политические вопросы»⁴¹.

Ответ, в общем, достаточно очевиден. Решающее влияние на содержание журнала оказывали интересы его основных авторов – Тинякова и Преображенского. По признанию последнего в автобиографии 1926 г., отказ от продолжения издания журнала был связан с «его полной политической бесполезностью»⁴². Примеча-

тельно другое: юношеский максимализм, радикализм мышления был одинаково характерен для всех – начинающего поэта Тинякова, вкусившего запретных идей Преображенского и читателей журнала, оставивших отзывы. Но общественно-политические вопросы, поставленные в журнале, – о неравноправии сословий, экономической борьбе, общественных обязанностях – не получили отзывов сверстников не из опасений возможных нежелательных последствий, а оттого, что гимназисты не имели о них каких-то определенных представлений.

Во всем многообразии основных и второстепенных тем и сюжетов менее всего места уделено религии и Богу.

* * *

Важной характеристикой мировосприятия являются формы и стили общения, непосредственного или удаленного взаимодействия, сосуществования в возрастных, территориальных, культурных, исторических пространствах. Российская классическая гимназия конца XIX – начала XX в. не способствовала приобретению навыков ведения диалога.

Современники много критиковали «классицизм» в образовании за отрыв от жизни, доходило даже до обвинения классического образования в падении роли дворянства в народно-хозяйственной и политической жизни страны⁴³. Воспитанники классической гимназии усваивали в ней ораторские приемы, направленные на полемическое соревнование с целью одерживать победы в споре.

Это затрудняло, но не отменяло диалог. Немногие могли уверенно противостоять говорунам, умевшим убедительно изъясняться. Более искушенные в жанрах устной и письменной речи, в приемах риторики основное внимание уделяли подавлению мнений соперников и не стремились к согласованию позиций. Во всех элементах мыслительной и речевой деятельности, невозможных вне отношений единства получения сигналов, их обработки и передачи, основным являлось не содержание, не формы обсуждения, а именно демонстрация результата. Эта важная черта общественных представлений, сформированная классическим образованием, не была осознана теми, кто жил в начале XX в. Она и сейчас порой упускается исследователями, изучающими историю ментальностей.

Характерная для русского общества начала XX в. манера общественного диалога была подхвачена в «Школьных досугах». Критика, задевающая самолюбие и достоинство, продолжала традиции, заложенные XIX в., особенно почитаемыми многими Белин-

ским, Добролюбовым, Писаревым, чьи примеры вызывали желание подражать и быстро усваивались гимназистами.

Но претензии окунуться в обсуждавшуюся в обществе проблематику, встать на одну доску и с критиками, и с большими писателями встретила обоюдные язвительные комментарии авторов и читателей. Поднимаемые вопросы казались гимназистам слишком уже избитыми, а приводимые имена критиков, их мнения, контраргументы посчитали «заимствованными» у кого-то: «По-видимому сотрудники этого журнала заботятся только о том, чтобы он имел как можно больше страниц, а чем заполнить их, они перед этим не останавливаются. Сшили тетрадь в сотню листов, заполнили их всякой чепухой – и рады, что журнал получился такой толстый, прямо настоящий! <...> Спрашивается, откуда он-то узнал о ней? Да попросту списал! Но стоит своего добавить и получается чепуха, вроде следующей: на 51 странице сказано, что у Некрасова не было характера, а на 52 – что Некрасов был человек с твердым характером. Дальше на 53 странице пишется, что, несмотря на то, что талант Лермонтова выше таланта Некрасова, у последнего есть и стихотворения “по форме ни в чем не уступающие лермонтовскому “Демону” (лучшее произведение Л.), хотя по мысли и силе выражения превосходят его”. Интересно знать, милейший автор, чем вы изволили мерить таланты обоих писателей, уж не аршином ли? Не по произведениям ли судят о величине таланта?»⁴⁴

Тем же высокомерным тоном отвечали авторы журнала: «читатели должны ждать от нас полного изложения»⁴⁵. Они изъявляли готовность обсуждать предметы, о которых имели мало представления: «Я не был в Петербурге и не видал ни той, ни другой [выставки], но про картину Бунина я считаю возможным сказать несколько слов»⁴⁶. Или: «Я не знаток ни музыки, ни пения, но тем не менее, я позволю себе сказать несколько слов об этих концертах»⁴⁷. Видимо, во всех других вопросах, по поводу которых не было подобных оговорок, читателям следовало считать авторов достаточно компетентными. Эта позиция всезнайства вызывала неприятие. Выявилась политическая индифферентность гимназистов, усугубилось взаимное отчуждение, выпуск журнала прекратился.

* * *

Известно, что структура и тематика рукописных журналов, жанровые особенности, приемы аргументации и представления мнений не бывают произвольными: они, вольно или невольно,

заимствуются из каких-то образцов, значение которых для изучаемых текстов требуется установить. Горизонты замыслов и форм их реализации всегда определяются условиями времени. Для авторов «Школьных досугов» ограничения и возможности устанавливались совсем не соображениями цензуры, а ориентирами, задававшимися образовательными, интеллектуальными, эстетическими, эмоциональными склонностями их социальной группы, и определившими особенности возникновения, бытования и восприятия журнала и вошедших в него текстов.

Избрание именно рукописного журнала, а не дневника, письма или листовки в качестве жанра, формы выражения суждений о тех или иных проблемах, казавшихся наиболее значимыми, говорит о стремлении авторов изложить более или менее широкий набор тем, способных вызвать размышления и непосредственный отклик читателей. Особенности освещения в рукописных журналах тех или иных сюжетов говорят о глубине, темпах, характере проникновения затронутых в них или объясняемых при их помощи проблем в групповые и (или) индивидуальные представления.

Полная сохранность рукописного журнала «Школьные досуги», продолжительность его бытования позволяют представить мировосприятие молодежи как процесс осознанного и неосознанного, рационального и эмоционального восприятия, трансформации и придания смыслов тому, о чем рассказывалось в журнале. Журнал позволяет, прежде всего, представить контуры мировосприятия гимназической группы молодежи в начале XX в. Чтобы распространить наблюдения над небольшой группой гимназистов, в которой появился и бытовал журнал, на иной контекст, скажем, в отношении мировосприятия отдельной личности или более широких групп молодежи, очевидно, должны применяться иные модели реконструкции и интерпретации.

Главный вывод, который позволяет сделать изучение журнала «Школьные досуги», состоит в том, что мировосприятие учащейся молодежи в провинции в начале XX в. представляло собой целостный феномен взаимосвязанных в соответствии с представлениями эпохи ценностных и когнитивных постулатов, где одно явление объяснялось посредством другого или в связи с ним. Мировосприятие молодежи в российской провинции в начале XX в. представляло собой индивидуальный процесс при слабом влиянии даже ближайшего социального окружения.

Мировосприятие не равно сумме отдельных самосознаний, тем более отдельных представителей, скажем, молодежи. Читая журналы, особенно рукописные, можно размышлять о том, как столк-

новение разных тем, связанных «подводками» мыслительных процедур и форм бытования текстов, формировало ценностный мир людей того времени, влияло на осознание своего места в обществе. Конфигурация строя мыслей часто определялась и неповторимой игрой случая, который влиял больше, чем любые постулаты.

Примечания

- 1 *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века. М., 1999. С. 7–8; *Он же.* Студенческая корпорация в России конца XIX – начала XX в.: Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Он же.* Больше чем досуг (театр и культура повседневности дореволюционного студенчества) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 31–41.
- 2 *Буле О.* «Из достаточно компетентного источника»: Миф о лигах свободной любви в годы безвременья (1907–1917) // Новое литературное обозрение. 2002. № 57. С. 144–162; *Он же.* Мускулы в обмен на деньги: студенты и борцы между двумя революциями (1907–1917) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 17–30.
- 3 *Котлова Т.Б.* «Много хороших воспоминаний осталось от гимназии» (Женское образование в России 100 лет назад) // Социальная история: Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 254–277.
- 4 *Пушкарева Н.Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история: Ежегодник, 2007. М., 2008. С. 45.
- 5 *Валетов Т.Я.* Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX – начала XX в.? // Социальная история: Ежегодник, 2004. С. 177.
- 6 *Березинцев.* Картинки школьной жизни // Русское богатство. 1904. № 6. С. 106–156.
- 7 Читателям // Школьные досуги. 1903. № 7. С. 86.
- 8 Школьные досуги. 1903. № 6. С. 55.
- 9 Школьные досуги. 1902. № 1. С. 11.
- 10 Школьные досуги. 1902. № 4. С. 13–14.
- 11 *П...* Наша новая литература // Школьные досуги. 1902. № 1. С. 9.
- 12 Школьные досуги. 1902. № 5. С. 31.
- 13 Школьные досуги. 1903. № 8. С. 36–37.
- 14 *П...* Наша новая литература // Школьные досуги. 1902. № 3. С. 11.
- 15 Отзывы читателей // Школьные досуги. 1903. № 6. [Б. с.].
- 16 Там же.
- 17 *Одинокий.* О реформе средней школы // Школьные досуги. 1903. № 8. С. 67–73.
- 18 Там же. С. 72–73.
- 19 *П...* Несколько слов о чтении книг // Школьные досуги. 1903. № 8. С. 74.

- 20 Там же. С. 58–59.
- 21 *П. М-кий*. Кое-что о женском вопросе // Школьные досуги. 1903. № 8. С. 51–52.
- 22 *П. М-кий*. Отзыв // Школьные досуги. 1903. № 6. [Б. с.].
- 23 *Болховской житель*. М. Горький «Мещане» // Школьные досуги. 1902. № 1. С. 15.
- 24 *Одинокий*. «Руда» – Ив. А. Бунина // Школьные досуги. 1903. № 6. С. 35.
- 25 *П...* Наша новая литература // Школьные досуги. 1903. № 7. С. 31, 33.
- 26 Школьные досуги. 1903. № 8. С. 31.
- 27 *Одинокий*. Театр и искусство // Школьные досуги. 1902. № 4. С. 21.
- 28 *П...* Открытие всеславянской выставки // Школьные досуги. 1902. № 1. С. 21.
- 29 *П...* Мысли о славянстве // Школьные досуги. 1903. № 6. С. 55.
- 30 *П...* Из Германии // Школьные досуги. 1903. № 6. С. 70–73; *П...* Об убеждениях Вильгельма II // Школьные досуги. 1903. № 7. С. 76–79.
- 31 *П...* Смерть Вирхова // Школьные досуги. 1902. № 1. С. 20.
- 32 *Одинокий*. Н.А. Некрасов: Опыт литературной характеристики // Школьные досуги. 1903. № 6. С. 50–51.
- 33 *П...* Несколько слов о чтении книг // Школьные досуги. 1903. № 8. С. 74–85.
- 34 Там же. С. 74–75.
- 35 Школьные досуги. 1903. № 5. С. 54.
- 36 *Крюков Ф.Д.* Картинки школьной жизни // Казацкие мотивы: Очерки и рассказы. СПб., 1907. С. 117.
- 37 Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 122.
- 38 Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 64. Оп. 1. Д. 684. Л. 22.
- 39 ГАОО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 12.
- 40 Деятели СССР и революционного движения в России... С. 122; ГАОО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 13. Л. 8–9.
- 41 Отзывы читателей // Школьные досуги. 1903. № 6. [Б. с.].
- 42 Деятели СССР и революционного движения в России... С. 122.
- 43 *А.М. П-ъ*. Классическое образование как фактор падения дворянского сословия. М., 1905.
- 44 Отзывы читателей // Школьные досуги. 1903. № 6. [Б. с.].
- 45 *П...* Наша новая литература // Школьные досуги. 1902. № 1. С. 9.
- 46 *Одинокий*. «Рыбная ловля». Картина Н.Н. Бунина // Школьные досуги. 1903. № 8. С. 39.
- 47 *Одинокий*. Концерты Петровой // Школьные досуги. 1903. № 8. С. 96.

Ю.Н. Гусева

ВАЙСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ
В КОНТЕКСТЕ ИСЛАМСКОЙ «РЕФОРМАЦИИ»
КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

В статье рассматриваются идеология и практика исламской «секты» вайсовцев (последователей Б. Вайсова), существовавшей в среде тюрок-мусульман Волжско-Уральского региона во второй половине XIX – первой трети XX в. Основное внимание уделяется эволюции учения и идейной связи вайсовства с ваххабизмом и бехаизмом. Делается вывод о том, что вайсовство являлось одним из путей реформирования ислама в русле фундаментализма, но при этом оно не имело явной ваххабитской направленности.

Ключевые слова: российские тюрки-мусульмане, Казанская губерния, Симбирская губерния, Самарская губерния, Б. Вайсов, вайсовство, ваххабизм, бехаизм, исламская «секта», фундаментализм, реформирование ислама.

Проблематика реформирования ислама как общественно-политического, религиозно-духовного основания жизни различных народов и мусульманского мира в целом уже не одно столетие является одной из наиболее востребованных и дискуссионных. В настоящее время диспуты о формах и степени воздействия исламских ценностей и норм на жизнь государств и обществ не только не утихают, но разгораются с новой силой. Одним из наиболее проблемных для многих регионов мира считается вопрос о фундаменталистской (пуристской, то есть следующей по пути «очищения», консервации изначальных идей и норм, подразумевающей противодействие любым новациям в теологии и культовой практике) альтернативе развития уммы.

В последнее время очевидной становится актуальность этой темы и для Волжско-Уральского региона, мусульмане которого, разделяющие базовые ценности и принципы российского общества (и ввиду иных обстоятельств), традиционно считаются сравнительно невосприимчивыми к подобного рода настроениям. Появляются оригинальные работы, авторы которых пытаются выявить историческую подоплеку современного увлечения части татарского общества фундаменталистскими идеями. В качестве примера, как правило, приводится деятельность так называемой секты ваисовцев, существовавшей в середине XIX – первой трети XX в.

Обращаясь к историографии «ваисовского» вопроса, мы вынуждены констатировать его острую дискуссионность. Одной из идей, высказывавшейся еще в 1920-е годы, становится мнение о тождественности отдельных положений учения Б. Ваисова фундаменталистским настроениям ваххабитов. Рассуждая о деятельности суфийских орденов в России, академик В.А. Гордлевский в работе 1929 г. отмечал сепаратистские настроения Баха-уд-дина Ваисова и именовал его носителем «пуританских (ваххабитских) идей»¹. Ему вторил известный советолог А. Беннигсен, который в 1960–1980-е годы писал о ваисовцах как о мусульманах-пуританах, имевших много общего с ваххабитами². Современный историк А. Хабутдинов, следуя этой логике, также настаивает на том, что ваисовство фактически является местным вариантом ваххабизма, лидеры которого оставляли за собой «право призывать к вооруженной борьбе» с Российским государством и пытались в 1917–1920 гг. «реализовать этот тезис на практике»³.

На другом полюсе оценок – исследования Д.М. Усмановой и М. Кэмпера, которые считают «ваххабитскую» принадлежность «божьих воинов» надуманной⁴. Последний отмечал, что Багаутдин Ваисов в своих сочинениях «нигде не высказывает ностальгии по давно прошедшим временам идеального ислама, которые он хотел бы восстановить»⁵.

Очевидно, что споры о концептуальной принадлежности ваисовского учения как одного из проявлений общественной мысли волжско-уральских мусульман ведут свое начало фактически с момента его возникновения и связаны как со слабой разработкой его теологической составляющей, эклектичностью, так и с отсутствием источников⁶. В настоящей статье выясняется место ваисовского движения в общем мировоззренческом поиске, характерном для мусульманского мира конца XIX – первой трети XX вв., а также анализируется его религиозная пуританская составляющая, которая может быть соотнесена с ваххабизмом.

Рассуждая об общих тенденциях развития различных частей мусульманского мира в период существования ваисовства как явления общественной и духовной жизни тюрок-мусульман Волжско-Уральского региона, можно отметить, что по сути оно было продолжением своеобразной исламской «реформации», имевшей место в данном регионе, равно как и в Средней Азии, исламских странах Северной Африки и Ближнего Востока. Одним из ее направлений становится идея «очищения» ислама.

Как справедливо отмечают исследователи, исламский пуризм той эпохи дал жизнь двум основным тенденциям. Первая: светский модернизационный (во многих регионах Российской империи именовался джадидским) вариант предполагал неприятие «вредных обычаев, суеверий, обрядов», не отвергая при этом приятия новшеств у других народов (прежде всего европейцев); новации должны были помочь в процветании, ускорении темпов развития социума. Вторая: салафитский (ваххабитский) вариант, подразумевавший возврат к «первоначальному исламу», то есть отказ от культа святых, максимальную опору во всех сферах жизни на Коран и сборники хадисов «ал-Джами' ас-сахих» Имама ал-Бухари⁷.

В рассматриваемый период ваххабизм как фундаменталистская разновидность ортодоксального суннитского ислама являл собой узкое идеологическое течение и не имел влияния за пределами Аравийского полуострова. Как известно, в основе этого учения лежала идея «очищения» ислама от «недозволенных новшеств» (бида) и восстановления религии предков (отсюда их самоназвание – ас-салафия, салафиты). Учение Ибн'Абд ал-Ваххаба было основано на отрицании настоящего и призывах к возврату в «истинный ислам» времен Пророка. Ретроградный характер данных положений отмечен многими светскими исследователями⁸.

Пуристские идеи конкретизировались в осуждении деятельности суфиев и их практик (зикра, чтения Корана на могиле или в доме усопшего, раздачи милостыни на кладбище, использования амулетов, четок, празднования дня рождения Мухаммеда и прочего), в отрицании так называемого культа святых. Борьба за веру объявлялась обязанностью каждого мусульманина, причем она должна была вестись более активно не столько против иноверцев, сколько против мусульман, нарушающих предписания ислама. Внутренний джихад для ваххабитов был неотделим от внешнего, то есть войны с «неверными»⁹.

Важно, с нашей точки зрения, подчеркнуть еще одну установку учения ваххабитов и им подобных учений: это – представление

о будущем мусульманского мира как единого, интегрированного пространства. Именно поэтому так остро ставится и жестко решался и решается вопрос об устранении различий между мазхабами, когда индивидуальность «местного», регионального ислама рассматривается как препятствие к интеграции всех мусульман в единую умму¹⁰. Одним из путей возрождения и процветания ислама становится восстановление принципов, установленных во времена Пророка, в рамках теократического государства, основанного на коранических началах.

Вне саудовской территории понятие «ваххабит», как правило, служило полемическим приемом для атаки на оппонентов и не ассоциировалось напрямую с наследием Ваххаба. Так, в Средней Азии термин «воххобийлар» активно применялся до революции 1917 г. местными богословами, обвинявшими своих идейных оппонентов в отходе от «истинного мазхаба, истинной религии» и т. д. В советское время он стал использоваться для обозначения попыток реформирования местной религиозной традиции, ритуалов, а с 1980-х годов – применяться к тем, кто боролся за утверждение политического статуса ислама¹¹. Интересно отметить, что в Волжско-Уральском регионе в период существования ваисовского движения данный термин не использовался ни в одном из вышеуказанных контекстов.

С нашей точки зрения, развитие ваисовского движения делится на ряд периодов, соотносящихся с фигурами лидеров движения, каждый из которых вносил коррективы в практическую и теоретическую часть учения основателя ваисовства – Б. Ваисова. Полагая отчасти справедливыми замечания ряда историков об отсутствии разработанной системы взглядов у Б. Ваисова и его сыновей (Гайнанутдина, который руководил движением в 1905–1918 гг., и Газизяна – лидера в 1918–1926 гг.)¹², мы считаем важным, опираясь на архивные и опубликованные материалы по истории движения, дальнейшее выяснение, какие из положений учения Ваисовых на разных этапах его существования имеют явную перекличку с ваххабитскими идеями, а какие никак с ней не стыкуются, но находят аналогии в иных исламских концептах.

Наиболее явной перекличкой с идеями Ибн Ваххаба представляется пуристский призыв Багаутдина Ваисова «очистить» ислам от позднейших наслоений и вернуться к исламу времен Пророка. При этом можно согласиться с мнением Д. Усмановой, которая указывает на довольно общий и эмоциональный характер призывов к «очищению». Наиболее явно, по ее мнению, выражена эсхатологическая сторона учения, но при этом оно не содержит кон-

кретных предложений о реформировании ислама¹³. Корректируя последний тезис, по нашему мнению, следует говорить о запретительном характере этих изменений. Безусловно, стройной системы мы не обнаруживаем, но, как и в случае с ваххабитами, критическая составляющая, то есть то, с чем нужно бороться в процессе «очищения», представлена достаточно пространно.

Каким же видится «истинный мусульманин» в материалах, авторство которых приписывается Багаутдину Ваисову?

Во-первых, в мирской жизни он должен следовать исключительно Корану и при этом не отказываться от «обычая Пророка Мухамета и изменять его»: «Вера Вам есть держаться обычая Халифов»¹⁴. Важно подчеркнуть, что очищение понималось как возврат к «старой вере», отсюда их самоназвание, фигурировавшее в дореволюционный период, – мусульмане-«староверы». Газизян Ваисов в начале 1920-х годов продолжал говорить о миссии движения в том же ключе: «Долг группировки борцов-сподвижников Ислама следующий: действовать везде и во всем по Корану, по заветам магометан, его современников и по тем принципам наших недавних главвождей [Отца и брата. – Ю. Г.]... трудиться по совету /совещанию/ всеобщему»¹⁵.

Во-вторых, «божий воин» должен был вести высоконравственный образ жизни, не курить табак и не употреблять спиртные напитки.

В-третьих, Б. Ваисов призывал к категоричному отказу от знания русского языка и вообще не признавал необходимости овладения светскими знаниями. Впоследствии Гайнан и Газизян скорректировали этот призыв в сторону смягчения: оба признавали важность обладания светскими знаниями как залога экономического и политического процветания «восточных народов».

В-четвертых, основными врагами «истинного ислама» были татарское духовенство (муллы, улемы, муфтии), связанное с российскими властями, и местная администрация. Наибольшую неприязнь, подобно ваххабитам, Багаутдин и его сыновья испытывали к мусульманам, «искажившим» ислам. Отсутствие «узкой религиозной нетерпимости» к немусульманам (в частности к христианам) в его учении было отмечено еще дореволюционными исследователями¹⁶.

В-пятых, согласно идеям отца-основателя, истинный мусульманин должен любить бедного и не любить богатого; смиренно принимать все невзгоды и, прежде всего, выполнять свой духовный долг, а не земной («мир есть падаль, а ищущий его – собака»¹⁷). Эта идея в раннее советское время трансформировалась

в симпатию ваисовцев к беднейшим слоям мусульманского населения Волжско-Уральского региона и восточных стран (Афганистана, будущих республик Средней Азии, Персии и других).

Именно на них, подобно большевистским Советам, «ваисовцы-мусульмане Востока» делали ставку в деле утверждения «прогресса и освобождения ислама». Понятия «прогресса» и «освобождения» в представлении Газизяна Ваисова весьма расплывчаты. Однозначно только одно: для него они связаны с процессами объединения мусульман, в особенности беднейших социальных слоев, в противостоянии «империалистическим державам».

В-шестых, идущий по «истинному пути» должен был иметь настоящего духовного наставника, причем в этой роли подразумевались не муллы, которые «продают свою веру», а ишаны (суфийские шейхи). Опять же ишан должен быть «истинным», то есть принадлежащим к ваисовскому течению.

Очевидно, что первые четыре позиции имели явную перекличку с ваххабитскими представлениями, однако другие положения, скорее, имеют суфийскую окраску и не могут быть квалифицированы как фундаменталистские.

Ваххабитские концепты отчасти могут быть соотнесены с претензиями лидеров ваисовства на всеобъемлющий характер движения. Как и последователи Ваххаба, «божьи воины» брали на себя миссию спасения мусульман всего мира. Багаутдин Ваисов заявлял, что его молельный дом был духовным центром мусульман всей земли: отсюда происходило соответствующее наименование – «Центральное духовное управление мусульман всего мира». В связи с этим понятно и самоназвание членов движения – «сотрудники всего мира».

«Мы, мусульмане, должны организовать и не дать неверным осквернять священный шариат ислама», – так в первые постреволюционные годы продолжали звучать в устах агитаторов задачи «волжско-болгарских мусульман и революционеров-ваисовцев Востока»¹⁸. Ваисовский девиз «Мусульмане всех стран, соединяйтесь!», по оценке чекистов, доказывал, что движение и деятельность последней группы «нисколько не отличается от других панисламистских организаций»¹⁹.

У Газизяна, в духе современной ему политической риторики, по-прежнему ставился вопрос о «спасении ислама» объединенными усилиями «мусульманской бедноты». Общее руководство «спасенными» народами Востока должен был осуществлять «основной дом (штаб) Волжско-болгарских мусульман /турок Севера/ и их бедноты». Еще один орган самоуправления – Духовное

управление (Высшее духовное ведомство всей мусульманской бедноты) – в теории должен был управлять «массой от имени Господа Аллаха и его книги и пророка Магомета» и не должен был подчиняться (даже морально) никакому человеку и никакому правительству²⁰.

От кого и от чего нужно было «спасаться»?

По сути, под «неверными» (хотя именно такой термин они не использовали), то есть теми, на кого необходимо было воздействовать различными способами в процессе «очищения» исламской традиции, ваисовцы понимали своих же единоверцев. При этом очевидно, что наибольшей обструкции подвергались имущие слои: духовенство всех уровней, буржуазия, представители местной администрации из числа татар. У Гайнана Ваисова спектр расширяется: в его глазах важным объектом критики становятся не только тюрки-мусульмане Поволжья, но и власть имущие европейских и азиатских стран и США²¹, что было очевидным проявлением политизации и конъюнктурности движения, стремлением лидера «угодить» запросам масс.

Газизян Ваисов в начале 1920-х годов понимал миссию движения так: жить и действовать по Корану времен Магомета и его сподвижников, сочетая их с установками, идущими от Багаутдина и Гайнана. Истинность состояла в том, что ваисовцы-мусульмане стремились иметь развитое самоуправление, жить по своим законам и шариату. Как и во времена Багаутдина Ваисова, они отказывались служить в Красной (государственной) армии; учили детей в собственных религиозных школах по шариату; свою повседневную жизнь вели, сообразуясь с шариатом. Их, как и прежде, отличало непризнание официальных мулл: «Муллы, подчиняющиеся настоящей власти, не могут быть истинными мусульманами»²².

Но в отличие от отца, Газизян говорил не о «возврате к золотому веку», а о прогрессе и усовершенствовании ислама, под которыми он понимал объединение мусульман восточных стран и Болгарстана (государства волжских болгар) под исламскими началами. Однако неразработанность и эклектичность его программы не дает нам оснований говорить о характере эволюции ислама так, как понимал ее Газизян.

Подводя предварительные итоги, можно говорить о наличии отдельных сходных положений в учениях Б. Ваисова и А. Ваххаба, а также их заметной частичной трансформации в первой трети XX в.

Одним из «узловых» концептов ваххабизма является положение о внешнем джихаде, газавате. Ни одно из этих понятий в сочи-

нениях ваисовских лидеров не употребляется, однако во время возглавления движения Багаутдином и Газизяном, а также в отдельных действиях Гайнана при желании можно усмотреть элементы религиозной нетерпимости и даже экстремистские ноты²³.

«Божьи воины», по мнению К.Р. Шакурова, были, в первую очередь, приверженцами внутреннего джихада, самосовершенствования²⁴. Но как это сочетается с призывом уничтожить мулл, ишанов, татарское духовенство, сотрудничавшее с властями и «империалистами», с готовностью Гайнана противостоять «заблудникам» и тем рвением, с которым Газизян в 1919–1920 гг. формировал Зеленую армию якобы для борьбы с басмачеством в Средней Азии?

С нашей точки зрения, в различные моменты своего существования ваисовские лидеры занимали весьма неоднозначную позицию по этому вопросу, и при этом их риторика нередко не сочеталась с практикой. Призывы к расправе над муллами, уничтожению мечетей соседствовали с отказами рядовых «божьих воинов» служить в рядах государственной армии²⁵. Воззвание же Гайнана 1917 г. вообще пронизано идеей возврата к «Всемогущему Великому Богу и Его священному завету» путем объединения духовных сил различных народов. Только «духовный меч» признавался единственно возможным средством воздействия на заблуждающихся²⁶. Однако это не помешало Гайнану в начале 1918 г. получать от Казанского Совета винтовки и средства на борьбу с «инакомыслящими» мусульманами.

Единственным элементом, объединившим всех ваисовских лидеров, был отказ от служения в рядах государственной армии. В случае с Гайнаном и Газизяном при изменении внешней обстановки они никогда не отказывались от вооруженной поддержки Советов и всячески пытались создать собственные вооруженные силы – Зеленую армию. Причем целью деятельности армии была поддержка национальной идеи, создания Болгарстана (до 1921 г.) и идеи объединения восточных стран под исламскими лозунгами (после 1921 г.). Однако никаких призывов к уничтожению единоверцев по религиозным соображениям в материалах движения не обнаруживается.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что отдельные положения ваисовского учения, особенно в первый период его существования (вторая половина XIX в.), вполне типологически сходны с ваххабитскими идеями. К их числу относятся: резкие обвинения в адрес духовенства, которое будто бы презрело идеалы ислама; идея возврата к исламу времен Пророка и первых хали-

фов; призывы бороться с единоверцами, «искажившими» ислам; заявка на исключительность и всеобъемлющий характер учения, связанные с позиционированием «божьих воинов» как «спасающей группы» и лично Б. Вайсова как «спасителя, мессии» всего исламского мира.

Однако в сочинениях «великого дервиша» и его последователей не содержится открыто террористических лозунгов – призывов к «великому джихаду». По нашему мнению, можно говорить скорее о социальном и личностном противостоянии, взаимной неприязни вайсовцев и внешнего окружения, которая проистекала как от радикальности и непривлекательности в глазах большинства татарского населения вайсовских идей, так и от специфического решения национального и «мусульманского» вопроса в Российской империи.

Действительно, вайсовство отличала очень тесная увязка с национальным моментом: только болгары и их потомки, ведя свое происхождение от сеидов, сохранили «чистый» ислам²⁷. Утверждением подобной идеи решалась комплексная задача – «очищения» веры ислама и создания собственной государственности: болгарская теория «позволяла начать новые процессы по очищению веры»²⁸. Очевидно, что воссозданное Булгарское ханство, продолжая логику Б. Вайсова, должно было стать теократическим государством, основанным на коранических началах.

Излишне говорить, что на рубеже XIX–XX вв. подавляющее большинство представителей татарской национальной элиты не видело в подобном возврате исторической перспективы. Осознание ценности прогресса, закреплявшееся в массовом сознании представителей формирующейся татарской интеллигенции в указанный период, становилось все более очевидным. И «советские вайсовцы», в свою очередь, в 1918–1921 гг. отказались от прежней ретроградной риторики в пользу идеи «прогресса» ислама.

Оригинальными следует считать и представления «великого дервиша» о российском императоре – партнере вайсовцев в деле утверждения начал «истинного ислама». Как отмечает Д.М. Усманова, «свой авторитет и верность царю он противопоставлял испорченности... представителей официального мусульманского духовенства», предлагая царю свои посреднические, пропагандистские услуги в деле умиротворения Северного Кавказа²⁹. Следуя заветам отца, Гайнан и Газизян также претендовали на роль посредников в укреплении начал советской власти в Казани (Гайнан) и свершении «восточных революций» (Газизян). И по-прежнему всерьез рассчитывали на многоплановую поддержку со сто-

роны большевистского руководства, для чего регулярно обращались в Москву с ходатайствами, письмами, постановлениями и даже требованиями³⁰.

Наконец, совсем не вписывались в «очистительную» практику самоидентификация Багаутдина Ваисова как шейха накшбандийа-муджаддийа (он возводил свою духовную «цепь»-силсилу к самому Б. Накшбандийа³¹), его стремление увековечить память своего шейха, накшбандийского наставника из с. Кулатка Хвальинского уезда Саратовской губернии Джагфара Салихова, выстроив за казенный счет теккие (приют для дервишей, членов суфийских орденов). При этом он сам планировал стать муджавиром (смотрителем) теккие³².

Сыновья Багаутдина также особо поддерживали духовный авторитет покойного отца как суфийского шейха. Гайнан в одном из своих писем восхвалял «своего отца Багаутдина, именуя его Багаутдином Накшбандие...»³³. А по отношению к себе сыновья использовали титул «сардар» (в значении – глава племени, военный начальник), который подчеркивал их лидерство в светском и военном управлении, оставляя духовное первенство за Багаутдином.

Если Багаутдин Ваисов оригинально использовал суфийскую риторику и идеи тариката Накшбандийа не для противостояния российскому императору (как это было на Северном Кавказе и в Средней Азии), а наоборот, для установления союза с ним в борьбе с официальным духовенством и местными чиновниками, то его потомки были вынуждены продемонстрировать внешний разрыв с ишанским наследием и суфийской легитимизацией. Это должно было сигнализировать новому главному союзнику – центральному и местному большевистскому руководству – об отказе от «тяжелого царского наследия».

Очевидно, что общественно-политическая составляющая движения, ставшая явной с начала советского этапа, в период лидерства Гайнана и Газизяна, отодвигала «на второй план» пуритскую составляющую учения. Соображения политической конъюнктуры, неразработанность теологической стороны учения заставляли их обоих искать идейную поддержку в самых различных общественных движениях. С нашей точки зрения, напрашиваются параллели отдельных положений ваисовства с рядом существовавших тогда так называемых исламских (и не только) сект и учений.

Гайнан Ваисов, познакомившийся с учением бабидов (бехаитов), с позицией толстовцев в начале XX в., в своем воззвании

1917 г. явно обнаруживает свою связь с ними. Он обратился к людям разных вер и народностей с идеями о переустройстве «света–мира» несиловыми методами. Духовные силы, которые должны были объединиться в сознании народов всей земли и привести всех «без различия верования и национальностей всего света–мира народов» к счастливой жизни, – любовь, братство, равенство и мир. Утопической и «непротивленческой» выглядит модель переустройства: «Герои правды и справедливости» народа всего мира соединятся и создадут «для всех общую новую счастливую жизнь, любовь, равенство, и мир, и блаженство»³⁴. Народ, по природе своей – честный и благородный, не будет проливать кровь своих обидчиков, а станет «сам собой управлять по Божьему Священному Завету и восторгается тогда вечная правда и справедливость, любовь, братство, равенство и мир»³⁵. «Не убивай – будешь убит Богом, не суди – будешь судим Богом, люби – будешь любим Богом: любовь, братство, равенство и мир приведут к вечному спасению», то есть к восстановлению «вечного счастья для всех»³⁶. Эти идеи, которые сами по себе (в отрыве от других вайсовских идей) были сопоставимы с неисламскими «ересями», очень далеко отстоят от реальных дел Гайнана.

Любопытно, что подобные идеи могут быть отнесены в ряд целей и задач деятельности многочисленных и поныне существующих христианских и иных сект и течений. Например, целью масонского движения также является достижение всем человечеством, независимо от расовой, национальной, духовной культуры, принципов свободы, равенства, братства, «царства истины и любви», земного рая³⁷.

Нами отмечено также сходство отдельных идей вайсовства с продолжением бабидского движения – бехаизмом: дела веры должны управляться с помощью Корана, а над всей общиной верующих должен стоять «всемирный дом справедливости, избираемый всем народом, который будет находиться под покровительством и охраной самого Бога». Справедливость – высшая категория, она – «воспитательница мира, так как обладает двумя столпами: возмездием и вознаграждением»³⁸. Бехаит должен подчиняться земным властям³⁹. Основатель учения Бэха-уллы стремился создать «царство справедливости» мирными средствами, без борьбы и жертв⁴⁰. В свою очередь, подобно бехаитам, «вайсовцы Востока» именовали себя «истинными мусульманами». Навряд ли случайным является и совпадение священных чисел: у Багаутдина Вайсова, как и у бехаитов, это число – девять. Вайсовский «божий полк» должен был состоять из 99 главарей,

999 учителей и 9 999 последователей, и когда это случится, власть на земле должна была перейти к нему⁴¹.

Не стоит исключать вероятность общения Багаутдина Ваисова с представителями бабидов-бехаитов, равно как и с адептами учения А. Ваххаба. Источниками подтверждаются контакты Гайнана и Газизяна Ваисовых с бехаистскими общинами в персидской провинции Хорасан, где бывали ваисовские лидеры, и в Туркестане⁴². Ашхабад – место, где в начале XX в. существовало крупное объединение последователей Бэхауллы, регулярно посещали и сами наставники, и их поволжские эмиссары⁴³.

Итак, по нашему убеждению, ваисовство, как явление в целом, затруднительно квалифицировать как ваххабизм. Весьма условно их можно так именовать, если понимать данный термин как форму критики оппонентов. Думается, что на всем протяжении существования ваисовства возврат к «чистому исламу» времен Пророка по преимуществу лишь декларировался, обозначался как идеал, к которому нужно стремиться, а на практике зачастую означал фактическое неисполнение распоряжений властей, оппозицию официальному духовенству и наличие собственного Духовного управления, которое в конечном итоге в трактовке Газизяна превратилось в чистую абстракцию.

Наличие суфийской составляющей, которая в XX в. уже не оказывала на движение и его лидеров решающего влияния, скорее создавала необходимый ореол принадлежности к избранному кругу религиозных деятелей, также никак не стыкуется с мнением о ваисовстве как о «татарском ваххабизме».

Тем более неуместно рассуждать о пуристских идеях, джихаде, когда мы обращаемся к реалиям 1920-х годов. Никаких внятных концептов, отражающих идеи «очищения» ислама, в документах не обнаруживается. Это обстоятельство, а также анализ деятельности Газизяна Ваисова, позволяют сделать вывод о том, что наиболее значимым аспектом движения в этот период был не столько теологический, сколько общественно-политический. Как и в случаях с иными учениями смешанного типа, отталкиваясь от теории, движение под воздействием комплекса стремительно меняющихся общественно-социальных реалий превратилось из религиозно-этнического учения в организацию, имевшую черты политической партии, базирующуюся на религиозных основах.

Подводя итог, отметим, что ваисовство как явление не только отражало имевшие в татарском обществе Волжско-Уральского региона противоречия социально-экономического, национального порядка, но и стало в чем-то типичной, а в чем-то своеобразной по-

пыткой примирения представлений части татарского общества Волжско-Уральского региона об «идеальном исламе» с реальностью. Эту проблему, фактически с начала существования ислама, пытались разрешить верующие в различных частях мусульманского мира, но в рассматриваемый период особую остроту оно приняло в тех регионах, где на протяжении многих веков пересекались интересы христиан и последователей Пророка.

Типичность вайсовства заключалась в том, что, как и во многих иных регионах, консервативно настроенные круги духовенства, опиравшиеся на группы населения, находившиеся на низших ступенях социальной иерархии, пытались отстоять не только идею о максимально возможном в тех условиях сохранении особого статуса ислама, но и о жизненно важном возврате к его первоистокам так, как они их понимали. Во многом закономерной также стоит считать эволюцию вайсовства в сторону общественно-политического движения.

Оригинальность движения состоит в его эклектичности, связи с различными не только местными, но и иными исламскими и не-исламскими течениями, теснейшей взаимосвязи религиозного и национального аспектов учения, в весьма ограниченном применении инструментов насилия. В отличие от ваххабитов, получивших поддержку на уровне политической элиты и массы, в условиях советского времени по-прежнему не будучи востребованным широкими слоями татарского общества, вайсовство фактически ушло с общественной арены. Осмелимся предположить, что в настоящий момент в силу указанных факторов движение во всей своей полноте возродиться не сможет. А те попытки реанимации в форме «неовайсовства», которые имели место на рубеже 1990–2000-х годов, использовали лишь национальный аспект учения Б. Вайсова и его последователей⁴⁴ и были обречены на неудачу.

Примечания

- ¹ Гордлевский В.А. Баха-уд-дин Накшбанд Бухарский (К вопросу о наслоениях в исламе) // Сергею Федоровичу Ольденбургу: К пятидесятилетию научно-общественной деятельности, 1882–1932. Л., 1934. С. 166.
- ² Bennigsen A., Wimbush S. Enders. Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. L., 1985.
- ³ Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Мусульманские лидеры Нового времени. Нижний Новгород, 2011; Хабутдинов А.Ю. Ваххабизм в Татарстане: сегодняшняя ситуация в исторической ретроспективе // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 100.

- 4 *Усманова Д.М.* Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман», 1862–1916 гг. Казань, 2009. С. 21.
- 5 *Кэмпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889): Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008. С. 567.
- 6 Там же.
- 7 Россия – Средняя Азия. Т. 2. Политика и ислам в XX – начале XXI в. М., 2011. С. 145–147.
- 8 *Цветков П.* Исламизм: Ислам и его секты. Т. IV. Асхабад, 1913. С. 275.
- 9 Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 2006. С. 84–86.
- 10 Россия – Средняя Азия. Т. 2. С. 233, 234.
- 11 *Халид А.* Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. М., 2010. С. 72–74; Россия – Средняя Азия. Т. 2. С. 223.
- 12 Ислам на территории бывшей Российской империи... С. 84–86; *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 517.
- 13 *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 88.
- 14 Там же. С. 233.
- 15 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 195.
- 16 *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 195.
- 17 Там же. С. 232.
- 18 Цит. по: *Шакуров К.Р.* Ваисовское движение в России в 1860–1930-е годы. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. С. 190.
- 19 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 8.
- 20 Там же. Л. 195.
- 21 ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 5. Л. 161–168 об.
- 22 *Шакуров К.Р.* Указ. соч. С. 190.
- 23 *Емельянова Г.* К вопросу о национальной самоидентификации волжских татар в конце XIX – начале XX веков: татаризм, тюркизм, исламизм // Мир ислама. 1999. № 1/2. С. 113–126.
- 24 *Шакуров К.Р.* Указ. соч. С. 184.
- 25 *Гордеева И.А.* Мубаракша Гадельшин: отказ мусульманина-ваисовца от военной службы // Новый исторический вестник. 2011. № 3 (29). С. 103–115.
- 26 ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 5. Л. 161–168 об.
- 27 *Сенюткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород, 2007. С. 179–180.
- 28 Там же. С. 185.
- 29 *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 47–48.
- 30 ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 5; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 31.
- 31 *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 231–236.
- 32 *Сенюткина О.Н.* Указ. соч. С. 178.
- 33 *Усманова Д.М.* Указ. соч. С. 379.
- 34 ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 5. Л. 167.

- 35 Там же. Л. 168 об.
- 36 Там же. Л. 168.
- 37 Религии народов современной России: Словарь. М., 2002. С. 213–214.
- 38 *Цветков П.* Указ соч. С. 406–407.
- 39 *Беляев Е.А.* Мусульманское сектантство (Исторические очерки). М., 1957. С. 96–97.
- 40 Там же. С. 93.
- 41 *Сенюткина О.Н.* Указ. соч. С. 184.
- 42 Россия – Средняя Азия. Т. 2. С. 149.
- 43 Ислам и советское государство (1917–1936): Сборник документов. Вып. 2. М., 2010. С. 117–118.
- 44 *Ширельман В.А.* От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 131–152.

С.В. Карпенко

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ И «СВОБОДА ТОРГОВЛИ»
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА:
ИЗ ИСТОРИИ ТЫЛА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
НА ЮГЕ РОССИИ
(1919 г.)

В статье впервые в отечественной историографии анализируется состояние железных дорог на территории Вооруженных сил на юге России (ВСЮР) в 1919 г. Рассматриваются экономические, военные и политические факторы, способствовавшие расстройству железнодорожного транспорта. Раскрывается взаимосвязь между кризисными явлениями на железнодорожном транспорте и во внутренней торговле.

Ключевые слова: Гражданская война в России, А.И. Деникин, Вооруженные силы на юге России (ВСЮР), деникинская военная диктатура, железнодорожный транспорт, внутренняя торговля, экономический кризис, инфляция, спекуляция, коррупция.

За последние два десятилетия, прежде всего благодаря плодотворной работе профессора РГГУ А.С. Сенина, в отечественной исторической науке усилилось понимание той исключительной роли, которую играли российские железные дороги во время «второй русской смуты»¹.

В условиях Гражданской войны, распада бывшей империи и нарастания хозяйственной разрухи для всех военно-политических сил железнодорожный транспорт являлся «становым хребтом» и тыловой экономики, и действующей армии. На территории Вооруженных сил на юге России (ВСЮР) при главном командовании генерала А.И. Деникина (январь 1919 – март 1920 г.) восстановление свободной торговли, регулирование товарно-денежного обращения и снабжение войск в решающей мере зависели от работы железных дорог. Равно как и их провозная способность зависела от состояния внутреннего рынка, от возможности приоб-

рести на нем все необходимое для их работы. Это понимал и сам Деникин, и члены его правительства, которые называли железные дороги «одним из главных средств ведения войны», даже «одним из родов оружия»².

Прямую взаимозависимость состояния внутренней торговли и работоспособности железных дорог ясно осознавали не только правительственные чины, предприниматели и экономисты, но и простые обыватели. В условиях нарастания хозяйственной разрухи на Белом юге вообще обострился интерес населения к вопросам денежного и товарного обращения, ко всему, что так или иначе влияло на них³. Газеты постоянно и очень остро писали о дороговизне и разгуле спекуляции. Сама по себе лексика газетных статей свидетельствует как о чрезвычайно тяжелой экономической ситуации в тылу ВСЮР, так и о крайне обостренном ее восприятии населением, чем, кстати, отличалась и печать в тылу войск адмирала А.В. Колчака⁴.

Живописуя о «невероятном развале нашей экономической жизни», газеты Белого юга с начала 1919 г. соединяли «расстройство» железнодорожного транспорта, «разрушенные железные дороги» с «агонией торговли», «вакханалией спекуляции» прочными причинно-следственными связями⁵.

29 сентября 1919 г. в Ростове-на-Дону, на общем собрании членов Хозяйственно-технического союза освобожденных областей России, выступил с докладом инженер путей сообщения Ю.А. Пешель, начальник Службы эксплуатации Северо-Донецкой железной дороги. В докладе он осветил состояние железных дорог на территории ВСЮР. обстоятельный, богатый статистическими данными и откровенными экономическими обобщениями, доклад вызвал большой интерес, особенно у торговцев и промышленников. По их приглашению неделю спустя, 6 октября, Пешель выступил со своим докладом повторно, уже на заседании членов Совета торгово-промышленных деятелей местностей, освобожденных от большевиков.

Вскоре текст доклада был напечатан в ростовской типо-литографии П.В. Васильева. Почти все экземпляры 8-страничной брошюры с текстом доклада погибли, и российским историкам он долго не был известен. В библиотеке Колумбийского университета хранится один экземпляр, – возможно, единственный, дошедший до наших дней⁶.

Этот уникальный источник позволяет более глубоко и конкретно выяснить состояние железнодорожного транспорта и эффективность его работы, взаимосвязь между провозоспособ-

ностью железных дорог и состоянием внутренней торговли на территории ВСЮР в 1919 г.

* * *

Осенью 1918 г., когда при Добровольческой армии создавался центральный аппарат военного и гражданского управления, были образованы и первые органы управления железнодорожным транспортом на занимаемой территории. При этом в Особом совещании при главнокомандующем Добровольческой армией генерале Деникине серьезно рассмотрели и учли как положительный, так и отрицательный опыт управления российскими железными дорогами в годы мировой войны. В итоге в ноябре было принято решение о том, что «вся железнодорожная сеть и все пути сообщения» на территории Добровольческой армии подчиняются ее высшему командованию⁷.

Тогда же, в ноябре, реально приступил к работе сформированный за два месяца Отдел путей сообщения Особого совещания под управлением инженера Э.П. Шуберского, бывшего начальника Управления железных дорог Министерства путей сообщения при Временном правительстве, члена «Национального центра»⁸. Одновременно в штабе Добровольческой армии, руководя военными перевозками, действовало управление начальника военных сообщений генерала Н.М. Тихменева, в мировую войну занимавшего должности помощника начальника, а затем главного начальника военных сообщений Ставки главковерха.

Создание ВСЮР в январе 1919 г. повлекло за собой дальнейшее развертывание аппарата управления железными дорогами. При главкоме ВСЮР было создано Управление главного начальника военных сообщений во главе с генералом Тихменевым⁹, который по должности вошел «с правами министра» в Особое совещание при главкоме ВСЮР. С другой стороны, в феврале среди управлений при Особом совещании на основе бывшего отдела было организовано Управление путей сообщения во главе с тем же Шуберским, также вошедшим в состав реформированного Особого совещания¹⁰.

На основании решений Особого совещания Управление путей сообщения восстанавливало органы управления железными дорогами – как казенными, так и частными, – вводило тарифы на перевозку ими пассажиров и грузов, ассигновывало им денежные суммы для восстановления и содержания участков и т. д.¹¹ Поскольку было очевидно, что частные железные дороги не имеют средств для обеспечения своей работоспособности, правительство Дени-

кина финансировало их наряду с казенными путем выдачи субсидий. Так, на январскую треть 1919 г. Особое совещание ассигновало из средств Государственного казначейства Управлению путей сообщения авансом 126 млн руб., включая 6 млн на выдачу субсидии частным железным дорогам (само управление просило ассигновать ему почти 147,4 млн руб., включая почти 10,3 млн руб. на выдачу субсидии частным дорогам)¹². На майскую треть Особое совещание ассигновало Управлению путей сообщения 175 млн руб., включая 25 млн на выдачу субсидии частным железным дорогам¹³.

Финансируя казенные и частные железные дороги, устанавливая тарифы на перевозку пассажиров и грузов, правительство Деникина в условиях постоянного роста цен, естественно, было заинтересовано в повышении доходности казенных дорог. Поэтому в апреле 1919 г. Особое совещание повысило тарифные ставки на перевозку пассажиров в 10 раз по сравнению с тарифами, действовавшими до 10 июня 1917 г., а на перевозку грузов – в 17 раз¹⁴. Однако повышение тарифов неминуемо ложилось тяжелым бременем на армию, различные учреждения которой перевозили в тылу и подвозили на фронт личный состав войсковых частей, конский состав и предметы военного назначения. Поэтому тарифы на воинские перевозки были повышены лишь в июле, причем за перевозку воинских чинов – в 8 раз по сравнению с тарифами, действовавшими до 1 мая 1917 г., а на перевозку «воинской клади и воинских грузов» – в 15 раз¹⁵.

Таким образом, правительство Деникина стремилось удешевить военные перевозки и компенсировать железным дорогам неизбежные финансовые потери за счет увеличения тарифов на перевозку товаров, принадлежавших торговым фирмам.

Но даже по этим заниженным тарифам Управлению главного начальника военных сообщений хронически не хватало денег для оплаты перевозок войск и военных грузов. Возможности оплачивать многообразные военные расходы за счет эмиссии, в частности увеличить ассигнования Управлению главного начальника военных сообщений для оплаты перевозок, у Особого совещания были ограничены, поэтому оно пошло путем введения порядка оплаты военных перевозок в кредит. В декабре 1919 г. были приняты временные правила о порядке расчетов в кредит¹⁶.

* * *

Главные факторы, определявшие низкую работоспособность казенных и частных железных дорог на территории ВСЮР, мешав-

шие Управлению путей сообщения ВСЮР и Управлению главного начальника военных сообщений одолеть расстройство на железных дорогах, спасти их от полной разрухи, наладить перевозки войск, снабжение армии и гражданский товарооборот были многообразны: экономические, социальные, политические, военные и нравственные.

Поскольку основные операции велись Красной армией и ВСЮР вдоль железных дорог, от разрушений страдали пути, мосты, станционные здания и сооружения. Вдобавок красные и белые в ходе военных действий по тактическим соображениям часто взрывали пути и мосты. Отступая в глубь Советской России и Советской Украины под ударами ВСЮР в июне–октябре 1919 г., части Красной армии, когда позволяла обстановка, угоняли весь подвижной состав, взрывали мосты и пути. Со своей стороны, повстанческие отряды «зеленых», боясь больше всего бронепоездов (красных и белых), при своих передвижениях целенаправленно уничтожали пути и паровозы. С осени их действия в тылу ВСЮР активизировались, они взрывали пути, грабили станции и поезда¹⁷.

В ходе летнего наступления к центру России части армий ВСЮР заставляли депо, ремонтные мастерские и военные железнодорожные парки в различном состоянии. Одни (в Царицыне, Полтаве, Воронеже) находились в относительном порядке, с запасом инструментов, рельсов, шпал и прочих ремонтных материалов. Из других красные успевали вывезти металлы, моторы, детали станков, инструменты и т. д.¹⁸

Управление военных сообщений сразу использовало их все как базу для формирования железнодорожных батальонов и пополнения их материальной части. Продвигаясь вслед за наступающими войсками, железнодорожные батальоны занимали станции и принимали в эксплуатацию головные участки. Они охраняли станции, ремонтировали поврежденные пути и мосты. По мере восстановления они постепенно передавали участки в эксплуатацию гражданским железнодорожникам, в ведение Управления путей сообщения¹⁹. Так, сразу после занятия Царицына, за июль, благодаря стараниям Управления военных сообщений Кавказской армии и гражданской железнодорожной администрации все станции до Тихорецкой были приведены в порядок, их здания и депо были восстановлены, а мосты, месяц назад разрушенные отступающими частями 10-й красной армии, как и полуразрушенные пути, все были исправлены. С каждым днем пропускная способность железнодорожной ветви Тихорецкая–Царицын увеличивалась²⁰.

Однако, по оценке инженера Пешеля, хотя «большинство разрушенных и поврежденных сооружений для пропуска поездов» было восстановлено, все эти «восстановления» имели «преимущественно временный характер», и дорогам еще предстояло решить трудную задачу их «капитального восстановления». Трудность ее прежде всего определялась «недостатком, а иногда и совершенным отсутствием нужных материалов»²¹.

В ноябре 1918 г. по той части территории Ставропольской и Черноморской губерний, которая управлялась непосредственно органами Добровольческой армии, пролегал всего 157 верст железных дорог²². На 1 июня 1919 г., когда развернулось успешное наступление ВСЮР в глубь России, на занятой ими территории, по данным инженера Пешеля, проходило уже 4 485 верст железнодорожных путей, на 1 июля – 8 628 верст, на 1 августа – 11 913 верст, а на 1 сентября – 15 678 верст, что составило к октябрю (ввиду густоты железных дорог на юге России и на Украине) почти 25% всей российской сети железных дорог²³.

На главных станциях, особенно в городах, части ВСЮР нередко захватывали в большом количестве подвижной состав, который красные не успевали угнать на север. Так, в Царицыне на станционных путях стояло много паровозов, вагонов и цистерн. Однако, как быстро выяснялось, все паровозы нуждались в серьезном ремонте: все были сильно изношены, трубы котлов текли, просачивался и горел мазут²⁴. И такую картину белые заставали практически на всех занятых железнодорожных станциях: много «больных» паровозов и поврежденных вагонов, которые нуждались в серьезном ремонте.

По данным инженера Пешеля, на 1 сентября общее количество подвижного состава на всей занятой ВСЮР железнодорожной сети составляло 3 784 паровоза, 90 861 товарный вагон, 6 438 цистерн и 2 710 классных пассажирских вагонов. Распределены они по дорогам были неравномерно: если дороги в тылу имели количество подвижного состава, близкое к довоенному, то дороги прифронтовых районов (например, Харьковского) имели немногим более половины довоенного числа паровозов и вагонов. В условиях Гражданской войны такая ситуация считалась нормальной²⁵.

Состояние подвижного состава инженер Пешель в своем докладе охарактеризовал как «крайне тяжелое». По собранным и обобщенным им самим данным, на 1 мая доля «больных» паровозов составляла 48,4% и «больных» вагонов 34,7%, на 1 июня – 47,4% и 22,1%, на 1 июля – 50,9% и 29,3%, на 1 августа – 51,3% и 29,3% соответственно. На 1 сентября на дорогах ВСЮР был 51%

«больных» паровозов, 29% «больных» товарных вагонов 29% и 37% «больных» пассажирских вагонов²⁶. Причем инженер Пешель особо отметил: цифры эти не дают возможности судить об улучшении или ухудшении ремонтных работ, поскольку подвижной состав постоянно пополняется за счет трофеев. Отступающие красные успевали увести с собой исправный подвижной состав, а оставляли неисправный, который и поддерживал столь высокий процент «больных» паровозов и вагонов на территории ВСЮР. Так, по последним данным Пешеля, в Воронежском узле было взято 140 паровозов и 275 классных вагонов, из которых оказались годными для работы только 21 паровоз и 58 вагонов²⁷.

Указав, что ремонт подвижного состава стал первоочередной задачей, Пешель указал, что он крайне затруднен из-за прекращения работы промышленных предприятий, «расстройства внутреннего рынка» (то есть острого дефицита промтоваров, дороговизны и спекуляции) и отсутствия «сколько-нибудь организованного привоза» из-за границы. Железнодорожные склады были опустошены. На внутреннем рынке ходовые запасные части паровозов можно было купить только по баснословным ценам, а иногда нельзя было купить ни за какую цену: они попросту отсутствовали в продаже, как российского производства, так и импортные. С конца лета у дорог возникли трудности с приобретением даже сортового железа. Инженер Пешель констатировал: «дороги испытывают чрезвычайные, иногда положительно непреодолимые затруднения в отыскании нужных материалов и предметов», такие «условия рынка чрезвычайно замедляют, а иногда делают положительно невозможным выпуск неисправных единиц из ремонта»²⁸.

Положение с ремонтом постоянно ухудшалось, поскольку неуклонно ухудшалась финансовое положение железных дорог в силу нарастающего экономического кризиса. По подсчетам Пешеля, апрельское повышение тарифов на пассажирские и грузовые перевозки привело к повышению выручки дорог в 10 раз (с учетом вычета налогов), а между тем «стоимость главных материалов возросла по сравнению с довоенным временем в 50–100 и более раз», а оплата труда железнодорожников – в 20 раз. Вывод его был не категоричен, но от этого не менее пессимистичен: «Очевидно, что дороги при таких условиях не могут покрыть расходов эксплуатации, и убыток от эксплуатации будет тем больше, чем больше перевозки, так как себестоимость пудоверсты оказывается много выше тарифных ставок»²⁹.

* * *

Прежде всего именно массовая «болезнь» паровозов привела к тому, что добытый в Донбассе уголь нельзя было вывезти в города, на железнодорожные станции и в порты, где базировались корабли Черноморского флота. А в Батайском узле образовался затор во много сотен цистерн, парализовавший вывоз добываемой грозненской нефти³⁰.

До крайней степени обострилась ситуация с подвозом на передовую боеприпасов и с эвакуацией в тыл раненых и больных. Были случаи, как в мае у наступающей на Царицын Кавказской армии генерала П.Н. Врангеля, когда обозных лошадей казаки впрягали в открытые платформы, которые отступившие красные не успели угнать, и таким способом доставляли в боевые части боеприпасы и вывозили в тыл раненых³¹.

Из-за расстройств железных дорог Главное интендантство ВСЮР и другие снабженческие учреждения не справлялись со снабжением войск. Союзники по Антанте с весны 1919 г. начали доставлять боеприпасы, обмундирование и многообразное снаряжение в достаточном количестве. Склады в тылу заполнялись, а распределение всего этого военного имущества, его отправка на фронт шли медленно из-за нехватки подвижного состава и угля³².

Нехватка угля стала одним из решающих факторов разрушения железнодорожного транспорта. Эта нехватка все острее стала давать знать о себе к концу лета: в условиях роста инфляции железные дороги не имели возможности закупить у частных угледобывающих предприятий Донецкого каменноугольного бассейна необходимое количество угля. Паровозы переходили на дрова, но заготовка их налаживалась с трудом. Запас дров был далеко не на всех станциях, дровяные склады чаще были пусты. И даже военным железнодорожникам ничего не оставалось, как топить паровозы новыми шпалами, – которых остро не хватало, – беря их из штабелей³³.

Однако нехватка угля имела избирательный характер: когда речь шла о перевозках войск и казенных грузов, железнодорожная администрация заявляла об отсутствии угля или подавала на паровозы уголь низкого качества, когда же речь шла о перевозке грузов торговцев, то сразу находился хороший уголь. Причина такой избирательности была проста: торговцы или давали взятки за уголь, или закупали его сами вскладчину. 9 (22) ноября командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский телеграфировал Деникину, что подаваемый на железные дороги уголь – «настоящий мусор», из-за чего «возможны катастрофы»,

объясняя это «колоссальнейшими злоупотреблениями» при приемке угля дорогами³⁴.

Однако помимо злоупотреблений была и объективная, чисто рыночная, причина: у казенных и частных железных дорог попросту не хватало денег для покупки угля, цены на который постоянно росли. Согласно докладу инженера Пешеля, из-за товарного голода и дороговизны дороги не имели возможности приобретать на рынке все необходимое: «Даже в предметах массового потребления, как лесные материалы, смазка, топливо, дороги испытывают серьезные затруднения. Большинство дорог имеет запас топлива на один-три дня, а паровозы, вынужденные ездить на случайном или плохом угле, естественно, скорее изнашиваются»³⁵.

Месяц спустя после доклада Пешеля ростовская газета «Приазовский край», самый авторитетный печатный орган предпринимателей Дона и Кубани, писала, что формально на Белом юге, как во всякой «культурной» стране, железные дороги есть, но в действительности они являются «декорациями», ибо у них нет угля, паровозов и вагонов, как нет и средств для их ремонта³⁶.

* * *

Транспортное обслуживание войск и перевозки грузов, принадлежавших частным торговцам, сильно осложнялись и тем, что основные железные дороги проходили через три «суверенные» государственные «новообразования» – Всевеликое войско Донское, Кубанский край и Терскую область, – из которых была скроена «лоскутная государственность» ВСЮР. Донское, кубанское и терское казачьи правительства имели свои собственные органы управления железными дорогами, проходящим по их «суверенным» территориям. И в рамках установленной ими разрешительной системы на вывоз за свои пределы продовольствия и топлива, они распоряжались железными дорогами. В частности, запрещали отправлять грузы без разрешений соответствующих правительственных учреждений. А установленные таможенные заставы останавливали и задерживали составы с грузами, прежде всего продовольственными. Поэтому Главному интендантству ВСЮР иногда приходилось отправлять в Новороссийск через Екатеринодар, «стольный град» Кубани, грузы в сопровождении воинских команд, чтобы «протолкнуть их через кубанские заставы»³⁷.

Терское правительство установило полную свободу перевозки товаров внутри области без всяких разрешений, но чтобы вывезти товары за пределы области, требовалось разрешение Управления

торговли и промышленности Терского войска. На этом основании это управление телеграммой от 29 июня (12 июля) запретило управлению Владикавказской железной дороги осуществлять перевозки товаров за пределы области по разрешениям учреждений и лиц, не имеющих отношения к терскому правительству, то есть прежде всего грузы Управления торговли и промышленности ВСЮР и российских торговых фирм. В свою очередь, правитель Кабарды князь Бекович Черкасский потребовал 3 (16) июля от начальников станций Нальчик, Прохладная и других ввозить в Кабарду и вывозить из нее грузы только с его разрешения, но никак не Терского правительства³⁸.

Эта дикая, с точки зрения командного состава ВСЮР и торговцев, ситуация крайне затрудняла частным фирмам, контрагентам Управления торговли и промышленности ВСЮР и комиссионерам Главного интендантства ВСЮР, скупку и перевозку продовольствия для армии и товаров для населения. И она заставила главноначальствующего Терско-Дагестанского края генерала И.Г. Эрдели 5 (18) августа телеграфно обратиться к председателю Особого совещания генералу А.М. Драгомирову с просьбой указать управлению Владикавказской железной дороги, что оно должно исполнять распоряжения «общегосударственных властей», то есть правительственных учреждений при главкоме ВСЮР, а не областных. Заместитель председателя Особого совещания генерал А.С. Лукомский начертал на телеграмме красноречивую резолюцию «Что это за безобразие?» и 8 (22) августа отдал распоряжение главному начальнику военных сообщений генералу Тихменеву о беспрепятственном следовании грузов в пределах и из пределов Терско-Дагестанского края³⁹.

Лишь осенью представителям главного командования ВСЮР и Управления путей сообщения ВСЮР удалось договориться с донским правительством об объединении управления железными дорогами⁴⁰.

* * *

Свою пагубную роль сыграл и такой объективный фактор, как неравномерность развития железнодорожной сети на юге России. На саратовском направлении, где действовала Кавказская армия генерала Врангеля, отсутствовали меридианные железные дороги, что чрезвычайно затрудняло снабжение войск и подвоз грузов в Царицын и другие населенные пункты, занимаемые Кавказской армией. И органам снабжения приходилось пользоваться речными судами и отправлять ими боеприпасы и прочие предметы военно-

го снабжения по Волге. Однако это не могло решить всех проблем ввиду как медлительности речного транспорта, так и малочисленности пароходов, большая часть которых осталась в Астрахани, а ее никак не удавалось отбить у Красной армии⁴¹.

В этой ситуации куда большую предприимчивость проявили частные торговые фирмы. Едва наладилась, спустя месяц после занятия Царицына Кавказской армией, работа ветви Тихорецкая–Царицын, торговцы в большом количестве появились в городе, влекомые предчувствием немалых барышей. Многие обращались к начальнику военных сообщений Кавказской армии генералу П.С. Махрову с просьбой дать подвижной состав для перевозки леса в Екатеринодар и Новороссийск (в Царицыне, куда лес сплавливали плотами по Волге, находились богатейшие лесные склады), где лес ценился очень дорого, особенно на Кубани. Махров мог дать или не дать наряд на перевозку, и он отвечал торговцам: «Исполню вашу просьбу, если вы представите мне разрешение от штаба командующего армией с указанием количества груза». Такой ответ был почти равносителен отказу, и торговцам он, конечно, не нравился. Они пытались переубедить Махрова: дескать, в Новороссийске за лес можно получить валюту, а за валюту можно купить все, в чем нуждаются армия и население, прежде всего сельхозорудия, в которых остро нуждались крестьяне. Но Махров был непреклонен. Тем не менее торговцы активно везли в Царицын продовольствие с Кубани и импортные промтовары из Новороссийска, их подвоз быстро вырос⁴².

При этом частные торговцы оказались куда проворнее и предприимчивее интендантов Кавказской армии. Щедро раздавая взятки железнодорожникам, они добивались отправки своих товаров раньше, чем интендантских продовольственных грузов. В результате в августе–ноябре снабжение Кавказской армии находилось, по оценке ее командующего генерала Врангеля, «в ужасном состоянии»: интендантство поставляло кубанскую муку с перебоями, в боевых частях порой совсем не получали печеного хлеба. А тем временем частные торговцы в изобилии подвозили в Царицын и прифронтовые населенные пункты пряники, сушки и сухари⁴³.

* * *

Огромный ущерб как подвижному составу, так и движению нанесла «мобилизация» подвижного состава войсками. Особенно гипертрофированных размеров это достигло в Добровольческой армии, что имело для железнодорожного сообщения катастрофи-

ческие последствия. С одной стороны, оперативные штабы армии, дивизий и полков обзаводились своими собственными поездами, которые составлялись из пульмановских классных вагонов. Также свои поезда имели тыловые штабы, прежде всего именных дивизий и полков. С другой стороны, части стремились захватить побольше трофейного имущества как для удовлетворения своих нужд, так и для товарообмена, и поэтому им требовалось возить это имущество за собой и отправлять его в тыл. Подвижные запасы по мере продвижения на север все увеличивались, и хозяйственные части полков, поскольку обозов уже не хватало, стали обзаводиться подвижным составом. К концу осени некоторые полки имели под своими запасами до 200 вагонов, пульмановских классных и товарных, и с десятков паровозов, которые они реквизировали у железных дорог. Этими составами забивались станции, что затрудняло как подвоз на фронт предметов боевого снабжения, так и вывоз раненых и больных⁴⁴.

Управление главного начальника военных сообщений генерала Тихменева, которому полагалось организовывать военные перевозки, никак не могло исправить эту ситуацию, поскольку командиры частей попросту игнорировали его распоряжения. В результате управление и его представители на станциях не справлялись с перевозками: составы с боеприпасами, обмундированием и снаряжением простаивали на путях и загонялись в тупики в то время, как поезда старших начальников, штабов и даже центральных гражданских управлений следовали в первую очередь, снабженные «литерами»⁴⁵.

Однако торговцы ловко преодолевали те трудности, с которыми не могли справиться офицеры Управления главного начальника военных сообщений. В условиях стремительного роста дороговизны и хронического, нарастающего отставания окладов жалованья от прожиточного минимума железнодорожные служащие, как и подавляющее большинство чиновников военного и гражданского аппарата ВСЮР, от мздоимства быстро перешли к вымогательству взяток со всех, кто желал проехать и провезти груз. И торговцы, естественно, пользовались этим. Железнодорожный транспорт стал буквально «оброчной статьёй» его служащих (начальников станций, составителей поездов, сцепщиков, кондукторов и т. д.). Без взятки проехать и отправить груз стало невозможно. Железнодорожники все срывы перевозок объясняли острой нехваткой подвижного состава и угля, однако для торговцев то и другое без труда находилось за взятки. Поэтому в то время, как казенные грузы простаивали, забивая станции, частные

быстро отправлялись. В октябре «на смазку колес» торговцы раздали служащим дороги по 1200–1500 руб.⁴⁶

Их щедрость была вызвана уверенностью в том, что в условиях товарного голода они без труда «вернут» себе эти деньги, поскольку «заложат» их в «вольную» цену товара при продаже на месте доставки груза. Признав рост мздоимства на железных дорогах, инженер Пешель высказался на этот счет, щадя чувства предпринимательской аудитории, весьма деликатно: «Широко, к сожалению, развившиеся поборы на железных дорогах терпеливо сносятся клиентурой дорог, перелагающей свои убытки на потребителя»⁴⁷.

Особой формой мздоимства и спекуляции стали злоупотребления с проездными «литерами». В этом участвовали все учреждения и организации, имевшие возможность их получать в Управлении путей сообщения. Так, одна благотворительная организация распродала торговцам «литеры», которые она получала от Управления путей сообщения для своих нужд, за 25% от прибыли. Крупный хлеботорговец Молдавский успевал скупать и сбывать огромные количества зерна и хлебопродуктов прежде всего потому, что его агенты не скупались на взятки железнодорожникам. Взятки он включал в «накладные расходы» и, соответственно, цену, поэтому гражданским и военным учреждениям (например, донскому ведомству продовольствия) этот хлеб обходился очень дорого, зато поставки осуществлялись быстро⁴⁸.

В такой ситуации причастные к снабжению армии служащие различных ведомств, включая продовольственное, вынужденно приходили к выводу, что «вообще свобода транспорта крайне вредно отражается на движении» грузов для армии⁴⁹. Понимая под «свободой транспорта» гражданское управление им и «штатские порядки», они считали необходимой его полную «мобилизацию».

Особенно наживались железнодорожные служащие во время эвакуаций крупных городов. Из них первыми спешили выехать торговцы вместе со своими нераспроданными товарами и имущие социальные группы вместе со всем своим движимым имуществом. Они просто «покупали» вагоны у железнодорожников, а те делили деньги между собой. При этом вагоны обычно запломбировывались и оформлялись по ведомостям как армейское имущество: артиллерийские и интендантские грузы и т. д. Так было при временной эвакуации Царицына в августе, Харькова в ноябре, Ростова в декабре и т. д.⁵⁰

* * *

Таким образом, расширение занимаемой территории ВСЮР, рост железнодорожной сети и числа подвижного состава приводили не к улучшению работоспособности железных дорог на Белом юге, а, напротив, к углублению кризисных явлений на железнодорожном транспорте, усилению его расстройств. Ибо увеличивался объем работ по ремонту пути, станционных сооружений и подвижного состава, требовалось больше угля и дров. Однако для выполнения всего объема ремонтных работ и обеспечения дорог топливом катастрофически не хватало металлов, механизмов, инструментов и горюче-смазочных материалов. Ни у казенных, ни у частных дорог при низких правительственных тарифах на перевозку пассажиров и грузов, при низких доходах от эксплуатации, при постоянном росте дороговизны и острого дефицита товаров не хватало денег для закупки как всего необходимого для ремонта, так и горюче-смазочных материалов.

Для восстановления железных дорог, для увеличения их провозной способности, для восполнения острой нехватки паровозов и вагонов требовались время и огромные бюджетные средства, которых Управление путей сообщения и Управление главного начальника военных сообщений ВСЮР в условиях острого бюджетного дефицита и стремительной инфляции просто не имели. Поэтому за тот полугодичный срок, который они реально ведали этими дорогами, они с этой задачей не справились и не могли справиться.

В условиях нарастающего экономического кризиса и «свободы торговли» железнодорожный транспорт стал одной из самых коррумпированных наряду с внешней торговлей отраслей экономики. Массовое взяточничество железнодорожников на Белом юге стало одной из причин роста цен на товары массового спроса.

Многообразные экономические, социальные, политические, военные и нравственные факторы буквально добивали железнодорожный транспорт на территории ВСЮР. Факторы эти в 1919 г. действовали постоянно, комплексно, почти повсеместно и с нарастающей силой. Усиливавшееся расстройство железнодорожного транспорта переходило в разруху, что закономерно вело как к срыву снабжения армии, так и к разрушению товарооборота, росту дороговизны и спекуляции, в конечном итоге – ужесточению экономического кризиса, обнищанию городского и сельского населения на территории ВСЮР.

Примечания

- 1 *Сенин А.С.* Борьба за власть на российских железных дорогах: Викжель, Викжedor, Всопрофжель... (1917–1918 гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). С. 96–141; *Он же.* Московский железнодорожный узел, 1917–1922 гг. М., 2004; *Он же.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009; *Он же.* Министерство путей сообщения в 1917 году. 2-е изд. М., 2009.
- 2 Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине: Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М., 2008. С. 59, 62.
- 3 *Черниченко М.Ю.* Белая пресса как источник для изучения экономической жизни в тылу ВСЮР (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2006. № 1 (14). С. 108–110.
- 4 Там же. С. 110–114; *Кокоулин В.Г.* «От мала до велика спекулируют на чем только возможно»: городские рынки в «белой» Сибири (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3 (33). С. 94–104.
- 5 Приазовский край (Ростов н/Д). 1919. 1 янв.; 5 нояб.; Новая Россия (Харьков). 1919. 15 нояб.
- 6 *Пешель Ю.А.* Доклад Ю.А. Пешеля Общему Собранию членов Хозяйственно-Технического Союза 29 сентября 1919 г. Ростов н/Д., 1919. С. 1.
- 7 Журналы заседаний Особого совещания... С. 55–59, 61–62.
- 8 Там же. С. 27, 932, 973.
- 9 РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 128. Л. 47.
- 10 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 203, 206–207.
- 11 Журналы заседаний Особого совещания... С. 121, 469.
- 12 Там же. С. 235–236.
- 13 Там же. С. 460.
- 14 Там же. С. 288.
- 15 Там же. С. 486.
- 16 Там же. С. 869, 871–873, 928.
- 17 *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 1 // Белое дело. Кн. V. Берлин, 1928. С. 149; *Спроге В.Э.* Записки инженера // Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции; *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 248.
- 18 *Пешель Ю.А.* Указ. соч. С. 1–2; *Спроге В.Э.* Указ. соч. С. 237; *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 64.
- 19 *Спроге В.Э.* Указ. соч. С. 238, 241, 243–245; *Махров П.С.* Указ. соч. С. 85, 108–109, 137.
- 20 *Махров П.С.* Указ. соч. С. 72–73.
- 21 *Пешель Ю.А.* Указ. соч. С. 1.
- 22 Журналы заседаний Особого совещания... С. 57.

- 23 *Пешель Ю.А.* Указ. соч. С. 1.
- 24 *Махров П.С.* Указ. соч. С. 64, 109, 137.
- 25 *Пешель Ю.А.* Указ. соч. С. 2.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Там же. С. 2–3.
- 29 Там же. С. 3–4.
- 30 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 229.
- 31 *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 149.
- 32 *Махров П.С.* Указ. соч. С. 59.
- 33 *Спроге В.Э.* Указ. соч. С. 238, 242.
- 34 *Калинин И.* Русская Вандея. М.; Л., 1926. С. 282–283.
- 35 *Пешель Ю.А.* Указ. соч. С. 2–3.
- 36 Приазовский край. 1919. 5 нояб.
- 37 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 228.
- 38 Там же. С. 119–120.
- 39 Там же. С. 120–121.
- 40 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. Берлин, 1926. С. 190.
- 41 *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 165.
- 42 *Махров П.С.* Указ. соч. С. 71–73.
- 43 Там же. С. 80–81.
- 44 *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 248, 250; *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 260.
- 45 РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 130. Л. 17.
- 46 ГА РФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 55. Л. 21; *Калинин И.* Указ. соч. С. 282.
- 47 *Пешель Ю.А.* Указ. соч. С. 4.
- 48 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 275.
- 49 ГА РФ. Ф. 879. Оп. 1. Д. 55. Л. 21 об.
- 50 *Врангель П.Н.* Указ. соч. С. 187.

А.В. Крыжан

СТАНОВЛЕНИЕ АДВОКАТУРЫ
В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В 1920-е годы
(на материалах Курской губернии)

В статье рассматривается становление советской адвокатуры в Курской губернии в 1920-е годы. Основное внимание уделено анализу экономических, социальных, политических и идеологических факторов, которые влияли на развитие адвокатуры и изменение ее положения в системе советской юстиции. Делается вывод, что партийно-государственный аппарат и рядовые советские граждане не испытывали доверия к институту правозащиты.

Ключевые слова: Курская губерния, Советская власть, советская юстиция, Народный комиссариат юстиции, адвокатура.

Из всех видов профессиональной деятельности в области юстиции адвокатская практика является тем объектом, отношение к которому в российском обществе за последние полтора столетия менялось наиболее ощутимо: от восторженности либералов начала XX в. до фактического забвения в СССР. В данной статье рассматривается один из наиболее сложных периодов в истории адвокатуры, когда в 1920-е годы Советская власть перешла от отрицания необходимости адвокатской практики к целенаправленному формированию советской адвокатуры. Анализируя процесс становления советской адвокатуры на материалах Курской губернии, одного из типичных регионов центра России, мы попытались определить причины, по которым адвокатура в обыденном сознании советских людей так и не стала восприниматься ни как значимый общественный институт, ни как престижная деятельность.

Захватив власть, большевики декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. упразднили присяжную и частную адвокатуру¹. Вопрос

о целесообразности существования советской адвокатуры дебатировался новой властью достаточно активно. Дискуссию обостряло то обстоятельство, что юридический корпус дореволюционной России в большинстве своем враждебно воспринял Советскую власть. Особенно сильно это проявилось в среде адвокатуры, которая, по сути, составляла корпорацию, имевшую возможности негативно воздействовать даже на тех своих членов, которые не имели ярко выраженных антибольшевистских убеждений. Кроме того, считалось, что советский суд не нуждался в адвокатах, поскольку в основе Октябрьского «переворота лежало инстинктивно правовое сознание народа, твердо решившего взять устройство своей жизни в свои руки»². Однако в Наркомате юстиции мнения о ненужности адвокатуры не приветствовались.

Первые коллегии правозаступников появились при революционных трибуналах в декабре 1917 г. Правозаступничество понималось как общественное обвинение и защита. В коллегию могли вступить любые граждане, испытывающие желание «помочь» революционному правосудию и представившие рекомендации от соответствующего Совета рабочих и солдатских депутатов. В качестве защитника обвиняемый мог пригласить любое лицо (не обязательно из коллегии), пользующееся политическими правами. Только в том случае, если обвиняемый просил об этом, трибунал должен был предоставить ему правозаступника из состава коллегии.

С 1918 г. коллегии правозаступников начали образовываться при местных Советах. Члены коллегий избирались и отзывались по представлению губернских отделов юстиции. Лицам, не являвшимся членами коллегии, запрещалось оказание юридической помощи населению под угрозой штрафа или лишения свободы до одного года. В результате защитники попали в зависимость от местных властей, которая стала еще более заметной после принятия декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 г., утвердившего «Положение о народном суде РСФСР»³. Коллегии правозаступников стали именоваться «коллегиями защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе». Члены коллегии признавались должностными лицами и получали содержание в размере оклада, устанавливаемого для народных судей по смете Наркомата юстиции. Кроме членов коллегии интересы сторон в суде могли представлять родные тяжущихся, а также юрисконсульты советских учреждений. Участие защитника в уголовном процессе было обязательным лишь в том случае, если дело рассматривалось с участием шести народных заседателей

и обвинителя. Контроль за деятельностью коллегий возлагался на губернские отделы юстиции.

Организация коллегий защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе подверглась критике со стороны работников юстиции, которые имели юридическое образование и опыт работы в дореволюционной судебной системе, причем эта критика звучала на низовом, местном уровне. Так, в докладе уездной коллегии защитников и обвинителей на совещании народных судей Путивльского уезда Курской губернии выражалось недоумение по поводу функций коллегии, деятельность которой ограничивалась только судом, что значительно сужало ее возможности. Кроме того, подчеркивая нецелесообразность объединения в одном органе функций защиты и обвинения, юристы предлагали сосредоточить дело обвинения в суде в особой коллегии обвинителей. Критикуя численность уездной коллегии, местные правозащитники утверждали, что «существующие по штату 2 члена коллегии не могут обслуживать всех задач, возлагаемых на них Положением о суде. <...> Если учесть, что частная адвокатура, в какой бы то ни было форме, преследуется, что в участковых судах уезда накопилось большое количество дел, что население совершенно не знакомо с социалистическими правовыми нормами, что ранее дело юридической помощи населению обслуживалось 5 частными поверенными и 1 помощником присяжного поверенного, то 2 члена коллегии не в силах будут удовлетворить нужду населения в юридической помощи»⁴.

В июле 1920 г. III Всероссийский съезд деятелей советской юстиции признал, что объединение в одном органе функций обвинения и защиты себя не оправдало. Коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе были упразднены.

Днем рождения советской адвокатуры считается 26 мая 1922 г., когда ВЦИК утвердил «Положение об адвокатуре». При губернских отделах юстиции создавались коллегии по гражданским и уголовным делам, руководство которыми осуществлял президиум. На него возлагалась обязанность приема и отчисления работников, наложение дисциплинарных взысканий, решение финансовых и административных вопросов, связанных с функционированием коллегии⁵.

Несмотря на то, что после судебной реформы 1922 г. многие присяжные поверенные и их помощники вернулись к своей профессии, советская адвокатура была значительно малочисленнее дореволюционной. Даже в Москве и Петрограде в 1923 г. число

адвокатов составляло всего 15–20%, а по стране – приблизительно 25% от дореволюционного уровня. Однако в последующие несколько лет состав коллегий защитников резко увеличился⁶. Это объяснялось тем, что зарплаты у работников юстиции были ничтожно малы, а адвокатская деятельность предусматривала получение гонораров, и поначалу недостатка в желающих вступить в члены коллегии не было. Например, в июне 1922 г. в Курский губисполком обратился председатель Губсовнарсуда с просьбой освободить его от занимаемой должности, так как он решил работать в области защиты, что было несовместимо со службой в государственных учреждениях. Причиной, побудившей человека, работавшего в должностях народного судьи и председателя Совета народных судей с 1918 г., перейти в адвокатуру, явилась материальная небеспеченность⁷.

Однако уже в 1924 г. увеличилось количество увольнений защитников по собственному желанию. Адвокаты были признаны лицами свободной профессии, а стоимость патента многим провинциальным работникам была не по карману. Кроме того, как «нетрудовой элемент» они обязаны были приобретать облигации золотого займа и платить сбор на его приобретение. В сентябре 1923 г. общее собрание членов коллегии защитников по Курскому уезду обратилось с ходатайством в Губернский суд об облегчении налогового бремени, лежащего на защитниках. Обращение мотивировалось тем, что, «неся важнейшую общественную работу и серьезную повинность по ведению бесплатных защит, они не должны считаться нетрудовым элементом»⁸.

В феврале 1924 г. 4-й Курский губернский съезд работников юстиции направил в Наркомат юстиции резолюцию, в которой отмечалось, что «существенным тормозом надлежащей постановки оказания юридической помощи населению является незначительное количество членов коллегии в уездах, что объясняется невозможностью для уездных членов коллегии ввиду незначительности заработка выбирать установленный для них патент на личные промысловые занятия, что обязанность выбирать патент вредно отражается также и на идейно-нравственной стороне работы защитника, заставляет защитника в целях выработки средств на уплату патента быть менее разборчивым при принятии на себя ведения того или иного дела и ставит его в положение ремесленника, а не общественного деятеля, – съезд считает необходимым членов Коллегии защитников от обязанности выбирать патент освободить»⁹.

Несмотря на конституирование института адвокатуры, партия большевиков, Советская власть продолжала относиться к ней

с недоверием. Порядок приема в члены коллегии был усложнен. Кандидат должен был представить в президиум коллегии отзыв уездного исполкома и уполномоченных губсуда, а также пройти через образованные при губсуде экзаменационную и аттестационную комиссии. Признав, что кандидат имеет требуемый стаж и квалификацию, президиум собирал о нем сведения «способами, какие он найдет возможным и допустимым»¹⁰. Президиум имел право отказать в приеме, если полученные сведения подтверждали, что «прежняя его деятельность несовместима с деятельностью защитника. При этом Президиум не обязан сообщать непринятому подробной мотивировки отказа, давая такую только Президиуму губисполкома, в случае обжалования постановления об отказе»¹¹.

Функции коллегий заметно расширились по сравнению с периодом до судебной реформы 1922 г. Они должны были оказывать юридическую помощь населению путем дачи советов и консультаций, вести дела в судах, осуществлять широкую пропаганду советских норм права.

Члены коллегии дежурили в консультациях, организованных, как правило, при губсудах или других советских учреждениях. Поначалу посещаемость консультаций не была большой. Так, за вторую половину 1923 г. курскую губернскую консультацию посетили 167 человек. Нетрудно посчитать, что если учреждение работало пять дней в неделю, то в среднем на один день приходилось чуть больше одного посетителя¹². Однако нужда людей в адвокатской помощи росла.

О том, что услугами адвокатов пользовались различные слои населения, свидетельствуют, например, кассационные жалобы, датированные серединой 1920-х годов. Они написаны в требуемой профессиональной стилистике, со ссылками на статьи соответствующих кодексов. Например, в жалобе крестьянина-хлебороба Матвея Попова читаем: «Принимая во внимание, что суд в силу 113 ст. Гражданского кодекса обязан был разбор дела в гражданском порядке приостановить производством впредь до решения вопроса о подложности расписки или же первоначально брать дело в уголовном порядке (236–237 ст. У.п.к.)...»¹³.

Гарантией выполнения задач, поставленных перед советской адвокатурой, могло служить губернское большевистское руководство. Механизм осуществления партийного контроля начал работать уже при зачислении в члены коллегии, поскольку одним из необходимых условий приема была политическая благонадежность и лояльность по отношению к Советской власти.

Характерно, что после опубликования положения об адвокатуре на страницах «Еженедельника советской юстиции» (так первоначально назывался журнал «Российская юстиция») развернулась дискуссия об участии коммунистов в работе коллегий¹⁴. Она носила скорее теоретический характер, поскольку коммунистов в коллегиях в 1920-е годы было ничтожно мало. Так, в 1924 г. из 78 членов Курской губернской коллегии только один был большевиком¹⁵, а в середине 1926 г. на 126 курских защитников приходилось лишь 5 членов ВКП(б)¹⁶. Однако сама дискуссия свидетельствовала о том, что адвокатура по-прежнему воспринималась как буржуазный институт и вопрос о ее совместимости с советским правосудием оставался злободневным.

Для новой советской адвокатуры годы нэпа стали наиболее плодотворными. Партийное руководство и контроль со стороны губсудов относились к формальной стороне работы коллегий, но по характеру своей деятельности адвокат всё же оставался частнопрактикующим лицом, органично вписывавшимся в новую экономическую реальность. Поэтому вполне объяснимо, что возникшие тенденции к ее сворачиванию сразу же коснулись правозащитников. По инициативе Наркомата юстиции с 1928 г. была начата борьба с частнопрактикующими адвокатами, которые якобы «способствовали засорению адвокатуры»¹⁷. Акцент делался исключительно на коллективную консультационную форму деятельности.

В 1927–1928 гг. заметно участились случаи отказа правозащитникам в приеме в члены коллегии. Основанием для отказа мог быть, например, отзыв уездного исполкома, в котором сообщалось, что в 1919 г. претендент бежал с белыми и имеет недоброжелательные взгляды на Советскую власть, или отчет уполномоченного губсуда, характеризующий претендента с отрицательной стороны.

Столь же частым стало и исключение из членов коллегии, причем исключенные зачастую узнавали об этом от третьих лиц. Многие из них относились к своему исключению весьма эмоционально. Например, белгородский адвокат Коньев написал в губисполком: «Только что посчастливилось мне узнать от достойных доверия лиц, что Губисполком санкционировал чье-то представление об извержении меня из кадра защитников. <...> Я – 65-летний юнец, у меня нет почти ни здоровья, никакого имущества, нет никакого знания и умения, кроме адвокатуры, которою я всю жизнь по окончании университета исключительно только и занимался...»¹⁸ Причинами исключения могли быть уклонение от выездов для оказания юридической помощи в уезде, недисциплинирован-

ность и отсутствие инициативы в работе, поддержание на суде незаконных ходатайств и ведение дела с двух сторон. Несомненно, подобные действия со стороны адвокатов трудно оценить как высокопрофессиональные, однако они не идут ни в какое сравнение, например, с постановлениями распорядительных заседаний особых сессий народных судов, содержащих формулировки о прекращении производства по делу ввиду «неустановления фамилии и имени обвиняемого» или «невозможности в дальнейшем установить его местожительство»¹⁹.

Не лучше обстояли дела и в следственных органах. Губпрокуроры вынуждены были циркулярно указывать следователям на то, что обвинительные заключения часто грешат не только против элементарных указаний статей применяемых кодексов, «но и против требований самой простой логики. Обвинение часто строится на одних только априорных предположениях нарследователя, и в них пестрят слова “по-видимому”, “очевидно”, “надо полагать”, без ссылки на конкретные данные...»²⁰.

Подобные примеры можно встретить не только в документах местных следственных органов. М.С. Свидзинская приводит выдержку из протокола допроса фабриканта Фишбеина исполняющим должность заведующего Юридическим бюро Отдела металлов ВСНХ И.Д. Брауде по делу РАСМЕКО. Фишбеин отказался отвечать на вопрос о том, предлагали ли ему сотрудники РАСМЕКО дать им взятку «категорически по личным, весьма серьезным соображениям». И этот ответ удовлетворил не только Брауде, но и следователя Отдела по борьбе со спекуляцией ВЧК К.А. Закиса²¹.

Однако случаи отзыва судей или следователей, проявивших профессиональную некомпетентность, были скорее исключением, чем нормой. Что же касается правозащитников, то только в 1923 г. Дисциплинарная коллегия Курского губсуда рассмотрела 42 дела в отношении членов коллегии защитников, при общей ее численности в 78 человек²². Здесь, несомненно, играло роль то обстоятельство, что адвокаты оставались для местных властей «классово чуждым элементом».

Правозащитники пытались бороться с решениями губисполкомов, обращаясь с жалобами в вышестоящие инстанции. Так, 18 июня 1927 г. заместитель Прокурора республики Н.В. Крыленко запросил телеграммой председателя Курского губсуда о причинах отозвания из членов коллегии защитников некоего Н.Н. Андреева. Отмечая недобросовестное отношение Андреева к исполнению обязанностей и чрезмерно высокие гонорары, полу-

чаемые тем за свои услуги, местный советский чиновник делает весьма характерное замечание: «Защитник Андреев по происхождению дворянин»²³.

Случаи корыстных действий адвокатов действительно имели место. Так, в 1923 г. в Дмитриевский уездный комитет РКП(б) поступило письмо жителя уезда, который утверждал, что «наша Дмитриевская адвокатура защищает интересы не беднейшего населения, а в первую очередь, свой карман, или интересы того, кто больше даст...»²⁴. В том же 1923 г. в «Курской правде» была опубликована заметка, в которой сообщалось, что «при отступлении белых банд с Курска бежал некий поп Нестеров со своей семьей. Не успев или не желая распродавать своего имущества, он оставил его торговцу Скибину. Зимой прошлого года объявилась “хозяйка” этого имущества дочь попа Нестерова, которая каким-то образом через суд посредством дяди своего защитника Косьминского выхлопотала себе обратно имущество»²⁵. Автор заметки задавал вопрос, почему суд приговорил имущество в пользу дочери «попа, бежавшего с белыми бандами», а не в пользу Советского государства, что было явным нарушением советских законов. В ходе разбирательства выяснилось, что защитник Косьминский действительно скрыл от суда факт бегства попа Нестерова с белыми, который, несомненно, был ему известен, так как он являлся родным братом жены бежавшего священника.

Недоверчивое отношение населения к адвокатским коллегиям усиливалось тем, что зачастую в них существовали острые противоречия и личная неприязнь между правозащитниками. В октябре 1923 г. Курский губернский съезд членов коллегии защитников за отсутствие надзора со стороны президиума над правильностью работы отдельных членов коллегии исключил из состава президиума председателя П.Н. Ангенопуло, его заместителя М.Г. Рождественского и секретаря В.Н. Сенаторского²⁶. Уполномоченные губсудов, которые контролировали деятельность всех органов юстиции на местах, часто «запрашивали» членов президиума о деятельности коллег. Учитывая характер профессии, это ухудшало межличностные отношения внутри коллегии, а учитывая исторические реалии эпохи – создавало атмосферу всеобщей подозрительности.

Подводя итог, можно заключить, что встраивание адвокатуры в систему советской юстиции в 1920-е годы означало изменение отношения правящей партии большевиков к правосудию и правопорядку. К концу первого десятилетия существования советской государственности ни новая, партийно-советская, власть, ни обще-

ство уже не рассматривали суды и юристов в качестве временных элементов, необходимость в которых отпадет по мере «ликвидации врагов революции». Адвокатская деятельность стала восприниматься как нормальная практика, к которой любой гражданин мог прибегнуть во многих ситуациях повседневной жизни, связанных не только с преступными проявлениями, но и с насущными вещами: разводами, наследованием, имущественными спорами, налоговыми выплатами и прочими социальными явлениями. К адвокатским услугам обращались представители самых разных слоев населения по разнообразным вопросам. Потребность в адвокатской помощи нарастала, о чем свидетельствовал рост численности коллегий правозащитников.

Немалую роль сыграло то обстоятельство, что становление адвокатуры совпало с переходом от «военного коммунизма» к нэпу. Дело не только в том, что в рамках нэпа приветствовалась частная инициатива и индивидуальный труд, но и в усложнении имущественных отношений. В этих условиях адвокатская практика поощрялась с чисто прагматических позиций. Кроме того, настаивая на необходимости адвокатуры, Наркомат юстиции ни в коей мере не предполагал создавать некий институт гражданского общества, который будет защищать интересы индивида от произвола государства. Адвокатура изначально рассматривалась не как правовой, а как политический институт.

На становление советской адвокатуры влиял ряд противоречивых факторов.

Во-первых, по мере усложнения социальных отношений внутри новой системы усложнялось советское законодательство и практика его применения. Специфика адвокатской деятельности затрудняла рекрутирование в эту среду представителей трудящихся масс, чей образовательный уровень в 1920-е годы оставался крайне низким. Это некоторым образом противопоставляло адвокатуру советской партийно-государственной системе, вызывало недоверие со стороны тех людей, которым внушалось, что «им все само собой принадлежит по праву, например, пролетарского происхождения – возьми и потребляй»²⁷.

Во-вторых, средоточие в адвокатской среде дореволюционных специалистов было нежелательным для новой власти явлением. До революции присяжные поверенные на местах зачастую имели диплом Московского университета, но, в отличие от столичных адвокатов, не имели высоких гонораров, позволявших с приходом большевиков эмигрировать за границу. Новые жизненные условия заставили их выживать вместе со всеми, но полученное образова-

ние делало невозможным думать как все. К середине 1920-х годов власть, справившись в основном с «инакодействующими», видела основных врагов уже в «инакомыслящих». Кроме того, в адвокатуре было мало коммунистов, что также не укрепляло доверия к ней, особенно на местах.

В-третьих, нередкими были случаи нарушений адвокатской этики, на которые советское общество реагировало весьма болезненно. Анализируя причины подобных действий правозащитников, следует учитывать, по крайней мере, три обстоятельства. Первое: то, что адвокатская деятельность стала восприниматься обществом как нормальная практика, означало, что сами адвокаты стремились к нормальной жизни, под которой люди понимают «привычный для себя уклад: устоявшийся быт, родных и близких людей, знакомые и привычные социальные действия»²⁸. Второе: в адвокатуре работали люди, обладающие знаниями и моральной ответственностью, но они уже десять лет испытывали на себе влияние неустроенного советского быта и находились в условиях системы, базировавшейся на отсутствии личной свободы. Третье: с другой стороны, в эту среду проникали непрофессионалы, которые были попросту некомпетентны, а также безответственные люди, жаждущие высоких гонораров на фоне ничтожных государственных зарплат.

Таким образом, можно говорить о том, что при наличии объективной потребности в адвокатуре ни представители партийно-государственной власти, ни рядовые советские граждане не испытывали доверия к воссозданному институту правозащиты. В отношениях с властью нарастал антагонизм между сущностью адвокатской деятельности и неправовым характером большевистского режима, а в отношениях с гражданами росло недоверие со стороны последних в связи с необходимостью платить гонорары частным лицам, деятельность которых была, с одной стороны, востребована, но, с другой стороны, сложна, малопонятна и по всем внешним признакам – «буржуазна». Наконец, в 1920-е годы правовые знания и правовая культура адвокатов противоречили обыденному сознанию большинства советских людей.

Примечания

- ¹ Декрет «О суде» от 24 ноября 1917 г. // Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1917. № 4. Ст. 50.
- ² О суде и наших юристах // Курская правда. 1920. 12 дек.

- ³ Декрет ВЦИК «Положение о народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
- ⁴ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 81. Л. 69–70.
- ⁵ Постановление НКЮ «Положение о коллегиях защитников» от 5 июля 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.
- ⁶ *Филиппова Ю.А.* Из истории русской адвокатуры // Адвокатская практика. 2005. № 4. С. 11.
- ⁷ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 205. Л. 99.
- ⁸ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 362 Л. 294.
- ⁹ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 57. Л. 65.
- ¹⁰ Там же. Л. 28.
- ¹¹ Там же. Л. 29.
- ¹² ГАКО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 38. Л. 16, 18–19.
- ¹³ Там же. Л. 128.
- ¹⁴ *Смыкалин А.* Судебная реформа 1922 года // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 42.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 57. Л. 24.
- ¹⁶ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1112. Л. 17.
- ¹⁷ Постановление коллегии НКЮ «О защите в суде» от 12 апреля 1928 г. // Еже-недельник советской юстиции. 1928. № 26. С. 749.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 1587. Л. 378.
- ¹⁹ ГАКО. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.
- ²⁰ Там же. Л. 77.
- ²¹ *Свидзинская М.С.* «Дело РАСМЕКО»: из истории нравов российского чиновничества и борьбы с «выжиманием взяток» (1918 г.) // Новый исторический вестник. 2011. № 4 (30). С. 33.
- ²² ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 57. Л. 101.
- ²³ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 2. Д. 21. Л. 126.
- ²⁴ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.
- ²⁵ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 57. Л. 8.
- ²⁶ Там же. Л. 27.
- ²⁷ *Мамардашвили М.К.* Философия – это сознание вслух // Сознание и цивилизация. СПб., 2011. С. 43.
- ²⁸ *Крыжан А.В.* Конфликт губернского масштаба: как Курский губернский отдел юстиции не выполнил распоряжения Наркомюста (1922–1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2011. № 4 (30). С. 56.

М.В. Кротова

КОНФЛИКТ НА КВЖД 1929 г.: ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РУССКИХ В МАНЬЧЖУРИИ

В статье рассматривается неизвестная сторона конфликта на КВЖД 1929 г. – информационная война СССР против Китая. Главное внимание уделяется критическому анализу пропагандистских штампов Телеграфного агентства Советского Союза и советских газет, а также восприятию конфликта и советской пропаганды русскими эмигрантами в Маньчжурии. Делается вывод о том, что советская дезинформация о конфликте способствовала укреплению антибольшевистских настроений эмигрантов.

Ключевые слова: советско-китайский конфликт 1929 г., Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), Маньчжурия, Харбин, советские граждане, русская эмиграция, Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), периодическая печать, пропаганда.

Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. до сих пор остается не до конца изученным. Если военная и политическая стороны конфликта освещены достаточно полно, то обстановка на КВЖД и в полосе отчуждения, а также поведение советских граждан и эмигрантов, живших в Маньчжурии, еще нуждаются в выяснении.

Связано это в первую очередь с недостатком достоверных источников по истории конфликта. Дело в том, что ситуация на КВЖД была окружена массой слухов, часто совершенно нелепых домыслов и предположений. Сведения эти были не всегда достоверны, но по политическим и идеологическим соображениям они получили широкую огласку в советской, эмигрантской и мировой прессе, и до сих пор именно они являются традиционным источни-

ком для реконструкции событий. Задача настоящей статьи – на основе выявленных новых источников выяснить восприятие конфликта на КВЖД эмигрантами и советскими гражданами, которые проживали тогда в Маньчжурии.

Одной из главных проблем в деле освещения конфликта стала проблема достоверной информации. Коллегия НКВД 19 июля 1929 г., то есть через 8 дней после начала советско-китайского конфликта, признала необходимыми следующие меры: «1) начать давать систематически в нашу прессу фактические сведения о событиях в связи с конфликтом с Китаем и опровержение всяких злобных и провокационных слухов, распространяемых враждебной прессой; 2) начать давать систематическую информацию полпредам о развитии событий <...> в желаемом нам духе»¹. Но откуда было взять такую информацию? 10 июля 1929 г. китайская полиция захватила телеграф и телефон КВЖД, и тем самым связь с миром была прервана. Через три дня советско-китайские дипломатические отношения были прекращены, а советско-китайская граница была закрыта. 18 июля 1929 г. было решено отозвать всех лиц, назначенных советским правительством на КВЖД, с китайской территории в связи с разрывом отношений с Китаем. Харбин покинули почти все консульские служащие и руководители советской части КВЖД. Защиту интересов советских граждан в Китае и китайских граждан в СССР взяло на себя германское правительство, здание консульства СССР в Харбине и его имущество было передано в ведение германского консула в Харбине Штоббе. Таким образом, одним из источников сведений о конфликте для советской стороны стали германские дипломаты в Маньчжурии.

Единственным советским консульством, оставшимся работать на территории Маньчжурии, было консульство СССР в Дайрене, но и оно испытывало нехватку сколько-нибудь достоверных сведений. Управляющий консульством СССР в Дайрене Г.Г. Хачатуров в письме в НКВД от 19 июля 1929 г. жаловался на отсутствие информации и невозможность работать. Например, в консульстве не знали, работают ли другие консульства в Маньчжурии, можно ли передвигаться по КВЖД, можно ли выдавать визы, как отвечать на многочисленные вопросы советских граждан и дипломатических представителей других стран. «Остается только заниматься парированием слухов, скрыть то ненормальное положение, когда консульство СССР не больше осведомлено о советских делах, чем любой местный гражданин и меньше любого паршивого белогвардейца, у которого дело информации лучше поставлено»². Впоследствии консульство СССР в Дайрене продолжало работу и, опираясь

на сведения из Харбина, с которым «имело связь», а также на данные английских, китайских и японских газет, информировало НКВД о положении в Маньчжурии. Одним из источников сведений о положении на КВЖД для консульства стали советские граждане, бежавшие в японскую зону Маньчжурии, чтобы переждать события.

Советской прессы к июлю 1929 г. в Маньчжурии не было: газета «Молва» была закрыта китайскими властями в начале 1929 г., газета «Новости жизни» – в июне 1929 г. На русском языке выходили только эмигрантские газеты – «Русское слово», «Заря», «Рупор» и «Гун-бао». Именно эти газеты и стали основным источником информации о конфликте не только для русского населения, проживавшего в Маньчжурии, но и для советских и иностранных корреспондентов. Местные харбинские газеты, в свою очередь, ссылались на информацию из Мукдена, откуда поступали регулярные радиотелеграммы, которые, кстати, часто не подтверждались, а также на информацию от собственных корреспондентов. Между тем, даже в донесениях агентов эмигрантских организаций о «событиях во время конфликта Китая с СССР», находившихся в РЗИА, содержатся приписки: «не подтверждается», «уточнение количества», «требуется проверки», «нет точных сведений», «не верно» и т. п.³ Так при острой нехватке информации именно слухи становились основой официальных сообщений.

Китайцы ввели цензуру на телеграфе и радиостанциях, все корреспонденты посылали сведения через Чанчунь, Дайрен, затем Токио. Иностранные корреспонденты жаловались: «В связи с введением китайцами цензуры, повсеместно проникают лишь слухи, чем Россия, искушенная в пропаганде, пользуется в полной мере.<...> С другой стороны, сведения, поступающие из японских источников, окрашены той особой заинтересованностью, которую имеет Япония в Маньчжурии. <...> Советские деятели и китайцы являются мастерами в области притворства и запугивания»⁴. Другая газета – «Nord China Daily News» – 18 октября 1929 г. писала о трудности добывания информации: «Харбин является центром самых разнообразных слухов, там подчас трудно доискаться до правды»⁵. И действительно, все газеты – и советские, и эмигрантские, и иностранные – были полны слухами. Так, японские газеты в начале конфликта сообщали о том, что части Красной армии заняли станции Маньчжурия и Пограничная. Советская пресса писала об организации белых отрядов для выступлений в Сибирь и образования там буферного государства атаманом Семеновым. Белые распускали слухи о восстаниях в Красной армии и бунтах

крестьян на Дальнем Востоке. Но похоже, что истинного положения дел не знал никто.

Замечательным и редким документом той эпохи является дневник М.А. Языковой – эмигрантки, проживавшей в Харбине в 1920–1930-е годы⁶. Она фиксировала в своем дневнике все самые заметные события периода июля–декабря 1929 г. и отмечала, что как местные, так и иностранные газеты питались в основном слухами. Языкова писала о том, что «красные пускают разные слухи, благоприятные им, а белые стараются видеть все в лучшем свете. <...> Уверяют, что большевики воевать не могут, т. к. внутри [страны] могут произойти восстания, что ни денег, ни хлеба нет, и что будет одна демонстрация». «Красные как мародеры стали переходить границу и грабить жителей, уводя скот, лошадей и продукты». Она постоянно спрашивает: «Можно ли всему этому верить?» и отвечает сама себе: «Все так заврались, что ничему верить нельзя»⁷.

Языкова, как и многие харбинцы, слушала хабаровское радио и была возмущена «истерическими окриками» большевиков, бесконечной ложью и искажением фактов. Она отмечала, что газеты в основном «отдельваются общими местами», что «узнать из газет ничего нельзя», и старалась читать «между строк».

Одним из самых распространенных заблуждений периода советско-китайского конфликта являлось состояние КВЖД, ее якобы полный упадок и развал работы. Заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан заявил 15 августа 1929 г.: «В результате насилий, совершенных китайскими властями в отношении КВЖД и ее советского персонала, дорога пришла в самое тяжелое состояние, близкое к полному разрушению. Массовое увольнение служащих и рабочих, замещение ответственных постов случайными, некомпетентными людьми, хозяйничанье на дороге военных властей <...> привели к полному развалу всего хозяйства КВЖД»⁸. Это заявление было подхвачено и развито советскими газетами, которые писали о том, что $\frac{2}{3}$ советских граждан бросили работу: «Эти люди заменены белогвардейским сбродом, который никогда не работал вообще, которому чуждо понятие “работа”; на КВЖД – «полная дезорганизация, положение дороги катастрофично»⁹.

Штампованные утверждения советской пропаганды о событиях на КВЖД поддержал и развил С.Я. Алымов в своем ревю «КВЖД», написанном к открытию Центрального театра Красной армии, где он так представлял эмигрантскую замену уволившимся: «Полицейские, шпики, рвачи радуются случаю получить теп-

лые местечки, не имея никакого представления о том, как надо работать». Он вставил в ревью сцену «Разруха на КВЖД»: «Действие происходит на ст. Цицикар. Группа отказавшихся работать советских железнодорожников, связанных и ждущих отправки в “Сумбей”, наблюдают за беспомощными усилиями свежеепеченного железнодорожника перевести стрелку. <...> Сумятица усиливается вмешательством разных военных, требующих отправки в первую очередь. Фашисты-мушкетеры бесчинствуют, терроризируя и разгоняя всех рабочих»¹⁰.

Алымов, несколько лет проживший в Харбине, но уехавший в Москву в 1926 г., конечно же, не мог знать всей обстановки на дороге и пользовался устоявшимися пропагандистскими клише из газет. Эта карикатурная сценка была весьма далека от действительности, но отражала картину, созданную советской прессой. Например, газета «Красное знамя» так описывала КВЖД: «На дороге – разруха, каждый день – крушения. Поезда ходят только днем. К каждому машинисту приставлена охрана. Обстановка невыносима»¹¹.

П.Д. Малеванный, работавший в 1920-е годы на КВЖД, в своих воспоминаниях, написанных в 1960-х годах уже в СССР, также поддерживает версию хаоса на КВЖД. Хотя он работал в 6 км от ст. Пограничная и был арестован в первые дни конфликта из-за крушения поезда, он в воспоминаниях, описывая конфликт, повторял все те же пропагандистские штампы: «Забастовка для китайского командования означала провал затеянной авантюры: требовалось бесперебойное движение поездов, переброска военного снаряжения. А движение стало. Китайские бонзы ловили машинистов, кочегаров, кондукторов и под стражей пригоняли на работу. Но из этой затеи ничего не выходило, работа под винтовкой – это горящие буксы, сход поездов с рельсов... [Тем временем в Управлении дороги] в спешном порядке набирали новый штат на КВЖД. Эмиграция повылазила из притонов, пивнушек, домов терпимости и устроилась работать на дорогу. Из китайских кочегаров спешно делали машинистов. Фашиствующая молодежь Харбина пошла на службу КВЖД, чтобы ликвидировать прорыв»¹².

Действительно, за июль–сентябрь 1929 г. число крушений на КВЖД увеличилось, включая сход с рельс поездов, и советская сторона объясняла это неопытностью новых служащих, заменивших уволившихся советских граждан. На самом деле крушения были вызваны террористической деятельностью советских активистов¹³. Но работа дороги практически не пострадала. Иностранцы корреспонденты писали о том, что, несмотря на увольнения

и самоувольнения советских служащих, пассажирское и грузовое движение на КВЖД производилось регулярно, без каких-либо задержек и осложнений. «Был испробован саботаж, поджоги, спуск паровоза под откос, повреждения пути и подвижного состава, однако <...> дорога продолжала работать без перебоев»¹⁴. Американские журналисты Д. Геттэ, П. Райт, Дж. Пауэлл, Д. Хэнсэгл совершили в начале сентября 1929 г. путешествие по линии КВЖД и убедились, «насколько успешно происходит движение поездов». Они выразили благодарность врио Управляющему дорогой Фань Цигуаню за содействие во время поездки¹⁵.

Вопреки уверениям советской печати, бóльшая часть советских служащих осталась работать, о чем сокрушенно писал консул СССР в Дайрене в своем донесении в НКВД от 26 сентября 1929 г.: «Самоуволились конторские служащие, учителя и прочие элементы, составлявшие прямой балласт для бюджета дороги. Деятельность дороги от такого рода самоувольнений нисколько не пострадала, а касса освободилась от необходимости нести расходы на их содержание. Категория же железнодорожников, уход коих нанес бы самый жестокий удар – т. е. машинисты, паровозные бригады – задеты были только приблизительно на 15%. <...> Имеются, кроме того, утверждения, что машинисты не только не поддержали политики самоувольнений, а наоборот, делали собрания и выносили постановления, требующие от китайцев увольнения с дороги всех профсоюзников, мешающих спокойно работать»¹⁶.

О неудачной кампании по самоувольнению писал П.П. Сувчинскому Н.В. Устрялов из Дайрена 1 октября 1929 г.: «Конфликт на КВЖД принял для русских интересов дурной оборот. Китайцы фактически осваивают дорогу. Можно теперь уже положительно сказать, что они при помощи русских справились с дорогой. Все толки о “дезорганизации” – блеф. Аппарат дороги захвачен и усвоен китайской администрацией. <...> Но особенно характерно, что подавляющая часть советских рабочих тоже оказалась глуха к призывам бойкота, т. е. самоувольнений. Вместо тысячи уволившихся немедленно было призвано тысяча китайцев и русских эмигрантов, наскоро взявших китайские паспорта. Тактика самоувольнений провалилась»¹⁷.

Заметим, что участие эмигрантов в конфликте также остается вопросом, до конца не выясненным. По словам М.Я. Домрачевева, начальника канцелярии генерала Д.Л. Хорвата, вновь принятые на службу эмигранты с исключительной энергией и энтузиазмом взялись за дело, и «дело пошло настолько успешно, что в работе доро-

ги не случилось никаких перебоев. Без помощи эмигрантов сами китайцы были бы совершенно бессильны наладить движение на дороге»¹⁸. Это утверждение также стало расхожим штампом, как и советские утверждения о «белогвардейской эмиграции на службе китайских налетчиков»¹⁹. Исследователь Г.В. Мелихов также считает, что работа на КВЖД железнодорожников-эмигрантов «спасла в этот период дорогу от неминуемой разрухи и разорения»²⁰.

Однако динамика численности работавших на КВЖД во время конфликта говорит об обратном: число русских «китподданных» (это и были русские эмигранты, принимавшие китайское подданство) увеличилось приблизительно на 2 тыс. человек, большинство советских граждан осталось работать на своих местах. Так, в июне 1929 г. на КВЖД насчитывалось граждан СССР – 11 177, китайцев – 11 603, русских «китподданных» – 1 163. В декабре 1929 г. на КВЖД работало: граждан СССР – 8 195, китайцев – 16 877, русских «китподданных» – 3 340²¹.

Даже советские дипломаты писали о том, что роль эмигрантов в конфликте была незначительна. Г.Г. Хачатуров, управляющий консульством СССР в Дайрене, сообщая в письме в НКВД от 27 августа 1929 г. о настроениях эмиграции в связи с конфликтом, указывал, что «белые» организации в Маньчжурии разделились на две группы. Часть эмиграции решила воздерживаться от «совместных действий с какой-либо страной против СССР», и если последнему будет грозить со стороны врагов «отторжение части русской территории, то белые армии должны препятствовать этому и даже поддерживать красных». Другая группа – «семеновцы» – готова была «принять всякие доходные предложения и пойти за любым, кто лучше заплатит»²². Консул СССР в Дайрене И.И. Журба в своих дальнейших донесениях во время конфликта сообщал, что «активное участие в помощи китайцам приняли только самые оголтелые белогвардейцы, вроде генерала Савельева. На остальную же массу белых, не совсем потерявшую человеческий облик, поведение китайцев по отношению к гражданам СССР по линии КВЖД оказало известное действие, и в них заговорил “русский дух”. Гуменюк, Васкевич и др. заявили, что помогать китайцам в их деле насилия над русскими, пусть даже и красными, солидные белогвардейцы не станут»²³.

Эмигрант В.А. Морозов в своих воспоминаниях также указывал, что «эмигранты хорошо понимали, что скоро все станет на свои места, что если и можно получить работу, то лишь временную и на очень небольшой срок. Поэтому на работу эту они шли очень

неохотно, и, в сущности, временно работали на КВЖД лишь те, кому нечего было терять, кто или вовсе не имел никакой работы, либо мог совместить прежнюю работу с новой, временной. Очень немного было таких “временных кавежедеков”. При этом надо отметить, что хотя среди эмиграции были очень сильны анти-советские настроения, но помогать китайцам закрепиться на дороге, созданной русскими руками, никто или почти никто из эмигрантов не хотел и не стал»²⁴.

Еще одним из наиболее часто поднимаемых советскими дипломатами вопросов, был террор китайских властей по отношению к советским гражданам, оставшимся в Маньчжурии. Именно этот пункт был основным в антикитайской пропаганде советской стороны и способом давления на китайских дипломатов. Неясной долгое время оставалась судьба арестованных в июле–августе 1929 г. советских граждан, заключенных в концентрационный лагерь Сумбее, недалеко от Харбина²⁵. Китайские власти обвиняли их в забастовках, провокации и саботаже. В беседе с сотрудниками ТАСС 6 сентября 1929 г. врио наркома по иностранным делам Литвинов заявил: «Свыше двух тысяч советских граждан заключены в концентрационные лагеря, где содержатся в невыносимых условиях. По имеющимся у нас сведениям, десятки людей обезглавливаются без суда и следствия озверелыми китайскими властями»²⁶. В этот же день в вербальной ноте НКВД СССР германскому посольству в Москве были озвучены подробности: «Союзное правительство имеет точные сведения о казнях многих десятков граждан СССР без суда и следствия и самым варварским образом. Союзному правительству известны имена ряда бесследно исчезнувших лиц. Вместе с тем, известны случаи обнаружения обезглавленных трупов, несомненно казненных т. о. советских граждан, изуродованные тела которых бросаются либо на месте убийства, либо в Сунгари. <...> Советское правительство заявляет, что приведенные выше обстоятельства вынуждают его стать на путь репрессалий в отношении определенных категорий китайских граждан»²⁷. В приложении к вербальной ноте от 13 сентября говорилось о том, что «обезглавленные группы советских граждан обнаруживаются почти ежедневно в районе Харбина и на линии КВЖД»²⁸.

Эти сведения до сих пор цитируются и современными исследователями. Слово в слово повторяют информацию о пытках и казнях в своих исследованиях Н.Е. Аблова, В.Г. Дацишен и другие²⁹. Между тем уже в ответной вербальной ноте германского посольства в Москве от 9 сентября 1929 г. говорилось, что нападки

советского правительства основываются на «общих, ни в какой мере не проверенных утверждениях». Имелось в виду сообщение ТАСС от 25 августа 1929 г. из Токио о нахождении 6-ти трупов советских граждан, которое китайский губернатор опроверг как целиком выдуманное. Германский консул в Харбине Штоббе сообщил, что харбинского представителя ТАСС нельзя найти и просил «предостеречь представителя ТАСС от распространения ложных сведений»³⁰.

НКВД в одной из ответных вербальных нот от 13 сентября 1929 г. указал, что корреспондента ТАСС нет в Харбине³¹. Между тем, в Харбине находился агент ТАСС М.А. Левковский, редактор советской газеты «Молва», а после ее закрытия – редактор журнала «Вестник Маньчжурии». Он сумел отправить через П. Баусса, высланного из пределов Особого района восточных провинций в июле 1929 г., телеграмму в ТАСС от 15 августа 1929 г. из Читы: «Корреспондент ТАСС в Харбине Левковский просил меня по прибытии на совтерриторию отправить следующую телеграмму: события уничтожили всю возможную связь. Захват телеграфа китайскими властями, белогвардейская цензура, дорогой тариф сделали невозможной всякую передачу. ТАСС здесь последний год вообще был нелегальным, разыскивался властями. Теперь особенно опасно, т. к. подводится под категорию шпионажа. Однако нашелся следующий путь, использованный две недели успешно. Пошлю в Чанчунь письмом в 6 часов, оттуда японским телеграфом южной дороги [Южная Маньчжурская железная дорога. – М. К.] в Токио Ромму для Вас. <...> Имею сведения, что Ромм получает, но не уверен, передает или нет, т. к. подписываюсь условно – Лео – в целях предосторожности. Не указываю точного обратного адреса и фамилии. Скажите Ромму относиться с полным доверием к телеграммам от Лео, вне зависимости от путей отправления и обратного адреса»³². Тем не менее сообщения ТАСС из Харбина через Токио были нерегулярными и тоже, судя по всему, основывались на слухах и публикациях местных газет.

НКВД, собственно, и не скрывал факт «отсутствия достаточно официальной и аутентичной информации о положении советских граждан в Маньчжурии», но вину за это возлагал на германского консула в Маньчжурии Штоббе, указывая на «скудость» получаемой от него официальной информации. Поэтому НКВД в очередной вербальной ноте от 13 сентября 1929 г. германскому посольству в Москве подчеркивал, что он «не может игнорировать другие, неофициальные источники, передающие волнующие общественное мнение СССР сообщения о положении советских граждан»³³.

Неофициальными источниками считались сообщения от бежавших или высланных из Маньчжурии советских граждан. Как пример, можно привести случай с покушением агента китайской полиции на русского эмигранта П.П. Шишкина 14 августа (он был тяжело ранен). В покушении на Шишкина обвинялись В. Кульбаченко и А. Гордеев (оба были задержаны 2 сентября), а также Нестор и Елена Путан. В приложении к вербальной ноте НКВД германскому посольству в Москве от 13 сентября 1929 г. отмечалось, что в связи с покушением на Шишкина «арестовываются и подвергаются пыткам все блондины из числа молодежи совграждан», так как Шишкин «показал, что в него стрелял какой-то блондин»³⁴. Газета «Красное знамя» сообщала со ссылкой на ТАСС, что «арестованный по обвинению в ранении Шишкина Кульбаченко был найден на кладбище с отрубленной головой»³⁵. Но по данным харбинской эмигрантской организации Рабоче-крестьянская казачья партия, Кульбаченко Виктор – бывший член организации «Черное кольцо» в Харбине, оказавшийся в 1929 г. «отмольцем» [Членом Отрядов молодежи – комсомольской организации в Маньчжурии. – М. К.], – после покушения на Шишкина «скрылся потом в СССР, где получил высокий пост»³⁶. По данным «Мемориала», действительно, Кульбаченко Виктор Васильевич, 1908 года рождения, проживал во Владивостоке, работал шофером транспортной конторы в Нефтепроводскладе, был арестован в 1938 г. по обвинению в участии в «немецко-фашистском движении» и расстрелян³⁷.

Подобных случаев дезинформации было немало, и это отчасти признавали сами дипломаты, которые находились в непростой ситуации.

Например, одним из источников НКВДа была «информация о положении в Харбине и на линии КВЖД», принятая по телеграфу дежурным комиссаром коллегии ОГПУ 29 сентября 1929 г. Это были сведения, сообщенные прибывшими из Китая советскими гражданами, которые рассказывали в числе прочего и о казнях. Якобы в окрестностях Харбина было найдено до 15-ти трупов: 9 за Старым Харбином и 6 всплыли на реке Сунгари (показания Федоренко). По другим показаниям (Бабенко, Дубинкина, Сизых, Мордвинова), часть трупов была обнаружена за рекой Сунгари в гаоляне, а часть – за кладбищем. Они же рассказывали о случаях обнаружения обезглавленных трупов европейцев. Назывались также фамилии пропавших без вести: Бурцев, Жуков, Филиппович, Борисенко, Наумов, Шульга³⁸.

О трупах писал также консул СССР в Дайрене Журба в информационном сообщении в НКВД от 26 сентября 1929 г.: «Трупы находили обезглавленными, установить личности было невозможно. <...> В Харбине за кладбищем – 6 трупов, несколько на Крестовском острове, все трупы похоронены». Также Журба писал о множестве слухов (например, о 10 замученных рабочих в Чжалайнорских копях), которые не получили подтверждения, так как ни снимков, ни каких-либо документов не было³⁹. Китайские власти отрицали факты казней. Иностранные газеты (например, «North China Standard») утверждали, что советские ноты по поводу насилий над совгражданами в Маньчжурии являлись от начала до конца «явной ложью и оскорблением для германских консульских представителей, выпущенных с пропагандистскими целями»⁴⁰.

НКВД просил уточнить сведения о пропавших без вести советских гражданах консула СССР в Дайрене, который передал в германское посольство в СССР список пропавших без вести или казненных в Северной Маньчжурии советских граждан. В нем значились 9 человек по данным на 12 октября 1929 г.: «Данников Борис – стрелочник ст. Чжалайнор, арестованный 23 августа штабом 38 полка. Место пребывания его неизвестно. Жене Данникова в штабе полка заявили, что он освобожден. В списках арестованных в Сумбейском лагере и в штабе войск не значится. Вместе с ним арестован стрелочник Кудинов, также пропал без вести. Устерский – замучен пытками на ст. Лидаохедзы. Труп с перебитыми голеньями, вырванным глазом, оторванным ухом, перебитой переносицей и обрезанными пятками обнаружен повешенным на чердаке дома. В распоряжении консульства СССР в Дайрене имеется фотография трупа». Также консул указывал, что на ст. Куанченцзы «от пыток и побоев скончался в больнице советский гражданин Петушков. Получить о нем более точные сведения в данный момент невозможно, т. к. он был увезен из больницы китайскими властями и тайно похоронен. Саврас Владимир – арестован 21 июля. 23 июля задушен в поезде китайской охраны и выброшен с поезда. Никонов Терентий – крестьянин с Чжалайнорских копей. Арестован штабом китайских войск в Чжалайноре. Местонахождение неизвестно. С ним же – Ушаков Михаил. На о. Далай в Чжалайноре убиты Орлов и Баранов Федор. Просьба принять германским представителям в Китае меры для расследования всех названных случаев и прекращения дальнейших расправ и казней советских граждан»⁴¹.

Германский консул в Харбине Штоббе сообщил в ответ, что, по китайским данным, Никонов и Ушаков после 22 августа бежали

в СССР, Денисов и Кудинов не разысканы, Саврас 20 июля признался на допросе, что он пытался организовать крушение поезда, 22 июля пытался бежать, напал на солдат и был застрелен⁴². Но данные германского консула не были преданы огласке, а громкие сведения о пытках, истязаниях и убийствах советских граждан помогли усилить давление на власти Китая.

Таким образом, рассматривая информационную войну как часть советско-китайского конфликта на КВЖД, можно прийти к выводу, что информация из прессы, как советской, так и эмигрантской, изобилует слухами и домыслами. Следовательно, она является ненадежным источником для исследований и требует тщательной проверки и сравнения с другими источниками – документами Правления КВЖД, консульскими отчетами, дневниками и воспоминаниями. Многие факты нуждаются в уточнении и очищении от идеологической предвзятости. С другой стороны, систематическая дезинформация о конфликте со стороны СССР способствовала «отрезвлению» той части эмиграции, которая приняла советское гражданство, и вызвала обратный «отток» совграждан в эмигрантское состояние. Тем не менее, поражение китайцев в 1929 г. развеяло иллюзии о возможном союзе с ними русской эмиграции в Маньчжурии и привело к разделению эмиграции на «оборонцев» и «пораженцев».

Примечания

- 1 Очерки Министерства иностранных дел России, 1802–2002. В 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 163.
- 2 АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 12. П. 138. Д. 8. Л. 143.
- 3 ГА РФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 146. Л. 286–309.
- 4 РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1353. Л. 104.
- 5 Там же. Л. 174.
- 6 *Yazykova M.A.* Diaries // Bahmeteff Archive. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. Collection of M.A. Yazykova.
- 7 Ibid.
- 8 Документы внешней политики СССР. Т. 12. М., 1967. С. 462, 498.
- 9 Известия (Москва). 1929. 31 авг.; Забайкальский рабочий (Чита). 1929. 17 авг.; Красное знамя (Владивосток). 1929. 13 сент.
- 10 РГАЛИ. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 55. Л. 7–8.
- 11 Красное знамя. 1929. 8 окт.
- 12 Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Д. Р-282. Л. 48.
- 13 *Кротова М.В.* Советские граждане и русские эмигранты в конфликте на КВЖД // Россия и АТР. 2013. № 1. С. 50–60.

- 14 РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1353. Л. 114.
- 15 Русское слово (Харбин). 1929. 10 сент.
- 16 АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 12. П. 138. Л. 175.
- 17 *Устрялов Н.В.* Письма к П.П. Сувчинскому, 1926–1930. М., 2010. С. 56.
- 18 Государственный музей-заповедник «Петергоф». Архив музея семьи Бенуа. ПДМБ 2409-ар. «Дополнения». Рукопись. Л. 362.
- 19 Красное знамя. 1929. 3 авг.
- 20 *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. М., 2007. С. 164.
- 21 РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1243. Л. 11 об.
- 22 АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 12. П. 138. Д. 8. Л. 166.
- 23 Там же. Л. 184.
- 24 РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 87.
- 25 *Кротова М.В.* Из истории конфликта на КВЖД: китайский концентрационный лагерь для советских граждан // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 33–47.
- 26 Советско-китайский конфликт 1929 г.: Сборник документов. М., 1930. С. 46.
- 27 Там же. С. 46–47.
- 28 Там же. С. 54.
- 29 *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М., 2004. С. 210–211; *Дацзышен В.Г.* Китайцы в России и советско-китайский конфликт 1929 года на КВЖД // Российская история. 2011. № 5. С. 55.
- 30 Советско-китайский конфликт 1929 г. С. 49–50.
- 31 Там же. С. 52.
- 32 ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 11. Д. 290. Л. 9–12.
- 33 Советско-китайский конфликт 1929 г. С. 52.
- 34 Документы внешней политики СССР. Т. 12. С. 501.
- 35 Методы опричнины // Красное знамя. 1929. 5 окт.
- 36 ГАРФ. Ф. 5758. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
- 37 Кульбаченко Виктор Васильевич // Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/index11.htm>.
- 38 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 48. Д. 69. Л. 120.
- 39 АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 12. П. 138. Д. 8. Л. 173.
- 40 Там же. Л. 181.
- 41 Там же. Л. 131–133.
- 42 Там же. Л. 139 об.-144, 151.

Сообщения

Ю.В. Ким

ВЗГЛЯДЫ ГРАФА А.И. МУСИНА-ПУШКИНА НА «КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС» В ПРЕДДВЕРИИ РЕФОРМЫ 1861 г.

В статье рассматриваются взгляды крупного земельного собственника графа А.И. Мусина-Пушкина на «крестьянский вопрос» в середине XIX в. Главное внимание уделяется его взглядам на крестьянские повинности, на преимущества наемного труда перед крепостным, на условия труда и жизни крестьян. Делается вывод, что за несколько лет до реформы 1861 г. А.И. Мусин-Пушкин был готов облегчить условия труда и жизни крестьян вплоть до предоставления им некоторой личной свободы.

Ключевые слова: А.И. Мусин-Пушкин, помещичье имение, крепостное право, крепостное хозяйство, крепостное крестьянство, крестьянские повинности, «крестьянский вопрос», освобождение крестьян, патернализм.

Дворянская усадьба оказывала большое влияние на социально-экономические и культурные процессы, протекавшие в помещичьем имении, вообще в сельской местности. Жизнь в усадьбе во многом зависела от системы взаимоотношений владельца имения и его крепостных, от подхода дворянина к ведению хозяйства, от его личных представлений о наилучшем усадебном устройстве. К середине XIX в., на закате эпохи «райских садов» и пейзажных парков, наметился поворот в отношении владельцев к своим имениям: они стали все больше воспринимать их как хозяйственные предприятия. Их подход к управлению становился более рациональным (порой новаторским), поднимались вопросы о способах повышения доходности крепостного хозяйства. Однако рациональное управление имением, повышение его доходности

требовало как немалых денежных затрат, так и применения деловых способностей владельца, его особого, предпринимательского склада ума. Многие дворяне так и не смогли приспособиться к менявшейся экономической ситуации. Родовые имения для большинства дворян продолжали оставаться убыточной обителью для «улады души», а не источником дохода¹.

Для изучения крестьянской реформы 1861 г. представляет ценность каждый документ, позволяющий проследить изменение социальных взаимоотношений в дворянском имении, равно как изменения в менталитете дворянского сословия, влияющие на экономическую и культурную ситуацию в российской деревне накануне реформы. В связи с этим большую ценность как исторический источник представляет найденное нами в фонде Мусиных-Пушкиных (РГАДА) письмо графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина (1825–1879; внук и тезка знаменитого библиографа, графа А.И. Мусина-Пушкина; гофмейстер и церемониймейстер императорского двора, предводитель дворянства Петербургского уезда с 1858 г.), которое он написал своему двоюродному брату, графу Владимиру Владимировичу Мусину-Пушкину (1832–1865). Письмо было написано 10 января 1859 г., по своему содержанию оно имеет семантическое сходство с введенными в научный оборот инструкциями владельцев усадеб XVIII – начала XIX в.²

Это письмо – целый проект по управлению имением. Вероятно, в связи с длительным пребыванием самого А.И. Мусина-Пушкина в С.-Петербурге, он, согласно письму, передает «полное управление Иловенским имением»³ В.В. Мусину-Пушкину и, отвечая на вопросы брата (заданные, очевидно, в более раннем письме, обнаружить которое пока не удалось), дает подробнейшие указания и советы по многим вопросам управления имением.

А.И. Мусин-Пушкин, согласно делам о разделе имущества, унаследовал крупнейшее родовое имение Мусиных-Пушкиных Иловну. Он был его владельцем до своей смерти в Ницце в 1879 г., после чего во владение и управление имением вступила его вдова Л.А. Мусина-Пушкина (урожденная Кушелева-Безбородко). С 1900 г. владельцем Иловны стал граф Александр Алексеевич Мусин-Пушкин, который владел родовым имением до национализации⁴.

Накануне реформы, в середине XIX в., в имении Иловна насчитывалось, согласно «общему перечню земель Иловенской усадьбы с деревнями», 12 522 дес. и 1 700 саж. земли. Во владении А.И. Мусина-Пушкина в то время было более 2 тыс. крестьянских душ. Крестьяне состояли частично на денежном оброке, частично

на барщине, а также выполняли дополнительные трудовые повинности⁵.

Имение Иловна располагалась на нечерноземных землях Мологского уезда Ярославской губернии. Ценность крепостного труда в имении Мусиных-Пушкиных была высока, как и в других имениях Нечерноземья. Статистика цен на земли с крепостными, приводимая исследователями начала XX в., показывает, что именно в промышленных губерниях населенные земли ценились больше. Цена крепостной души в промышленных губерниях составляла 50,4 руб., а в черноземных – 20,4 руб.⁶

В письме брату А.И. Мусин-Пушкин затрагивает вопросы экономической продуктивности барщины и оброка, чересполосицы и вольнонаемного труда. Так, он утверждает, что «установление постоянных полос, с уничтожением передела между крестьянами, не только хорошая мысль, но даже необходимый порядок; но сие кажется лучше бы установить когда все деревни уравниются землею и будет составлен и приведен в исполнение нами предполагаемый план по всему предмету»⁷. Больше того, он считал, что в имении предпочтительнее использовать наемный труд: «При теперешних обстоятельствах самое лучшее приготовляться чтоб работать Господския поля наймом и вообще заменять барщину и дворовых людей мало-помалу наемными людьми». При этом его вполне устраивал нынешний статус вольнонаемных: «Прошу тебя также оставить до поры до времени всем прочим вольнонаемным их прежнее положение»⁸.

В письме А.И. Мусин-Пушкин не обосновывает свои решения, поэтому мы можем лишь предполагать, что он оценивал производительность наемного труда выше, чем крепостного.

В те годы благополучие барской усадьбы, хозяйственное развитие имения в целом по-прежнему держались на труде крепостных. Б.Н. Миронов приводит такие данные: «В 1850-е гг. на барщине находились 96,1% крестьян 9 западных губерний, 81,6% крестьян 21 черноземной и восточной губерний и только 43,2% крестьян нечерноземных губерний. По-видимому, именно ввиду доходности имений ни один представитель либерального или радикально-революционного мира, за исключением Н.П. Огарева, не отпустил своих крепостных на волю в 1840–1860-е гг. ...»⁹.

Поскольку ценность крепостного труда в имении была высока, желание А.И. Мусина-Пушкина заменить крепостных наемными работниками под влиянием «теперешних обстоятельств», на наш взгляд, можно считать продуманной мерой в преддверии освобождения крестьян. Основанием для такого намерения мог стать

прежде всего личный его опыт крупного вотчинника, но свою роль наверняка сыграли и тогдашние общественные настроения.

А.И. Мусин-Пушкин не обошел вниманием и крестьянское самоуправление. Он упомянул, что «о назначении стариков для разбору недоразумений между крестьянами, между нами уже было условлено»; условлено было и «насчет уничтожения должности бутмистра [Так в тексте. – Ю. К.]». Так он предполагал ликвидацией должности бурмистра – управляющего имением – дать крестьянам некоторую свободу от контроля со стороны вотчинной администрации. А.И. Мусин-Пушкин поддерживает своего брата в том, «что все дворовые, не имеющие должности и не обремененные семейством, должны получить паспорта. – Остальные же <...> могут быть помещены в Высокой горе, которая делается притонном сплетней»¹⁰.

Чтобы прояснить некоторые особенности взаимоотношений дворян Мусиных-Пушкиных со своими крестьянами, обратимся к другим хозяйственным документам Мусиных-Пушкиных: рапортам различных должностных лиц в Иловенскую вотчинную контору.

В имении Иловна, как и по Ярославской губернии в целом, было распространено отходничество. К крестьянам, получившим паспорт и неразумно распорядившимся свободой, хозяин Иловны применяет вполне мягкие меры. Так, в сентябре 1859 г. крестьянин иловенского села Станова Яков Васильев, отказавшись от предложенного места в С.-Петербурге «по трудности занятий» и отправившись «за вынуждением своего паспорта», «зашел в кабак, будто бы курить, где у него похители из кармана паспорт и деньги». А.И. Мусин-Пушкин распорядился относительно поиска паспорта, дал незадачливому крестьянину пропуск «для свободного следования на родину» и денег на дорогу и на покупку «необходимого платья». Уведомляя об этом событии вотчинную контору, он ни словом не упоминает о наказании и лишь просит своих служащих «самого Васильева постараться поместить к кому либо из крестьян работником, ибо я не желаю иметь его при усадьбе»¹¹.

Подобное происшествие произошло и в декабре 1859 г., о чем А.И. Мусин-Пушкин сообщает в контору: «Крестьянин села Иловны Василий Петров Михалков после продолжительного безвестного отсутствия своего без всякого вида, явился ко мне в начале Ноября месяца; не желая пересылать его на родину как бесполезного человека для вотчины, я выдал ему 15 ноября месячный вид на жительство в С. Петербург»¹².

Вообще, А.И. Мусина-Пушкина беспокоило отсутствие строгого порядка в уходе крестьян в город на заработки. В своем предписании вотчинной конторе 23 апреля 1860 г. он указывает: «Встречая затруднения по просьбе Иловенской Конторы относительно высылки из С.Петербурга в имение некоторых крестьян предписываю с настоящего времени немедленно поставлять меня в известность о всех отпускаемых в С.Петербург крестьянах для заработок, с пояснением на какой именно срок может быть выдан паспорт и сколько кому следует вносить оброка или вообще повинностей [Подчеркнуто в тексте. – Ю. К.]. Получающему таким образом от меня паспорт вменится в обязанность непременно давать знать моей Конторе о месте своего жительства, на каковой предмет с сего же времени будет заведена особая книга и не исполнивший затем устанавливаемого порядка или не уплативший причитающихся повинностей уже не будет удовлетворен новым паспортом а получит лишь пропуск для беспрепятственного следования на родину и о таковых крестьянах мною своевременно предупреждена будет вотчинная Контора. Последний сей пункт предлагается для точного исполнения»¹³.

И в письме брату А.И. Мусин-Пушкин указывает на необходимость выявления нарушителей установленного им порядка: «В случае найдешь какое-либо злоупотребление в сохранении Господских вещей, то сделай одолжение, дай знать и укажи виноватаго»¹⁴. Но даже в отношении злостных нарушителей он не предлагал применять жестокие наказания. «Удаление с глаз», как в предыдущих случаях, или увольнение он находит вполне достаточной мерой: «Глафиру, в случае найдешь злоупотребление с ея стороны, уволь совершенно»¹⁵.

И слова порицания в адрес крестьян, бесхозяйственно относящихся к своим жилищам, носят скорее назидательный, чем угрожающий характер: «Мне кажется, что кроме помощи или освобождения на некоторое время от Господских работ, другой льготы не следует давать тем, которые сломали дома свои, но не переселились»¹⁶. То же можно сказать и о его отношении к серьезным проступкам: «Что же касается до расхищения сена, то оно происходит от того, что до сих пор положения мною установленного никогда не было принято строго к руководству, а всем дворовым дозволялось держать гораздо более скотины, чем мною установлено было»¹⁷.

Защита барского леса от самовольных вырубок крестьянами – особая забота любого помещика. А.И. Мусин-Пушкин реагировал на вырубки также в спокойном и продуманном ключе. В письме

брату он делает упор не на суровость наказания, а на более действенное средство – материальное поощрение тех, кто борется с вырубками: «Насчет штрафных денег за порубку леса, я совершенно согласен: отдавать одну треть в пользу тех полесовщиков, у которых наименьше будет порубка, одна треть должна идти пользу Господина, а одна треть в пользу поймавшего порубщика»¹⁸.

С ворующими лес крестьянами имения Борисоглеб (второе крупнейшее имение Мусиных-Пушкиных, которым в те годы владел другой двоюродный брат А.И. Мусина-Пушкина – граф Алексей Владимирович¹⁹) Иловенская контора поступает исключительно в рамках закона. Когда в декабре 1859 г. полесовщики поймали крестьянина Федора Савельева с четырьмя дубами и Антона Егорова с десятью дубами (самовольно срубленными из дачи, «принадлежащей его сиятельству»), Иловенская вотчинная контора уведомляет о том Борисоглебскую контору и «покорнейше просит взыскать с вышеписанных крестьян штрафа по одному рублю за каждый дуб»²⁰.

В письме брату А.И. Мусин-Пушкин высказал некоторые соображения и насчет «социально-экономической защиты» своих крепостных. Экономически более выгодным было проживание крестьян большими семьями, так как таким семьям легче было вести хозяйство и нести повинности, поэтому он рассуждает: «С предложением твоим, насчет раздела крестьян, т. е. не допускать им иначе делиться, как тем семействам, у которых 4 работника, в случае недостачи оных, обязывать в дополнение требуемого числа одинокими, я совершенно согласен»²¹.

Вообще, недовольство в случае деления больших крестьянских хозяйств было характерно для владельцев имений и управляющих. Например, приказчики имения Петровское князей Гагариных отмечали в докладах за 1834 и 1858 гг.: «Каждой выполнял прихоти свои, отделились дядя от племянника, брат от брата, отчего и довели себя до крайности, а по нынешним временам тот и крестьянин, который имеет семейство, одиноким же ни в барщине ни в домашестве заняты успеть ниможет, и всегда бывает нищим», «многие из них разделились на самые мелкие семейства, последствиям такового раздела бедность, а при бедности является воровство, пьянство и много других пороков...»²²

По нашему мнению, во взглядах А.И. Мусина-Пушкина на деление крестьянских семей проявляется не только желание хозяина получить справляющееся с несением тягла крепкое и стабильное крестьянское хозяйство, но еще и особый характер его отноше-

ния к своим крепостным, его патерналистская забота о благосостоянии крестьян в своем имении. В частности, с отеческой позиции он пишет брату о необходимости для крестьян делать запасы леса: «Мысль приучить крестьян о необходимости приобретать покупкою лес для будущих времен необходима. Во всяком случае нужно объявить таксу всякого рода леса и назначать ежегодно в каких местах будет дозволяться продажа онаго»²³.

А.И. Мусин-Пушкин проявляет заботу о дворовых крестьянах, которые служили в усадьбе еще во времена его отца и матери: «Прошу тебя, если ты только это найдешь возможным, оставить дворовым на время их прежнее положение. Между ими много есть старых слуг покойных моих родителей, и даже наших дедушек и бабушек. – Что же касается до молодых, то всем лишним, совершенно согласен выдать паспорта и даже волю, если ты это найдешь удобным». С его, крупного помещика, точки зрения «воля» стала бы для старых любимых слуг не желанной свободой, а просто пропуском «на вольные хлеба», который не всегда является благом. Поэтому он стремился облегчить их участь: «Если найдешь возможным, попрошу тебя уволить Ульяну от всякой должности. Она стара и больна и всех нас нянничала, а покойный ее муж был верный слуга». Кроме того, он ограничивает возраст несения повинностей для стариков: «Я совершенно согласен насчет наложения впредь тягла с 18 до 56 лет; не лучше ли было бы удовольствоваться до 50 лет». И указывает также, что нужно «стариков и старух поместить в Высокой Горе при Господском доме»²⁴.

То же внимательное, заботливое отношение заметно и в рассуждениях А.И. Мусина-Пушкина об устройстве крестьян, «взятых во двор»: «Насчет крестьян взятых во двор, надо будет подумать, и вместе всем трем согласить что делать. Я всех дворовых по 10-й народной переписи переписал всех крестьян по селу Ветрену и селу Станову. Если найдешь удобным эту мысль, то приведи ее в исполнение, а именно: тех дворовых, которых по многочисленности семейства, невозможно отпустить по паспорту, посели в те места, где они приписаны, построив им избы с дворами, отдав им находящейся у них скот и оставив им получаемое положение и пенсии, кроме жалованья, в случае если дворовые не при должности»²⁵. О детях дворовых он распорядился особо: «Всех же детей в возрасте необходимо отдать в ученье»²⁶. В заботе об урегулировании положения вольноотпущенных тоже проглядывает внимательное, доброжелательное отношение хозяина имения к крестьянам: «Сын Жохова получил вольную вместе с отцом и не принадлежит к имению»²⁷.

Рассуждает А.И. Мусин-Пушкин и о «женском вопросе» в своем имени. Он отметил: «Женщин я освободил от всяких работ, ибо нахожу невозможным от нея требовать какой-либо работы, она должна заняться хозяйством и обшить мужа (который целый день в должности) и детей». При этом он считает важным сохранять производственную специализацию женского труда: «Что же касается до швей, то не предполагаю, чтобы одна из них могла бы сделаться порядочной скотницей»²⁸.

Категорические указания по управлению имением, которые А.И. Мусин-Пушкин дает брату в своем письме, касаются вопросов, которые особенно важны для него, поскольку он желал не только давать указания, но контролировать исполнение задуманного им: «Передав тебе полное управление Иловенским имением, я предполагаю необходимым оставить совершенно на твоём усмотрении то, что ты найдешь нужным; прошу только приказывать в Конторе доносить мне об этом, и доносить еженедельно о всем случившемся по имению». При этом, в отличие от вопросов крестьянского труда и крестьянских судеб (наем, барщина, тягло и т. д.) по сугубо хозяйственным вопросам А.И. Мусин-Пушкин не стремился диктовать брату, как поступить: «<...> Ничего не буду отвечать насчет лошадей, которыми распорядишься как благоустроишь»²⁹.

Таким образом, обстоятельное письмо графа А.И. Мусина-Пушкина, – один из образцов ответственного, хозяйственного, заботливого и дальновидного отношения владельца к своему имению и работающим в нем его крепостным крестьянам. С другой стороны, в основе высказанных им взглядов по «крестьянскому вопросу» лежали патернализм и убежденность в его благе для крестьян.

Примечания

- ¹ *Каждан Т.П.* Художественный мир русской усадьбы. М., 1997. С. 93–157, 217–218; *Кириченко Е.И., Щеболева Е.Г.* Русская провинция. М., 1997. С. 85–86; и др.
- ² *Александров В.А.* Сельская община и вотчина в России (XVII – начало XIX в.) // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 231–294; *Смилянская Е.Б.* Дворянское гнездо середины XVIII века: Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках». М., 1998. С. 9–24; и др.
- ³ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6991. Л. 2.
- ⁴ РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2495. Л. 22; РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 8502, 8503, 8510, 8625; РГАДА. Ф. 1270. Оп. 5. Д. 17. Л. 1.

- 5 РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6179. Л. 4; Д. 7029. Л. 1 об., 2 об.; Приложения к трудам редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: Сведения о помещичьих имениях: Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям: Губернии: Костромская, Пермская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская. Т. IV. СПб., 1860. С. 22–23.
- 6 *Пичета В.И.* Помещичье хозяйство накануне реформы // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. III. М., 1911. С. 110.
- 7 Здесь и далее исправлено согласно современным правилам написания, особенности орфографии и пунктуации сохранены.
- 8 РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6991. Л. 1–1 об., 4.
- 9 *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: 3-е изд. Т. 1. СПб., 2003. С. 394–395.
- 10 РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6991. Л. 1 об.-2 об., 5.
- 11 РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6994. Л. 12–12 об.
- 12 Там же. Л. 20 об.
- 13 Там же. Л. 41 об.
- 14 РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6991. Л. 4.
- 15 Там же. Л. 5 об.
- 16 Там же. Л. 3 об.
- 17 Там же. Л. 2 об.
- 18 Там же. Л. 5.
- 19 РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7152. Л. 1 об.-3.
- 20 РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7001. Л. 13–14.
- 21 РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6991. Л. 1 об.
- 22 *Хок С.Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 85.
- 23 РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6991. Л. 1–1 об.
- 24 Там же. Л. 1, 2–2 об., 5.
- 25 Там же. Л. 5–5 об.
- 26 Там же. Л. 2 об.
- 27 Там же. Л. 4 об.
- 28 Там же. Л. 2–2 об.
- 29 Там же. Л. 2.

О.В. Ванюшина

ИЗ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЖЕНЩИН,
АДМИНИСТРАТИВНО ВЫСЛАННЫХ
В ТВЕРСКУЮ ГУБЕРНИЮ:
КАЗЕННОЕ ДЕНЕЖНОЕ ПОСОБИЕ И ЗАРАБОТКИ
(1881–1917 гг.)

В статье рассматриваются материальное положение женщин, которые были административно высланы в Тверскую губернию как «политически неблагонадежные», в 1881–1917 гг. Главное внимание уделяется порядку назначения и выплаты казенного денежного пособия высланным, поискам ими работы, их временным заработкам. Делается вывод, что высланные женщины, лишённые права на казенное денежное пособие, ограниченные законодательно в трудоустройстве и не привыкшие к физическому труду, оказались в очень тяжёлом материальном положении.

Ключевые слова: Тверская губерния, Тверь, административная высылка, гласный полицейский надзор, материальное положение, трудоустройство, повседневность, женские исследования в истории, гендерные исследования в истории.

В последнее время в российской историографии наметилось новое направление в изучении ссылки и административной высылки в Российской империи – судьбы женщин, сосланных по приговору суда или административно высланных ввиду их «неблагонадежности». Постановка этой проблемы позволяет выяснить особенности положения женщин в местах водворения, их повседневность и личную жизнь, роль в местной общественной и культурной жизни в условиях полицейского надзора.

Однако работы, изданные за последнее десятилетие, главным образом касаются ссылки в Сибирь и на север России¹. А жизнь женщин, административно высланных во внутренние губернии, еще остается неизученной.

Административная высылка политически неблагонадежных лиц во внутренние губернии широко использовалась в карательной политике русского самодержавия в конце XIX – начале XX вв. Порядок и система административной высылки и полицейского надзора предусматривала ограничение свободы и некоторые лишения, обусловившие серьезные отличия повседневной жизни административно высланных от жизни местных обывателей. В связи с этим представляется перспективным исследование повседневной жизни женщин, административно высланных во внутренние губернии, а именно таких ее аспектов как поиск заработка, трудоустройство и работа, а также порядок назначения и выплаты казенного денежного пособия. В настоящей статье эта проблематика рассматривается применительно к Тверской губернии в 1881–1917 гг.

Удалось установить имена 84 женщин, высланных в Тверскую губернию по политическим обвинениям. Значительная часть высланных женщин получила право добровольно избрать место водворения. Остальные были «высланы на родину под надзор полиции» или «подлежали гласному надзору в месте приписки».

Большинство женщин (68 из 84 высланных, то есть 81%) прибыло из Москвы и С.-Петербурга. В качестве мест водворения поднадзорных женщин использовались практически все города и уезды Тверской губернии. Однако распределение административно высланных по уездам было неравномерным. Большинство поднадзорных (53 женщины из 84, то есть 63%) поселились в губернском городе, обладавшем несомненным преимуществом в плане поиска работы, проведения культурного досуга, общения, медицинского обслуживания. Также для содержания поднадзорных использовались уездные города Бежецк, Калязин, Торжок, Ржев, Кашин, Вышний Волочек, Весьегонск. Здесь проживало 14 женщин. Помимо Твери и уездных городов 17 высланных женщин поселились в деревнях и селах Тверской губернии, которые для 13 из них являлись местом рождения или местом жительства близких родственников². В целом, административно высланные женщины стремились поселиться ближе к цивилизации – в Твери или в уездных городах губернии, а в сельской местности останавливались лишь уроженцы тверской земли, имевшие здесь близких родственников или знакомых.

Большинство из высланных с 1881 по 1907 г. составляли женщины, принадлежащие к «высшему сословию» – дворянки, дочери почетных граждан и высших чиновников (60,7%), а также мещанки (17,6%). С 1908 по 1917 г. подавляющее число высланных

женщин относилось к мещанскому и крестьянскому сословиям: если в период с 1881 по 1907 г. их доля составляла 25,4%, то в 1908–1917 гг. – 73,5%. Из 67 женщин, чей возраст удалось установить, большая часть – 52 женщины (61%) – была в возрасте до 30 лет.

Для женщин, высланных в Тверскую губернию в 1881–1907 гг., был характерен высокий уровень образования: 47 (55,2%) получили среднее специальное образование, окончили высшие женские курсы или обучались на них. Особенно высокий уровень образования характерен для женщин, высланных в Тверскую губернию в период с 1881 по 1907 гг.: лишь одна из них, М. Ганцева, являлась малограмотной, хотя «читать и писать умела, выучилась самоучкой»³. После 1907 г. уровень образования высланных женщин снижается: основную группу среди них составляли лица со средним, средне-специальным и низшим образованием – 12 женщин (35,2%). Однако неграмотных среди них не было.

Согласно «Положению о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей», утвержденному в 1882 г., поднадзорные, не имевшие собственных средств к существованию, и последовавшие за ними семейства имели право на получение от казны пособия⁴. Порядок назначения денежного пособия на содержание и квартиру, а также его размер зависели от сословной принадлежности высланного. Так, согласно ст. 513 Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках, высылаемые под надзор полиции во внутренние губернии как из столиц, так и из других мест лица «привилегированных сословий», не имевшие никакого состояния и средств к пропитанию, имели право на получение пособия от казны в размере 1 руб. 20 коп. или 1 руб. 50 коп. в месяц на наем квартиры и 15 коп. в сутки на содержание. А лицам «низшего состояния» пособие назначалось в размере «арестантской дачи» (сумма, расходованная на содержание одного арестанта в месяц), если они «по старости или болезни не были способны ни к каким работам или услугам»⁵.

Размер «арестантской дачи» утверждался губернатором по предварительному соглашению с Казенной палатой. Согласно ст. 206 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей, на одного арестанта из непривилегированного сословия полагался паек «муки два с половиной фунта в сутки и крупы полтора гарнца [гарнец – старая русская мера сыпучих тел, равная 3,28 л. – О. В.] в месяц, по высшим справочным ценам, существовавшим на сии припасы в ноябре минувшего и в апреле текущего года»⁶. В этот расчет не входили мясо и рыба, составлявшие улучшенный

рацион. В итоге представители непривилегированных сословий были обречены на полуголодное существование.

На этот факт обращали внимание полицейские чины Тверской губернии. В 1882 г. Департамент полиции МВД запросил Тверского губернатора тайного советника А.Н. Сомова дать заключение о том, необходимо ли, по его мнению, увеличить получаемое поднадзорными лицами пособие от казны на содержание и наем квартир, исходя из местных условий губернии «среднею ценностью в году на жизненные припасы и стоимостью квартир»⁷. Губернатор дал распоряжение уездным исправникам донести, считают ли они необходимым увеличить размер пособия, исходя из условий наблюдаемых ими уездов. В итоге, почти все уездные исправники и тверской полицмейстер донесли, что в 1883 г. никто из лиц, высланных под надзор местной полиции, пособие от казны не получал. Большинство из них считали, что если такие нуждающиеся поднадзорные появятся, то размер пособия должен быть увеличен⁸. Так, Тверской полицмейстер доносил губернатору, что «на наем квартиры полагается 1 руб. 50 коп., тогда как в г. Твери, при дороговизне дров и вообще квартирных помещений, весьма трудно найти за эту цену комнату, тем более лицу, состоящему под надзором полиции, для которого едва ли каждый домохозяин согласится дать отдельное помещение и за более возвышенную цену»⁹. Поэтому он полагал, что лицам из привилегированных сословий необходимо выплачивать на наем квартиры не менее 5 руб. в месяц и кормовых не менее 25 коп. в сутки, а лицам из непривилегированных сословий – на наем квартиры 2 руб. в месяц и кормовых 15 коп. в сутки¹⁰. Тверской губернатор, основываясь на донесениях уездных исправников, уведомил Департамент полиции о необходимости увеличения суммы денежного пособия. Однако результатов это не принесло, и размер выплат остался прежним.

Процедура выдачи казенного пособия включала в себя ряд этапов. Прежде всего, поднадзорная направляла ходатайство на имя губернатора о назначении ей пособия от казны. С прошением поднадзорной уездный исправник подавал сведения в канцелярию губернатора о материальном положении просительницы. Далее следовал длительный процесс проверки материального положения административно высланной. В циркуляре Департамента полиции № 10776 от 30 декабря 1898 г., разъяснялось, что при рассмотрении на местах ходатайств поднадзорных о выдаче им суточных и квартирных денег, «не представлять Министерству ни в коем случае ходатайства лиц: а) добровольно избравших место водворения, б) имеющих собственные средства или пользующихся доста-

точной для существования помощью сторонних лиц, в) имеющих заработок или нежелающих добывать средства к жизни трудом при полной к тому возможности по состоянию здоровья и по местным условиям для приискания занятия»¹¹. Если губернатор признавал ходатайство заслуживающим удовлетворения, то он представлял в Департамент полиции требовательную ведомость, на основании которой перечислялась денежная сумма для выдачи пособия поднадзорному. Ассигнование кредита на содержание поднадзорных производилось по третям года. В тех случаях, когда административно высланный получал деньги из посторонних источников и этой суммы ему хватало на жизнь в месте ссылки, выплата пособия прекращалась. Поднадзорный мог лишиться пособия, если он уклонялся от занятий «по лености, дурному поведению или привычки к праздности»¹².

Большинство женщин, административно высланных в Тверскую губернию, пособия от казны не получало. Во-первых, потому, что они сами избрали ее как место жительства и в силу циркуляра Департамента полиции № 10776 не имели права на получение пособия от казны¹³. А во-вторых, часть женщин получала помощь от родственников или друзей и в этом случае также не имела права на получение пособия.

Из 84 женщин, высланных в Тверскую губернию с 1881 по 1917 гг., лишь 3 получали пособие от казны. Дочь унтер-офицера Елизавета Титова, высланная в Тверскую губернию из С.-Петербурга в 1882 г. за революционную пропаганду среди рабочих, получала как суточные, так и квартирные деньги в размере 6 руб. в месяц¹⁴. Мещанка Мария Ганцева, высланная в 1900 г. из С.-Петербурга в Калязин за участие в работе кружка колпинских рабочих¹⁵, и крестьянка Анна Ефимова, высланная первоначально в Архангельскую губернию, а затем переехавшая для дальнейшего отбытия срока высылки в Тверь¹⁶, получали только суточные деньги в размере «арестантской дачи». Так, в 1901 г. М. Ганцевой выплачивали по 6 коп. в день¹⁷, а А. Ефимовой в 1913 г. выплачивали по 11 коп. в день (установленный на 1913 г. размер «арестантской дачи» в Твери)¹⁸.

Просьбы М. Ганцевой и А. Ефимовой о назначении денежного пособия были удовлетворены Департаментом полиции ввиду их крайне бедственного материального положения, хотя они относились к категории лиц, высланных в выбранное ими самими место жительства, и не имели права на его получение. О том, что М. Ганцева была крайне ограничена в средствах, свидетельствует донесение полицейского надзирателя Калязина Тверскому губернатору:

«От швейной работы М. Ганцева получает небольшое вознаграждение, которого даже не хватает на квартиру с отоплением, других же средств к жизни она не имеет. Помощи ни от кого не получает, содержит себя весьма скудно, в квартире вещей никаких не имеет и состоит должной квартирной хозяйке Дуровой 6 руб. и другим лицам до 8 руб. Ранее сего продавала носильное платье и разные вещи и получаемые деньги уплачивала за квартиру, отопление и другие нужды для существования»¹⁹.

Женщинам приходилось самостоятельно искать средства к существованию. Ситуация осложнялась, если женщина приезжала с детьми.

Найти работу в губернском и уездных городах Тверской губернии было непросто. Большинство высланных женщин имели либо педагогическое образование, либо медицинское, и в месте вынужденного проживания они, естественно, пытались применить уже имеющиеся у них профессиональные навыки. Однако «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» 1882 г. запрещало высланным работать по этим специальностям. В ст. 24 сказано: «Поднадзорным лицам воспрещается 1) Всякая педагогическая деятельность, 2) Принятие к себе учеников для обучения их искусствам и ремеслам»²⁰. А ст. 27 гласила: «Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика допускается поднадзорным не иначе, как с разрешения Министра Внутренних Дел»²¹. Такое разрешение выдавалось крайне редко, так как подобная работа предусматривала тесный контакт «неблагонадежного» лица с местным населением, посему она признавалась опасной и запрещалась.

Уездные исправники неоднократно сообщали в донесениях на имя губернатора о трудностях, с которыми сталкивались высылаемые при поиске работы в Тверской губернии. Так, Осташковский уездный исправник в 1883 г. доносил Тверскому губернатору А.Н. Сомову, что высланные лица «привилегированных сословий» в Осташковском уезде «не могут приискать для себя никаких занятий, от которых могли бы содержать себя, к физическому же труду не способны»²². Калязинский уездный исправник в донесении Тверскому губернатору писал: «Сами высылаемые лица доставать себе средства трудом в здешних местах не могут, по имени в виду лиц, которые могли бы их снабжать работою. С другой стороны, большая часть из высылаемых даже не знает никакого ремесла»²³.

Владельцы фабрик крайне неохотно принимали высланных на работу. Наиболее активные участники и участницы революцион-

ного движения, по воспоминаниям сосланных, заносились в «черный список», после чего дорога на предприятия им была закрыта. Так, А.В. Афанасенкова (Артюхина), дважды выславшаяся из С.-Петербурга в Вышний Волочек в 1912 г. и 1915 г. за принадлежность к РСДРП(б), впоследствии вспоминала: «После тюрьмы на текстильное предприятие мне дороги не было, я уже состояла в “черных списках”»²⁴. В 1915 г. во время повторной высылки в Вышний Волочек А.В. Афанасенкова с большим трудом поступила на текстильную фабрику Прохорова ткачихой, но работать там ей долго не пришлось. По существовавшему тогда порядку, все рабочие фабрики увольнялись на Пасху, а после нее производили новый набор рабочих. А.В. Афанасенкову в этот набор не приняли как «неблагонадежную». Весной 1915 г. она поступила работать на текстильную фабрику «Торгово-промышленного Товарищества П.М. Рябушинского с сыновьями» в отделочный цех нашивалкой мокрого товара, но и отсюда была уволена по той же причине²⁵.

По нашим подсчетам, из 84 женщин, высланных в Тверскую губернию в 1881–1917 гг., только 25 смогли устроиться на работу и улучшить свое материальное положение за счет заработной платы.

Несмотря на законодательные ограничения, несколько женщин все же смогли устроиться на работу в медицинские учреждения (М.С. Вегнер-Гинтер, А.А. Сухомлина, А.И. Успенская, М.А. Петрова, Е.С. Мамонова). Д. Муратова работала сиделкой в Тверском городском Затверецком родильном приюте²⁶.

Некоторые писательницы и переводчицы, высланные в Тверь, продолжали работать по профессии. Переводами иностранных сочинений на русский язык занимались К.А. Яковенко и П.Ф. Куделли²⁷. В.И. Дмитриева, высланная в Тверь в 1887 г. за участие в студенческих волнениях, занималась привычным литературным трудом: она печаталась журналах «Вестник Европы» и «Русская мысль». Четыре года длилось ее «тверское сидение». Пережитое за это время широко отразилось в ее творчестве²⁸. А.М. Рождественская занималась перепиской книг при книжном складе Тверского губернского земства²⁹.

Любая преподавательская деятельность «неблагонадежным» лицам была категорически запрещена. Однако некоторые поднадезорные, чтобы заработать хоть какие-то деньги, начинали заниматься преподаванием в частном порядке. Так, 3 февраля 1888 г. на должность домашней учительницы к врачу Бурашевской колонии Яковенко прибыла М. А. Селихова, которая в 1887 г. «привлеклась к дознанию по обвинению в государственном преступлении», в результате чего по высочайшему повелению была подвергнута

тюремному заключению на 6 недель, а затем ей было воспрещено жительство в столицах и столичных губерниях. По сведениям, имевшимся в Тверском губернском жандармском управлении, М.А. Селихова, «очевидно», жила только на получаемое содержание от Яковенко³⁰.

Крестьянка, бывшая вольнослушательница Московского сельскохозяйственного института Л.И. Лисицына, высланная в Тверь в 1911 г. по постановлению министра внутренних дел за агитацию среди учащихся с воспрещением проживания в столицах и столичных губерниях, в Твери состояла в должности агронома³¹.

Некоторые высланные женщины, по происхождению крестьянки или мещанки, занимались швейным мастерством, крестьянскими работами или устроились прислугой³².

Остальные женщины фигурировали в ведомостях о поднадзорных как «не имеющие определенных занятий» или «ничем не занимающиеся».

Существенную помощь в поиске заработка оказывало ссыльным женщинам Тверское губернское земство. Так, В.А. Обухова, высланная в Тверь за принадлежность к «тайному преступному сообществу» «постоянных занятий не имела, а временно занималась, брав занятия на дом из Тверской губернской земской управы»³³.

В июле 1888 г. начальник Тверского губернского жандармского управления полковник А.Л. Девлет-Кильдеев доносил в Департамент полиции, что высланные в Тверь и состоящие под негласным наблюдением Александра Тимофеева, Маргарита Введенская, Владимир Ершов, Константин Балабанов, а также такие «неблагонадежные» лица, как Сергей Сотников и Ольга Денисова, ежедневно посещают австрийскую подданную Терезу Реверелли и ее сына, проживающих за рекой Тьмакою в обширной усадьбе бывшей княгини Мещерской. Они устроили там переплетную мастерскую, по-видимому, на началах коммуны и большинство из них действительно занимается переплетным делом, получая заказы, из здешнего земского склада учебных книг и пособий³⁴.

Наибольшее количество «неблагонадежных» нашли временный заработок в земской статистике. С помощью В.И. Покровского (1838–1915), заведующего Статистическим бюро при Тверской губернской земской управе, известного своими либеральными взглядами, высланным женщинам удавалось получить работу по статистике в земской управе. Тверской полицмейстер при посещении квартиры высланной Розы Ландис застал ее за переписыванием статистических сведений, что поручил ей В.И. Покровский³⁵.

При производстве обыска у В.Дмитриевой и В. Ершова жандармы обнаружили сверток статистических земских таблиц³⁶.

Поступление на службу в земские учреждения, причем преимущественно в статистические бюро земских управ, лиц, находящихся в административной высылке и состоящих под гласным и негласным надзором полиции, не могло не обратить на себя внимание Департамента полиции. 22 декабря 1886 г. министр внутренних дел граф Д. А.Толстой поручил всем губернаторам отстранить от занятий земской статистикой «политически неблагонадежных»: «Имея в виду, что собирание статистических сведений сопряжено с частыми разъездами по селам, заводам и фабрикам и ставит собирающих сведения в непосредственные, вне всякого контроля, сношения с сельским и фабричным населением, предлагается существенно важным, чтобы лица политически неблагонадежные не допускались к занятиям земской статистикой, а находящиеся на службе были отстранены от этих занятий»³⁷. Действительно, В.И. Покровский, руководивший земской статистикой в Тверской губернии, одним из первых применил экспедиционный метод исследования с собиранием сведений непосредственно по каждой деревне и каждому крестьянскому хозяйству.

В ответ Тверской губернатор А.Н. Сомов докладывал в МВД: «...Как мне известно из частных источников, Губернская Земская Управа нередко предоставляет занятия по статистике проживающим в г. Твери поднадзорным, считая непротивоправительственным давать таким лицам в облегчение материального положения, возможность трудиться, и поручая им работы на дому, без моего ведома, выдает за труды надлежащее вознаграждение». Далее он докладывал, что председателю земской управы было предложено «изменить этот порядок как вредный в том отношении, что возможность свободно иметь заработки в Управе, по всей вероятности, дает политически неблагонадежным повод стремиться в Тверь из других местностей и здесь <...> скопляться»³⁸.

Тем не менее, Тверское губернское земство продолжало предоставлять высланным, в том числе и женщинам, работу по сбору и обработке статистических сведений. В политическом обзоре Тверской губернии за 1888 г. начальник Тверского губернского жандармского управления полковник А.Л. Девлет-Кильдеев все так же отмечал, что лица, высылаемые в Тверскую губернию из других мест империи, всегда получают здесь разного рода занятия в губернской земской управе³⁹.

Ц.С. Зеликсон-Бобровская, высланная в 1903 г. из С.-Петербурга в Тверь, избранную для жительства, вспоминала: «С устрой-

ством здесь мне повезло: нашла недорогую комнату, а главное заработок. Работу в земской управе по страховой статистике. Ввиду временного характера работы губернаторского утверждения не требовалось, а потому здесь могли работать и люди, совсем «неблагонадежные»⁴⁰.

Таким образом, большая часть женщин, административно высланных в Тверскую губернию в 1881–1917 гг. так и не смогла найти постоянного заработка. Почти все они относились к категории лиц, высланных в выбранное ими самими место жительства, и поэтому по закону не имели права на получение пособия. Это существенно осложняло жизнь тверских ссыльных. Высланные женщины, лишённые такого источника дохода, как казенное пособие, ограниченные законодательно в праве избрания занятия, не привыкшие к физическому труду, оказались в очень тяжёлом материальном положении. Отчасти облегчить это положение смогла Тверская губернская земская управа, предоставляя им временную работу по статистике.

Примечания

- 1 Максимова В.Н. Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.). Братск, 2011; Овечкина С.Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Архангельск, 2004; и др.
- 2 Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 11884. Л. 27 об.–28; Д. 13684. Л. 55 об.–56; Д. 12075. Л. 14 об.–15.
- 3 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12072. Л. 4.
- 4 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3-е. Т. II. СПб., 1886. № 730.
- 5 Собрание законов Российской империи (СЗ РИ). Т. XVI, ч. 2. СПб., 1892.
- 6 СЗ РИ. Т. XIV. СПб., 1890.
- 7 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 9147. Л. 2–2 об.
- 8 Там же. Л. 2–23 об.
- 9 Там же. Л. 16.
- 10 Там же. Л. 22.
- 11 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 11976. Л. 15 об.
- 12 ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. II. № 730.
- 13 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 11976. Л. 15–15 об.; Д. 13541. Л. 16; ГА РФ. Ф. 102. Д-3. 1904 г. Д. 81. Л. 49.
- 14 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 9169. Л. 3 об.–4.
- 15 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12075. Л. 13 об.–14; ГА РФ. Ф. 102. Д-3. 1904 г. Д. 81. Л. 10–10 об.

- 16 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13541. Л. 10 об.–11; ГА РФ. Ф. 102. Д-5. 1914 г. Д. 443, Ч. 22. Л. 47, 53.
- 17 ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1904 г. Д. 81. Л. 51, 68; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12339. Л. 2а; Д. 12072. Л. 18 об.
- 18 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13541. Л. 21–21 об.
- 19 ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1904 г. Д. 81. Л. 49–50.
- 20 ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. II. № 730.
- 21 Там же.
- 22 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 9147. Л. 8.
- 23 Там же. Л. 10–10 об.
- 24 Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 2. Д. 7. Т. 1. Л. 7.
- 25 Там же. Л. 10, 23.
- 26 ГА РФ. Ф. 102. ОО 1910 г. Д. 9, Ч. 77Б. Л. 32 об.–33.
- 27 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 9169. Л. 6 об.–7; Д. 12481. Л. 8 об.–9.
- 28 Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. Т. III. Вып. 2. М., 1934. Стб. 1185.
- 29 ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2091. Л. 2.
- 30 ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 112. Л. 20–20 об.
- 31 ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1683. Л. 61.
- 32 ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 65. Л. 4 об.–5; Ф. 56. Оп. 1. Д. 12243. Л. 3 об.–4 об.; Д. 11884. Л. 27; Д. 13684. Л. 48 об.–49; Д. 13750. Л. 42 об.–43.
- 33 ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 58. Л. 8 об.–9.
- 34 ГА РФ. Ф. 102. Д-3. 1888 г. Оп. 84. Д. 235(1). Л. 57–57 об.
- 35 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 9646. Л. 27 об.
- 36 *Дмитриева В.И.* Так было (Путь моей жизни). М.; Л., 1930. С. 260.
- 37 ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 9646. Л. 1.
- 38 Там же. Л. 19–19 об.
- 39 ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 52. Л. 8–8 об.
- 40 *Бобровская Ц. (Зеликсон).* Записки подпольщика, 1894–1917 гг. М., 1957. С. 43.

А.Д. Авдеева

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматриваются организация церковно-приходских школ в Московской епархии в начале XX в. Главное внимание уделяется вопросам организации церковно-школьного дела: управлению школами и их финансированию, роли православных братств в развитии церковно-приходских школ. Делается вывод, что церковно-приходское начальное образование в Московской епархии в начале XX в. сложилось в эффективно управляемую систему.

Ключевые слова: начальное образование, церковно-приходская школа, Московская епархия, епархиальный училищный совет, Московское Кирилло-Мефодиевское братство.

Признание российской властью в «Николаевскую эпоху» необходимости укрепления религиозных основ народного образования способствовало развитию, начиная с 1830-х годов, сети начальных церковно-приходских школ. Москва сохраняла статус первопрестольного города и духовной столицы страны, поэтому рассмотрение вопросов организации начального народного образования в церковно-приходских школах Московской епархии, на наш взгляд, имеет особое значение для создания целостной картины российской начальной школы.

В начале XX в. происходило увеличение ассигнований из государственной казны на нужды церковно-приходских школ, а также расширение их сети. С.Ю. Витте заявил на заседании Государственного совета в апреле 1912 г.: «Православный русский народ глубоко религиозен... Безусловно верю, что нет такой силы, которая бы уничтожила ту громадную организацию, которая ныне дей-

ствуется по всей России, принося громадную пользу, – церковно-приходскую школу»¹.

Система управления церковно-приходскими школами Московской епархии в начале XX в. включала в себя следующие учреждения: Училищный совет при Святейшем Синоде (с 19 января 1885 г.), Московское православное Кирилло-Мефодиевское братство и его уездные отделения, советы церковно-приходских школ во главе с заведующими школами. Существовала также Школьная инспекция, на местах представленная уездными наблюдателями, а на уровне епархии – епархиальным наблюдателем, назначаемым Училищным советом при Синоде.

Формирование этой управленческой системы происходило по мере развития церковно-школьного дела в России. Отправной точкой ее становления явились высочайше утвержденные 13 июня 1884 г. «Правила о церковно-приходских школах»², в соответствии с которыми верховное управление данными учебными заведениями принадлежало Синоду, а в епархиях создавались епархиальные училищные советы. При этом в п. 22 было установлено, что в тех епархиях, где существовали епархиальные православные братства, заведовавшие церковно-приходскими школами, советам братств передавались права епархиальных училищных советов³. Так в Московской епархии функции епархиального училищного совета обрел совет Московского православного Кирилло-Мефодиевского братства.

В 1885 г. при Синоде был создан Училищный совет, которому епархиальные архиереи обязывались ежегодно предоставлять отчеты о состоянии церковно-школьного дела в их епархии⁴. Наконец, расширение сети церковно-приходских школ вызвало необходимость создания учреждений в уездах – уездных отделений епархиальных училищных советов (братств).

25 мая 1888 г. Александр III утвердил «Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов»⁵. В соответствии с ними структура Кирилло-Мефодиевского братства подверглась изменению: управление церковно-приходскими школами Московской епархии было сосредоточено в его совете и 15 уездных отделениях под председательством викарного архиерея. В составе братства насчитывалось 30 пожизненных членов, 203 действительных члена и до 550 членов-соревнователей; кроме этого в уездных отделениях – 25 почетных, 15 пожизненных, 654 действительных и 356 членов-соревнователей⁶. Низшее звено управления составили заведующие церковно-приходскими школами и советы, создаваемые при школах.

Окончательно система управления церковно приходскими школами сложилась в конце 1890-х годов с принятием Синодом 26 февраля 1896 г. «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты Ведомства Православного Исповедания». Она просуществовала в неизменном виде до 1917 г. На основании этого положения Училищный совет при Синоде был наделен административными, учебно-воспитательными и хозяйственными функциями. К административным относилось утверждение председателей епархиальных училищных советов (или советов братств), уездных епархиальных наблюдателей. К учебно-воспитательным – издание программ для церковных школ, цензура учебных пособий, а также организация педагогических курсов для учителей. К хозяйственным – составление общей сметы расходов по устройству и содержанию школ, а также выделение соответствующих средств епархиям⁷.

В сферу деятельности Кирилло-Мефодиевского братства входило распределение пособий на устройство и ремонт церковно-приходских школ, назначение преподавателей, а также издание распорядительной документации в отношении уездных отделений. Функции уездных отделений братства и заведующих церковно-приходскими школами во многом совпадали, но первые играли руководящую роль: поиск и прием на работу учителей, изыскание местных средств на содержание школ, снабжение учебниками и книгами школьных библиотек, устройство дополнительных классов⁸.

Уездные и епархиальные наблюдатели осуществляли функцию контроля и надзора. Первые инспектировали школы, рассматривали жалобы и просьбы, готовили отчеты для уездных отделений епархиальных училищных советов (в Московской епархии – для уездных отделений Кирилло-Мефодиевского братства). Епархиальный наблюдатель, назначаемый Училищным советом при Синоде, занимался проверкой деятельности уездных отделений и наблюдателей. Его отчеты ежегодно печатались в официальном издании – «Московские церковные ведомости».

Особое место в системе церковно-школьного управления в Московской епархии занимало Братство св. Петра Митрополита. Основанное в конце XIX в. Москве, оно «служило делу просвещения народа, блуждающего в расколе, именуемого старообрядчеством»⁹. Братство состояло из 169 членов под председательством викарного архиерея. Как видно из отчетов по Московской епархии за 1904 и 1906 гг., братство имело 5 школ, и все они располагались «в обширнейшем гнезде раскола» – Гуслищах (в селе Селино

и деревнях Авсюпино, Костино, Новая, Губинская)¹⁰. Законоучителями и заведующими в этих школах состояли приходские священники. Всех обучающихся в них насчитывалось 328 человек, из которых 241 были детьми старообрядцев¹¹.

В обозрении храмов и школ в Москве и Московской епархии за 1906 г. викарий Московской епархии Анастасий (Грибановский), посетивший Верейский уезд в 1906 г., отмечал: «Несмотря на тревожное настроение времени, общая картина жизни уезда оказалась вполне мирной и спокойной. В этом отдаленном от Москвы уголке совершенно незаметно следов общей смуты. Здесь нет ни тени аграрных беспорядков, ни грабежей, ни убийств; <...> население не поддается революционной пропаганде и живет в тесном общении с церковью»¹². Он также отмечал повсеместное блажелательное отношение прихожан к духовенству, чье влияние на молодое поколение, по его убеждению, помогали упрочить церковно-приходские школы. Относительно общего числа церковей количество школ в Верейском уезде было сравнительно невелико, однако в тех местах, где они существовали, он поставил им в заслугу то, что «они совершенно перевоспитали приходы и органически связали их с церковью»¹³. В 1904 г. в ведении совета Кирилло-Мефодиевского братства состояло в Москве: 4 образцовых школы (при двух семинариях и двух епархиальных женских училищах), две двухклассные школы (при Чудовском хоре и при Московской синодальной типографии), и 110 церковно-приходских школ¹⁴. А в Московской епархии – 6 школ второклассных, 8 двухклассных, 440 одноклассных, 70 школ грамоты и 14 школ воскресных для взрослых – всего 538 школ. Учащихся в них было: 17 885 мальчиков и 11 175 девочек, всего 29 060 человек¹⁵.

Число церковно-приходских школ быстро росло. Согласно отчету о состоянии дел в Московской епархии за 1906 г., в Москве оно увеличилось по сравнению с 1904 г. со 110 до 130, а по всей епархии число двухклассных школ выросло с 8 до 28, а одноклассных – до 559¹⁶.

Этому немало содействовали приходские попечительства, сеть которых в последнюю треть XIX в. активно развивалась. «Положением о приходских попечительствах при православных церквах», утвержденным Александром II 2 августа 1864 г., правительство приступило к созданию приходских благотворительных организаций, на которых, помимо учреждения и содержания больниц, богаделен, приютов и оказания иной помощи приходским беднякам, было возложено содействие организации и содержанию церковно-приходских школ. Работая на добровольные пожертвования при-

хожан, приходские попечительства считали открытие и содержание приходских школ одним из самых важных направлений своей деятельности¹⁷.

Бесплатные городские школы зачастую являлись переполненными, и многим детям отказывалось в приеме. Случалось, что родители водили своих детей по улицам и храмам, понуждая собирать милостыню, и объясняли это тем, что они «отдали бы чад в школу, но не имели никаких средств, чтобы снабдить ребенка необходимой одеждой, обувью и учебными принадлежностями»¹⁸. В связи с этим приходские попечительства ставили перед собой задачу не только создания условий для получения бесплатного начального образования, но также и воспитания детей «в благочестивых навыках под ближайшим руководством святой Церкви»¹⁹.

В Москве действовало 45 школ, учрежденных попечительствами и состоявших в их ведении. На содержание школьных помещений, жалование учителей, ремонт мебели, уборку и покупку учебных и письменных принадлежностей разные попечительства затрачивали от 135 до 1 700 руб. в год²⁰. Заведующим в них состоял приходской священник, а управление всей хозяйственной частью поручались попечителю школы, который избирался из числа членов попечительства на общем собрании. В Московской епархии в начале XX в. насчитывалось свыше 120 приходских попечительств. Так, в 1904 г. они пожертвовали на церковно-приходские школы и благотворительные учреждения в приходах 79 923 руб. 19 коп.²¹

Церковно-приходские школы представляли собой всесословные начальные учебные заведения, в которые принимались дети в возрасте от 8 лет. В соответствии с п. 20 и 21 Положения о церковных школах 1902 г.²², они открывались при церквях и монастырях с разрешения епархиального Училищного совета и делились на два вида – одноклассные и двухклассные. Курс обучения в одноклассных школах продолжался три года, а в двухклассных пять лет для детей обоего пола как совместно, так и отдельно. Они могли открываться и существовать полностью или частично на средства, отпускаемые из Государственного казначейства, на пожертвования гражданских учреждений и частных лиц, на суммы из церковных и монастырских доходов, на средства приходских попечительств, а также на суммы особого кружечного сбора по церквям.

Так, церковно-приходская школа при Знаменской церкви в Переяславской слободе содержалась на церковные средства (расходовалось до 600 руб. в год), и в ней обучались 15 мальчиков

и 5 девочек²³. Церковно-приходская школа при Адриановской церкви, в Мещанской, содержалась на проценты с капитала в 11 800 руб., завещанных вдовою подполковника А.Я. Селивановой²⁴. Церковно-приходская школа при Духосошестввенской церкви, на Лазаревом кладбище, содержалась на церковные средства с добавлением из Государственного казначейства. В 1915 г. Церковных денег было израсходовано 490 руб., казенных – 390 руб. В ней обучалось 20 мальчиков и 25 девочек²⁵. Церковно-приходская школа при Троицкой церкви на Пятницком кладбище в 1915 г. содержалась на средства Государственного казначейства в размере 780 руб., с добавлением из церковных сумм 120 руб., от попечительницы П.П. Шагаевой 300 руб. и частных пожертвований 294 руб. 80 коп. (всего было израсходовано 1 494 руб. 80 коп.)²⁶. Церковно-приходская школа при Московской Николо-Пыжовской церкви содержалась на церковные средства (500 руб.), на кружечный сбор (23 руб. 34 коп.), на проценты с капитала Е.С. Лялиной (568 руб.), на сбор с состоятельных учеников (400 руб.) и на пожертвования от приходского попечительства (398 руб. 50 коп.)²⁷.

В учебный план одноклассных церковно-приходских школ входили: Закон Божий (изучение молитвословий, Священная история, объяснение богослужения и краткий катехизис), церковное пение, церковно-славянская грамота, русский язык, письмо, начальная арифметика и рукоделие в виде дополнительных уроков. В двухклассных школах, кроме этих дисциплин, велось преподавание краткой церковной и отечественной истории, географии, черчения и рисования. На основании отчета по Московской епархии за 1904 г., школ, имевших в учебном плане занятия рукоделием и «некоторыми мастерствами», насчитывалось 126: девочек обучали домашнему шитью, вязанию и вышиванию, а мальчиков – столлярному и переплетному делу²⁸. Ежедневные занятия, как правило, начинались и заканчивались молитвами, которые читались самими детьми поочередно в присутствии учителей. Вслед за утренней молитвой читалось Священное Писание, а в воскресные и праздничные дни дети присутствовали в приходском храме на богослужении под наблюдением учителей, принимая участие в чтении и пении²⁹.

Распорядок дня в церковно-приходских школах не был единообразным. Обычно он включал в себя 5–6 занятий с перерывами, оканчивающихся к середине дня; в младших группах их количество ограничивалось 3–4. В некоторых школах дети получали бесплатный обед, однако это не являлось повсеместным правилом

и зависело от благосостояния школы³⁰. Подобное наблюдалось и в отношении медицинской помощи учащимся: в штате некоторых, большей частью городских, школ имелся врач, однако зачастую в учебных заведениях не было даже аптечки³¹. Заболевшие ученики тотчас удалялись из школы и по выздоровлении без докторского свидетельства обратно не принимались³².

К учащимся, нарушающим дисциплину и проявляющим нерадение в занятиях, применялись следующие виды наказаний: замечание наедине, выговор в присутствии учащихся в классе, лишение места, оставление по окончании уроков в школе, а в некоторых случаях – замечания со стороны заведующего, который приглашал к себе родителей ученика³³.

Учащиеся церковных школ, желавшие получить свидетельство об окончании курса начальной школы, а также льготы по воинской службе, сдавали экзамены специальной комиссии, в состав которой входил представитель Министерства народного просвещения. После введения в 1874 г. всеобщей личной воинской повинности выпускники начальных школ имели право на сокращение срока службы до 4 лет, в то время как служба на общих основаниях продолжалась 6 лет³⁴. Однако в 1905 г. срок службы был сокращен до 3 и 4 лет в различных родах войск, а льготы для выпускников школ отменены³⁵.

Положение о церковных школах 1902 г. регламентировало требования к преподавательскому составу приходских школ: они избирались из лиц православного исповедания, имеющих свидетельство на звание учителя и учительницы начальных школ или окончивших курс средних и высших учебных заведений³⁶. При недостатке кандидатов к преподаванию в одноклассных церковно-приходских школах допускались наиболее успешно окончившие курс второклассных школ и другие лица, признанные способными к педагогической деятельности уездными отделениями епархиальных училищных советов. Последние должны были выдержать экзамен на звание начального учителя или учительницы в Испытательном комитете при Московском учебном округе³⁷.

В московских церковно-приходских школах трудились выпускники Московской духовной академии, духовных семинарий, Московского университета, Синодального училища церковного пения, женских епархиальных училищ – Филаретовского и Марииинского. Преподаватели в некоторых из школ пользовались предоставляемым им жильем или денежным эквивалентом по его найму – квартирным пособием. Организация их труда не была нормирована: количество учеников, приходящихся на одного пре-

подавателя, не было нормативно зафиксировано. Преподавание Закона Божия официально возлагалось на приходских священнослужителей³⁸, причем многие из них делали это на безвозмездной основе.

Порядки, утверждаемые в церковно-приходских школах, оказывали непосредственное влияние на религиозно-нравственное настроение учащихся и были призваны сделать из них «желательных членов церкви и государства»³⁹. У детей воспитывали высокие патриотические чувства: в частности, ученики собирали подарки для солдат во время Русско-японской⁴⁰ и мировой войн. Сама церковно-школьная система принимала и бесплатно обучала детей погибших и раненых воинов наряду с помощью бедноте⁴¹.

В целом в конце XIX – начале XX в. церковно-приходское начальное образование в Московской епархии сложилось в стройную и эффективно управляемую систему. Она не только активно утверждала в детской среде, сельской и городской, православные религиозные чувства и прививала нормы христианской морали, но и давала учащимся первоначальные научные знания и полезные навыки. Вместе с тем сама она быстро вовлекалась в процесс формирования системы социальной защиты, происходившей в конце XIX – начале XX в.

Примечания

- 1 Народное образование. 1912. Кн. 4, апрель. С. 493.
- 2 Правила о церковно-приходских школах: Высочайше утверждены 13 июня 1884 г. СПб., 1894. С. 3–11.
- 3 Там же.
- 4 Московские церковные ведомости. 1885. № 3.
- 5 Церковные ведомости (С.-Петербург). 1888. № 27.
- 6 Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 748. Д. 88. Л. 46 об.
- 7 Церковные ведомости. 1896. № 12–13. С. 95–102.
- 8 Красницкая Т.А. Управленческая структура церковно-школьной образовательной систем в Российской империи: последняя треть XIX – начало XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2012. № 1, ч. 1. С. 88.
- 9 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 748. Д. 88. Л. 42.
- 10 Там же. Л. 45.
- 11 Там же.
- 12 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 549. Д. 18. Л. 18.

- 13 Там же. Л. 19.
- 14 Там же.
- 15 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 748. Д. 88. Л. 47.
- 16 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 549. Д. 18. Л. 15.
- 17 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 759. Д. 1326. Л. 3 об.
- 18 Отчет приходского попечительства при Георгиевской, в Грузинах, церкви: За 1901 год. Год девятый. М., 1902. С. 8.
- 19 Отчет приходского попечительства при московской Георгиевской в Грузинах церкви за 1896 год (Четвертый год существования). М., 1987. С. 3.
- 20 *Панкрат Т.В.* Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы (вторая половина XIX – начало XX столетия). М., 2011. С. 158.
- 21 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 748. Д. 88. Л. 19.
- 22 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3-е. Т. XXII. Ч. 1. СПб., 1904. № 21290.
- 23 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 86. Д. 184. Л. 62 об., 77.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 486. Д. 184. Л. 77.
- 27 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 766. Д. 377. Л. 1.
- 28 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 748. Д. 88. Л. 33.
- 29 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 767. Д. 351. Л. 3.
- 30 Там же.
- 31 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 766. Д. 252. Л. 2.
- 32 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 766. Д. 417. Л. 1.
- 33 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 766. Д. 547. Л. 4.
- 34 *Горяинов С.* Уставы о воинской повинности, дополненные всеми позднейшими узаконениями по 15-е октября 1883 г. СПб., 1884. С. 124.
- 35 *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. С. 17.
- 36 ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXII. Ч. 1. № 21290.
- 37 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 486. Д. 184. Л. 62 об.
- 38 ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXII. Ч. 1. № 21290; ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 757. Д. 3076. Л. 165.
- 39 Отчет приходского попечительства при Георгиевской, в Грузинах, церкви: За 1901 год. Год девятый. С. 8.
- 40 Отчет приходского попечительства при московской Василие-Исповеднической, что в Новой Деревне, церкви за 1904 год (шестой год существования). М., 1905. С. 10.
- 41 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 547. Д. 18.

Т.К. Сазонова

«КРАСНАЯ» ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ (1917–1919 гг.)

В статье рассматривается создание Иваново-Вознесенской губернии. Главное внимание уделяется причинам и этапам ее создания в 1917–1919 гг., а также первым результатам работы партийных и советских властей новой губернии. Сделан вывод о том, что ее создание стало реализацией большевистской концепции переустройства административно-территориального деления России путем образования «красных» губерний на базе промышленных, пролетарских районов.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Советская Россия, Иваново-Вознесенская губерния, Советская власть, советская государственность, административно-территориальное деление, губерния, промышленный район, большевики, рабочий класс.

Поиск оптимального административно-территориального деления во все исторические эпохи являлся и является одним из важнейших для России. Одна из причин этого заключается в том особом значении, которое имело и имеет административно-территориальное деление для решения проблем управления и экономического взаимодействия регионов такой страны, как Россия. О постоянном поиске оптимального с точки зрения правящей элиты административно-территориального деления страны свидетельствуют многочисленные проекты и реальные преобразования, которые разрабатывались и осуществлялись в Российской империи, СССР и постсоветской России¹.

Большевики еще до 1917 г. подвергали критике «средневековые, крепостнические, казенно-бюрократические административные деления России». В.И. Ленин заявлял о необходимости

«уничтожения этих делений и замены их действительно “современными”, действительно отвечающими требованиям не казны, не бюрократии, не рутины, не помещиков, не попов, а капитализма делениями»². Большевики трактовали произведенное Екатериной II административно-территориальное деление как «одно из средств борьбы российских помещиков с крестьянской революцией»³, а в петровских преобразованиях в этой сфере видели приспособление России «к завоевательным намерениям царя»⁴. Уже в ранней своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин отказался от традиционного деления на губернии и уезды, не дающего точного представления о концентрации фабрично-заводского производства в стране⁵.

Особое внимание революционеры-марксисты уделяли промышленно-пролетарским центрам и районам, полагая, что именно им предстоит сыграть ключевую роль в захвате власти. Л.Д. Троцкий в работе «Пролетариат и революция», написанной в 1905 г., отвечая на вопрос о том, как «призвать единовременно к действию все революционные силы», прогнозировал, что именно «город» будет «главной ареной революционных событий». По мнению Троцкого, весь предыдущий опыт показывал, что в революции нужно делать ставку на «повседневное скопление» пролетариев вместо того, чтобы «собирать» их «поодиночке»⁶.

«Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры, – писал Ленин, – в значительной степени решают политическую судьбу народа, разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными деревенскими силами»⁷.

Большевики приступили к пересмотру административно-территориального устройства сразу же после Октябрьской революции. 24 декабря 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел в письме к Советам «Об организации местного самоуправления» указал на то, что по своему значению многие административные центры уступают промышленным и торговым средоточиям губерний и уездов⁸. 27 января 1918 г. Совет народных комиссаров издал декрет «Об определении границ губернских, уездных и пр.» Вопросы изменения административных границ передавались на усмотрение местных Советов рабочих, крестьянских, батрацких и солдатских депутатов. Существующие административно-территориальные единицы могли дробиться с целью образования новых, в частности экономических. Сведения о любых нововведениях должны были поступать в Народный комиссариат внутренних дел⁹.

Тем самым был запущен во многом стихийный процесс создания губерний, уездов и волостей. До VII съезда Советов, в декабре

1919 г. поручившего ВЦИК «разработать практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР»¹⁰, отсутствовало четкое централизованное планирование корректировки административно-территориального устройства.

В большинстве случаев прежние единицы разукрупнились, в результате чего в течение первых лет после революции в РСФСР появились губернии, не существовавшие в Российской империи. Создание многих новых административно-территориальных единиц было обусловлено наличием в фабрично-заводских центрах сильных Советов, распространявших свое влияние на прилегавшие территории «вне всяких административных границ»¹¹.

Подобным образом была создана одна из новых советских губерний Центральной России – Иваново-Вознесенская, официально утвержденная в 1918 г. и просуществовавшая до 1929 г., когда в ходе районирования ее территория вошла в качестве округа в состав Ивановской промышленной области. Созданная на базе промышленного района, она характеризовалась как пролетарская, промышленная, потребляющая (имеющая дефицит собственного продовольствия) губерния. Получила она также устойчивую репутацию «красной» губернии.

«Красная» губерния – термин революционной эпохи. Его часто использовали представители Иваново-Вознесенского губернского исполкома и комитета партии. Редакционная коллегия «Сборника статей и материалов по истории образования Иваново-Вознесенской губернии» отмечала, что он содержит документы, «вскрывающие социально-экономические основы создания... “Красной губернии”»¹². Во включенных в указанный сборник (был издан в 1924 г. в Иваново-Вознесенске) материалах, в местной печати, художественных произведениях и дневнике непосредственного участника событий Д.А. Фурманова этот термин фигурирует постоянно. В 1921 г. Ленин назвал Иваново-Вознесенскую губернию «нашей наиболее промышленной, пролетарской, красной»¹³. Всегда помнили и о том, что именно в Иваново-Вознесенске еще в 1905 г. возник первый Совет рабочих депутатов.

Аксиология «красного» как цветового атрибута революции, восстания, сражения имеет довольно долгую историю. Красно-белая «маркировка» принималась всеми участниками Гражданской войны. Так, на совещании, проводившемся главнокомандующим Вооруженными силами на юге России генералом А.И. Деникиным в Ростове-на-Дону 5 октября 1919 г., побывавший в Ельце докладчик назвал его вторым после Царицына «красным» городом¹⁴.

Основой для создания «красных» губерний в Советской России послужили промышленно-пролетарские центры, вокруг которых к началу XX в. сложились экономические районы. В составе рабочего класса Ленин выделял «авангард, отборные элементы», представленные «металлистами» и рабочими горных заводов, как наиболее обеспеченные, сознательные и культурные слои пролетариев. В хуже оплачиваемых и более отсталых текстильщиках он видел менее надежных недавних выходцев из кустарных промыслов, однако именно они составляли самый многочисленный отряд российских пролетариев. К третьей, особой, группе он отнес железнодорожных рабочих¹⁵.

Иваново-Кинешемский промышленный район сформировался на базе ведущей в России текстильной отрасли. Образующий уездами Ярославской, Владимирской и Костромской губерний, он имел два центра: Иваново-Вознесенск, население которого к 1918 г. достигло 160 тыс. человек (из них 70 тыс. рабочих), и Кинешму, считавшуюся «общепризнанным экономическим центром» 7–8-ми уездов с пролетарским населением в 25 тыс. человек¹⁶. В целом же в этом районе, сплошь усеянном более или менее крупными фабричными центрами, проживал 1 млн человек. Из-за нерешенности, вплоть до юридического оформления губернии в июне 1918 г., вопроса о ее центре район фигурировал в советских документах и как Иваново-Вознесенский, и как Иваново-Кинешемский.

Этот район стал для большевиков стратегически важным еще до революции. При участии М.В. Фрунзе в 1905 г. была создана Иваново-Вознесенская окружная организация, имевшая «партийные связи с рядом тяготеющих к городу районов», а затем Иваново-Вознесенский союз РСДРП, охвативший весь промышленный район¹⁷. Накануне Октябрьской революции в Совете рабочих депутатов Иваново-Вознесенска, городском самоуправлении и земстве преобладали большевики¹⁸.

Особенностью формирования «красных» губерний стало проявление инициативы местными большевиками. Такая возможность у них возникла уже после Февральской революции, когда и были сделаны первые шаги по созданию новых административно-территориальных единиц. Важным стимулом послужил обострившийся продовольственный вопрос, потребовавший объединения рабочих районов для организации их снабжения.

Поворотным моментом в консолидации Иваново-Вознесенского (Иваново-Кинешемского) района явилось создание весной 1917 г. Союза текстилей и образованного по его примеру Союза ко-

оперативов. 2 мая 1917 г. под эгидой Союза кооперативов в Кинешме прошло совещание Юрьевецкой, Макарьевской, Кинешемской, Шуйской, Ковровской, Иваново-Вознесенской уездных продовольственных управ. Товарищу министра земледелия В.Н. Зельгейму была послана телеграмма-ходатайство «О немедленном выделении Кинешемского самостоятельного продовольственного района», а в июле в Петроград отправилась делегация районного Совета рабочих и солдатских депутатов. Ее участники после нескольких совещаний добились согласия начальника Особого статистико-экономического отдела Министерства продовольствия В.И. Анисимова «на выделение района с правами губернского продовольственного комитета»¹⁹. В Кинешме были учреждены районный продовольственный комитет с правами губернского и губернская продовольственная управа. С сентября 1917 г. в качестве самостоятельной единицы район включили в государственный план снабжения.

Вызывая напряженность в отношениях с соседними административными центрами, работники Иваново-Вознесенского губисполкома пытались объединить максимальное количество уездов и волостей, мотивируя это соображениями экономической целесообразности. Для обеспечения собственной базы продовольствия в состав новой губернии стремились включить не только промышленные, но и сельскохозяйственные территории.

Однако создание продовольственной губернии было лишь промежуточным этапом в процессе наделения района административным статусом: «на очередь ставился вопрос о новой Иваново-Кинешемской губернии в полном смысле слова, или, как некоторые называли ее, “Красной губернии”»²⁰.

После захвата власти большевиками, в начале декабря 1917 г., в Иванове прошел съезд Советов, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, кооперативов, городских и земских самоуправлений всего текстильного района, который принял решение избрать Иваново-Кинешемский районный Совет рабочих и солдатских депутатов («районный исполнительный комитет») в составе 12-ти человек и поручить ему «подготовить материалы... как по вопросу образования новой губернии, так и по вопросу организации власти этой новой губернии»²¹.

23 января 1918 г. состоялся 2-й съезд Советов Иваново-Кинешемского района, в ходе которого уездным Советам было предложено в двухнедельный срок представить материалы об отношении населения к вхождению в новую губернию. Согласие всех уездов было необходимым условием для оформления губернии, присо-

единением к новой губернии считалось признание районного съезда Советов учредительным губернским съездом, а исполкома райсовета – губисполкомом²². Съезд постановил считать губернию «существующей фактически» после получения согласия от уездов²³.

Бумаги с мест, однако, собирались два с половиной месяца. В результате 3-й съезд Советов, работавший 21–24 апреля 1918 г., был вынужден еще раз поставить вопрос об учреждении губернии²⁴. Ему предстояло «закрепить» работу по организации губернии и окончательно решить вопрос о ее оформлении²⁵, направив соответствующее ходатайство в НКВД.

НКВД рассмотрел ходатайство 18 июня 1918 г. На основании уже упоминавшегося нами декрета «Об определении границ губернских, уездных и пр.» была образована новая Иваново-Вознесенская губерния с центром в одноименном городе²⁶. Соответствующее решение было принято НКВД 20 июня 1918 г.²⁷

Весть об официальном утверждении губернии принесла в Иваново-Вознесенск телеграмма Фрунзе из Москвы от 20 июня 1918 г. Именно эту дату в советской и современной российской принято считать днем рождения «красной» Иваново-Вознесенской губернии.

Большевистское руководство Иваново-Вознесенской губернии активно работало над «развитием революции» в провинции. После подавления в июле 1918 г. левоэсеровского мятежа в Ярославле Иваново-Вознесенск стал центром обширного Ярославского военного округа, а Фрунзе – окружным комиссаром. На Иваново-Вознесенский губернский комитет партии большевиков легла ответственность за организацию политической работы во всем округе. Были созданы военно-партийные курсы, на которых обучались не только рабочие Иваново-Вознесенской губернии, но и красноармейцы со всего округа. В конце 1918 г. приступили к организации Военной школы²⁸. В плане открытия различных курсов местная инициатива была проявлена также в Родниках, Тейкове, Вичуге²⁹.

Иваново-Вознесенский комитет партии большевиков подготовил кадры, направлявшиеся на работу в Народный комиссариат продовольствия, губернский продовольственный отдел, Академию Генерального штаба. При комитете партии было создано бюро по женскому движению. Для женщин-работниц губком устраивал митинги, уделяя большое внимание «организации женщин и привлечению их к «общественной работе»»³⁰. Рабочие губернии участвовали в боях практически на всех фронтах Гражданской войны:

«губерния ткачей» предоставила Красной армии мощный мобилизационный ресурс.

Вместе с тем, в Иваново-Вознесенской губернии существовали серьезные проблемы, ключевыми из которых были продовольственный вопрос и противоречия с местным крестьянским населением. Зажиточная часть крестьянства, недовольная большевистской продовольственной диктатурой, изначально выступала против создания новой губернии, видя в ней «большевистскую затею» и пугая крестьян диктатом рабочих. Недовольство в деревне усиливалось по мере обострения продовольственного кризиса. Происходили крупные крестьянские выступления, зачастую связанные с дезертирством. Так, выступления против Советов имели место в 1919 г. в Есиплевской волости и в районе города Родники. По мнению работников губернского исполкома, они были напрямую связаны с «нажимом» войск А.В. Колчака «на средний плес Волги» в июле 1919 г. Иваново-вознесенские рабочие принимали участие в подавлении крестьянских волнений не только в своей, но и в соседних губерниях – Ярославской, Владимирской, Костромской³¹.

Публикации иваново-вознесенской газеты «Рабочий край» отразили борьбу с крестьянами, по отношению к которым использовались такие определения, как «кулачье», «староприжимцы», не желающие «вылезать из тепло-насиженных местечек», «деревенские акулы». Газета призывала «вытаскивать кулацкий элемент из органов управления» и приводила примеры тому из крестьянской жизни, описывая, например, как крестьяне прогнали председателя-кулака³². В «кулаках» виделся мобилизационный ресурс Белого движения.

Власти «красной» губернии рассчитывали на обещанное большевистским руководством снабжение по нормам Петрограда и Москвы. Однако на деле жители не получили даже предметов первой необходимости. В связи с этим рабочие направляли в Москву телеграммы, напоминая об исправном исполнении губернией распоряжений по мобилизации и поставкам мануфактурной продукции³³.

На деле продовольствие в губернию поступало с фронтов, где воевали рабочие, помнившие о своих земляках, и добывалось продотрядами. Так, отряд иваново-вознесенцев отправился в феврале 1919 г. в освобожденные от петлюровцев районы Советской Украины. Рабочие были распределены в качестве агитаторов по селам Харьковской и Полтавской губерний, а также на железные дороги «для ускорения продвижения маршрутных поездов с продовольствием в голодающие промышленные губернии»³⁴.

Итак, в Центральной России после Февральской революции усилиями большевистских фракций местных Советов началось создание Иваново-Вознесенской губернии, что стало первым шагом на пути придания административного статуса сложившемуся ранее промышленному району. Создание этой новой губернии стало практической реализацией большевистской концепции «красных» губерний на базе промышленного района.

Важной задачей промышленных городов «красных губерний» являлось распространение большевистского влияния на крестьянское население. Однако, несмотря на многочисленные газетные сообщения об успехах в работе с крестьянством, волнения в сельской местности Иваново-Вознесенской губернии свидетельствуют о том, что нужные большевикам результаты были достигнуты далеко не полностью.

Примечания

- 1 Административно-территориальное устройство России: история и современность. М., 2003; *Горизонтов Л.Е.* В поисках внутреннего равновесия: вопрос об изменении территориально-административного деления Российской империи в 1830–1840-е гг. // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 319–335; *Карелин Е.Г.* Механизм власти и управления Западного края Советской России в 1917–1939 гг. Смоленск; М., 2009; *Круглов В.Н.* Проекты изменения административно-территориального устройства России 1990–2000 гг. // Вестник РГГУ. 2009. № 17. С. 148–156; *Горизонтов Л.Е.* Регионалистика как область научного знания и направление россиеведческих исследований // История СССР/РФ в контексте современного россиеведения. М., 2011. С. 50–68; *Булюлина Е.В.* Местные государственные учреждения Советской России, 1917–1929 гг. (На материалах Нижнего Поволжья). Волгоград, 2011; *Шушкова М.Е.* Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 6–19.
- 2 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. М., 1973. С. 147.
- 3 *Алампиев П.М.* Экономическое районирование СССР. М., 1959. С. 42.
- 4 ГА РФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.
- 5 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1971. С. 518–520.
- 6 *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. II, ч. 1. М.; Л., 1925. С. 50–51.
- 7 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. М., 1974. С. 6–7.
- 8 *Павловский Р.С., Шафир М.А.* Административно-территориальное устройство Советского государства. М., 1961. С. 17.
- 9 Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 426–427.

- 10 Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 152.
- 11 *Егоров К.Д.* Вопросы экономического районирования СССР. М., 1957. С. 178–179.
- 12 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 38.
- 13 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. М., 1970. С. 152.
- 14 Всероссийский Национальный Центр. М., 2001. С. 304.
- 15 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. М., 1969. С. 314.
- 16 *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. С. 69.
- 17 *Фрунзе М.В.* К истории социал-демократии в Иваново-Вознесенской губернии // Фрунзе М.В. Собрание сочинений. Т. 1. М.; Л., 1929. С. 507.
- 18 Там же. С. 107.
- 19 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 38. Л. 56.
- 20 Там же. Л. 62.
- 21 Там же. Л. 6.
- 22 Там же. Л. 7.
- 23 Там же. Л. 6.
- 24 Там же. Л. 9.
- 25 Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1918. № 29 (114). С. 1.
- 26 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 38. Л. 13.
- 27 ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 153. Л. 19–19 об.
- 28 РГАСПИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
- 29 Там же. Л. 1–2.
- 30 Там же. Л. 2.
- 31 Иваново-Вознесенская губерния в Гражданской войне. Иваново-Вознесенск, 1923. С. 10.
- 32 Рабочий край. 1918. № 173 (258). С. 3.
- 33 Рабочий край. 1918. № 183 (268). С. 3.
- 34 Иваново-Вознесенская губерния в Гражданской войне. С. 20.

Д.Ю. Исповедников

РАЗВЕДКА И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ
ДОКУМЕНТАЦИЯ ШТАБА ПРИАМУРСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
(1918–1919 гг.)

В статье рассматривается деятельность разведки штаба Приамурского военного округа на Дальнем Востоке во время Гражданской войны. Особое внимание уделяется аппарату разведки, ее бюджету, организации агентурных сетей, а также содержанию разведывательных документов. Делается вывод о том, что, несмотря на дефицит человеческих и финансовых ресурсов, белогвардейская разведка была вполне работоспособной и собирала ценные сведения о российском Дальнем Востоке и действиях интервентов.

Ключевые слова: Гражданская война в России, интервенция, Дальний Восток, Приамурский военный округ, штаб округа, разведка, агентура, разведывательная сводка, Маньчжурия, Китай, Япония.

Организация и деятельность белогвардейской разведки в период Гражданской войны на Дальнем Востоке является в отечественной историографии одной из наименее изученных тем. Документы, освещающие эти вопросы и хранящиеся в Российском государственном военном архиве, остаются не введенными в научный оборот и сегодня.

С другой стороны, современное состояние изученности Белого движения таково, что все сильнее ощущается отставание в исследовании создания и функционирования аппаратов военного управления (центрального, окружного и т. д.) антибольшевистских военных диктатур. А это не позволяет в полной мере ни изучить военное строительство антибольшевиков, ни раскрыть причины поражения Белого движения¹. Между тем разведка являлась одной из «несущих конструкций» белогвардейского военного аппарата во всех регионах России.

Наконец, без изучения организации и деятельности органов разведки штабов вооруженных сил белогвардейских диктатур невозможен полноценный анализ такого уникального исторического источника для изучения Гражданской войны, как разведывательные сводки (ценность разведсводок как источника, применительно к штабам Красной армии, была впервые раскрыта в работах С.В. Карпенко в конце 1980-х годов²). В частности, отложившаяся в фонде штаба Приамурского военного округа за 1918–1919 гг. документация разведки – рапорты, доклады и разведсводки – предоставляет исследователю богатый фактический материал, освещающий не только организацию самой разведки и основные направления ее работы, но и ход военных действий, военно-политическую, социальную и экономическую ситуацию на Дальнем Востоке, в дальневосточном приграничье России.

В отличие от Разведывательного отделения штаба Иркутского военного округа³, не функционировавшего в кратковременный период Советской власти, Военно-статистическое отделение штаба Приамурского военного округа, названное так в целях конспирации и также занимавшееся разведкой, своей работы не прекращало. Как следует из доклада старшего адъютанта отделения от 22 октября 1918 г., сотрудниками в это время продолжали составляться сводки, представлявшие собой «безобидные, газетного характера брошюры», основой для которых служила исключительно зарубежная периодика. Для отвода глаз был даже оставлен местный агент-китаец, освещавший жизнь Хабаровской китайской слободки и, как человек неграмотный, предоставлявший сведения не более ценные, чем «запоздалые хроникерские заметки о разных разностях»⁴.

Между тем кадровую основу отделения составляли офицеры, получившие специальное образование в окружной подготовительной школе переводчиков или в Восточном институте Российской империи, выпустившим за период с 1903 по 1919 гг. 119 офицеров, окончивших китайско-корейские, японо-китайские, китайско-маньчжурские и китайско-монгольские курсы⁵.

Большинство агентов штаба еще в первой половине 1917 г., после того как перестали поступать деньги и выплачиваться жалованье, были переведены в Харбин (как капитан А.А. Борисов). В конце 1917 – начале 1918 гг. в полосу отчуждения КВЖД были откомандированы также и некоторые офицеры-ориенталисты. В это же время окончательно прекратился выпуск разведсводок и обзоров прессы. Однако, продолжая оставаться на местах и не входя в явную конфронтацию с большевиками, чины отделения не только

поддерживали его в «потенциальном состоянии», готовым начать работу в любое время, но и сохранили большинство разведывательных материалов и трудов, составленных до революции.

Восстановлен Дальневосточный (с июня 1919 г. – Приамурский) военный округ со штабом в Хабаровске был приказом верховного правителя и верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России адмирала А.В. Колчака № 76 от 18 декабря 1918 г.⁶ Просуществовал он до января 1920 г. Изначально в него были включены Амурская, Приморская, Забайкальская, а позднее Камчатская и Сахалинская области. В этот период за основу штатов Военно-статистического отделения были приняты соответствующие штаты, разработанные в 1917 г. Главным управлением Генерального штаба. Согласно им, отделение должно было состоять из начальника, 5 его помощников, 5 старших драгоманов, 5 младших драгоманов и 3 переводчиков, также в отделении должно было работать 6 писарей, 2 чертежника, 3 сторожа и посыльных, а также 3 офицера для связи с Токио, Пекином и Харбином, то есть всего – 33 человека. Что касается финансовой стороны, то ее затронули некоторые изменения: в условиях Гражданской войны из-за роста цен высшим чинам было решено повысить плату на 100%, низшим – на 150% относительно сумм, указанных в штатах Главного управления Генштаба. В результате с 1 ноября 1918 г. годовое жалование начальника составило 9 900 руб., его помощников – 7 800 руб., старших драгоманов – 7 200 руб., младших драгоманов – 6 900 руб. и переводчиков – 6 400 руб. (с учетом квартирных и добавочных)⁷.

Серьезной проблемой в процессе восстановления разведки на Дальнем Востоке стал вопрос о доставке информации, совершенно прекратившейся после революции. Штаб Приамурского военного округа, потерявший связь с консулами в Цицикаре, Гирине, Чинь-Чуне, вице-консулом в Ян-цзи-фу, консульским агентом в Гензане и генеральным консулом в Сеуле в декабре 1917 г., только с февраля–марта 1919 г. начал вновь получать от них разведданные. Вместе с новыми материалами поступали и датированные концом 1917 и 1918 гг., в которых сообщалось о движении отрядов хунхузов и о сосредоточении китайских войск в районе КВЖД (в Харбине, Цицикаре, Пограничной, Хунчуне и Сахаляне напротив Благовещенска), а также о борьбе между Севером и Югом Китая. В разведсводках российского консульства в Куанчэнцзы, за этот период выходявших преимущественно дважды в месяц (разведсводка № 34 датирована 12 мая 1918 г., № 35 – 17 мая, № 36 – 6 июня, № 37 – 7 июня), содержались данные о ежегодном доходе

Гиринской провинции, сведения о мобилизации и снабжении войск на ее территории⁸. Кроме того, отмечалась «угрожающая Южно-Уссурийскому краю концентрация японских войск в северном углу Кореи»⁹, а также вдоль Южно-Маньчжурской железной дороги до Куанченцзы. В сводках анализировалась политика Японии на Дальнем Востоке и настроения японской прессы (в частности на основе газеты «Владиво-Ниппо», издаваемой японской колонией во Владивостоке).

Событиям, напрямую касавшимся России (выдача китайцами оружия, сданного русскими отрядами в феврале 1918 г. и хранящегося в Сахалине, Амурскому отряду атамана И.М. Гамова; агитация большевиков среди хунхузов), в этих документах уделялось гораздо меньше внимания, однако ценность таких сведений была, несомненно, выше. Об этом свидетельствует тот факт, что сводки военного консульства в Гирине, в которых освещались взаимоотношения большевиков с представителями китайских властей, составленные в марте 1918 г., были получены Военно-статистическим отделением уже в апреле¹⁰. Центральной темой в них было сотрудничество даотая в Хэйхэсяне с большевистским правительством в Благовещенске, которое вылилось в открытие китайцами границы по побережью Амура в июне 1918 г., после чего в Благовещенск был направлен поток товаров (в том числе скот, который переправлялся большевиками на Даурский фронт, где шли бои с силами атамана Г.М. Семенова).

После свержения Советской власти в конце 1918 г. штабом Приамурского военного округа были предприняты попытки возобновить разведывательную деятельность в районах, в которых Военно-статистическое отделение вело работу до революции – на территориях, прилегающих к Амуру, Маньчжурии, Монголии, Кореи и Японии. В связи с этим отделение предлагалось оставить во Владивостоке, что давало возможность получать зарубежную периодику из дислоцировавшихся в городе иностранных частей, использовать штабную или морскую типографию для печати, быстрее восстановить агентурную сеть благодаря смешанному населению города и иметь непосредственную связь с Японией и Китаем. Разведывательные сводки, поступающие из этих стран, по-прежнему представляли собой объемные, в 20–30 листов, экземпляры, в которых информация систематизировалась по географическому или тематическому принципам. В них подробно, с привлечением статистических данных, освещались экономические, социальные и политические изменения в отдельных городах и областях.

Так, в сводке от 3 мая 1919 г. анализировалось положение русских кредитных билетов в Гиринской провинции, которые постепенно обесценивались из-за их преизбыточного выпуска: «Курс рубля все время колеблется, из русских денег по более высокой цене на бирже в Гирине котируются рубли старого образца. 500 и 1 000-рублевки с трудом теперь размениваются. Японские серебряные и золотые иены за последнее время сильно поднялись, серебряные иены расцениваются выше китайского большого доллара и мексиканских долларов, 1 золотая иена оценивается в 1 мелкий доллар 70 центов казенного банка Юн-хэн»¹¹.

С первой половины 1919 г. в Военно-статистическое отделение начали направляться доклады резидентов, действовавших в областях Приамурского военного округа. В Уссурийском районе, например, имелись четыре агента: в Жао-хе-сяне, Ми-шань-фу, Сань-ча-гоу и Мулине (получали по 650 руб.), один почтальон (550 руб.), агент-ходок (650 руб.) и запасной агент (200 руб.). Дополнительно на канцелярские расходы тратилось 250 руб., на получение случайных сведений – 500 руб., на служебные разъезды – 100 руб. Таким образом, разведка в этом районе обходилась в 4 850 руб. в месяц¹². Для сравнения: в июле 1919 г. в Японию в качестве резидента был командирован штабс-капитан Серый-Серык с отпуском 6 400 руб. на первые четыре месяца¹³. Одновременно командованием планировалось создать филиалы отделения в Благовещенске и в Хабаровске для разведки в среднем и низовом Амурских районах, которые должны были следить за деятельностью органов самоуправления, союзов и организаций, отслеживать настроения населения. Функции отделения, таким образом, были сформулированы по аналогии с функциями американского органа «Intelligence department», который играл ведущую роль в осведомлении командования практически по всем вопросам и одновременно занимался разведкой. На территории Дальнего Востока сотрудники этого органа – разведотделения штаба американских экспедиционных сил в Сибири (Headquarters American expeditionary forces Siberia intelligence section) – в частности, составляли обзоры местной периодики, один из которых сохранился среди документов управления штаба Приамурского военного округа. В документе, подготовленном в декабре 1918 г., содержался обзор нескольких газет: «Dalny Vostok, Golos Primorya, Vladivostok, Novosti jizni, Dalekaya okraina»¹⁴. В то время их центральной темой был конфликт между Семеновым и Колчаком, что и было отражено в обзоре.

Важным направлением работы Военно-статистического отделения было обеспечение штаба Приамурского военного округа информацией о передвижениях и дислокации иностранных войск, которую собирали старшие и младшие драгомань. В докладах, источниками для которых служили обыкновенно личные беседы драгоманов с военнослужащими войск союзников, содержатся сведения о расположении в Спасске эскадрона китайской кавалерии, а по линии железной дороги – двух батальонов 33-го пехотного полка 9-й пехотной дивизии, как и о том, что они состояли из жителей провинции Чжи-ли и окрестностей Пекина. А также о прибытии во Владивосток китайского крейсера «Хай-Чоу» и о его вооружении. Помимо этого отделением использовались сведения, получаемые из американского, японского и чехословацкого штабов, о действиях партизан в районе Николаевска-на-Амуре, в долине реки Хоу к югу от Хабаровска, в районе Александровского завода и Нерчинска.

Среди документов отделения сохранилась военная сводка начальника Владивостокского военного отдела Инагаки Санроо от 11 июля 1919 г. о деятельности Южного карательного отряда японских войск в Сучанской долине, отрядов Ямасито, Сайто и Кихара вдоль Амурской железной дороги¹⁵.

Любая деятельность японских войск освещалась сотрудниками Военно-статистического отделения весьма подробно. Так, в отчете капитана Муравьева, офицера связи с 14-й японской пехотной дивизией, о работе с 26 апреля по 26 мая 1919 г. рассматривалось взаимодействие русской контрразведки с японской, а также с начальником японского жандармского отдела Приморской и Амурской областей. Кроме того, отмечалась пассивность японского командования в борьбе с большевиками и нерешительность в вопросе о выдаче разрешения на вывоз из Хабаровского арсенала и артиллерийского склада военных грузов в Омск, Владивосток и Никольск-Уссурийский по Амурской железной дороге¹⁶.

Такого же рода характеристика японцам дается и в другом отчете Муравьева, освещающем его поездку в Благовещенск. Капитан, в частности, отмечает, что против 2–3 тыс. большевиков посылались обыкновенно небольшие отряды, которые полностью уничтожались, как в бою у станции Ледяная, что приводило к обозлению японцев и применению ими репрессий. В отчете приводится пример захвата 50 мадьяр, отправленных в Благовещенск, где японцы «отрезали им уши и выкололи глаза», а также другие случаи – расстрела местного населения, пленных красноармейцев,

полного уничтожения заподозренных в причастности к большевизму латышей, из которых офицером русской службы должен был быть сформирован военный отряд. Особое внимание уделяется отсутствию у казачьих отрядов своего национального флага и обязательному ношению казаками японских отличительных значков, а также «бесцеремонному» обращению с офицерами и чиновниками, которых японцы могли не только оскорблять, но и избить¹⁷.

Некоторые сведения в докладах Муравьева, в частности о подчиненности атамана И.П. Калмыкова генералу Курита и независимости его от русского командования, подчеркнуты и выделены вертикальными линиями на полях.

Следует отметить, что в документах доминируют радикально негативные оценки действий японцев на территории России. Так, в докладе капитана Симонова от 1 апреля 1919 г.¹⁸ сообщается о том, что «Японии не выгоден твердый порядок на нашем Дальнем Востоке», а поддержка атаманов рассматривается как стремление японцев получить доступ к эксплуатации ресурсов тех местностей, где атаманы являлись «хозяевами без контроля центральной власти. Будущее покажет, какой колоссальный материальный ущерб государству принес Семенов и Калмыков, сколько было растрачено богатств». В качестве примера Симонов упоминает продажу семеновскими офицерами японцам 22 000 пуд. шерсти, принадлежавшей сибирскому фабриканту Кузнецову, а также шерсти, ворса и пушнины, отправленных Министерством финансов за границу.

Кроме того, в сводках упоминались и многочисленные конфликтные ситуации с участием иностранных войск, возникавшие на территории округа. Так в Уссурийском крае поводом к предъявлению главнокомандующим японскими войсками в Сибири генералом Отани ультиматума главнокомандующему американскими войсками генералу Гревсу стал ненадлежащий уровень охраны американцами участка железной дороги. Ввиду частных обстрелов пассажирских поездов и их крушений японцы требовали передать охрану им¹⁹.

В июле–августе 1919 г. Военно-статистическим отделением был получен рапорт Владивостокского пограничного комиссара полковника Кузьмина о совершенном китайским приставом Чэн Вэнмином с 11-ю полицейскими и командиром 12-й роты 2-го Гиринского полка Чжао Ю-Хаем с 15-ю солдатами избиения и ограбления населения деревень Пакшегори и Нагорная вблизи русско-корейской границы. После задержания отряда японскими

военными китайцы пояснили, что у них имелись инструкции на изъятие и уничтожение опиума, выданные русским консулом в Ян-цзы-фу²⁰.

Особым направлением разведывательной деятельности Военно-статистического отделения, было изучение вооруженных сил большевиков. С этой целью проводился анализ постепенно поступавших документов, в частности оперативных сводок штаба российских войск, дислоцировавшегося на станции Гродеково, в которых освещались военные события во второй половине 1918 г. Преимущественно в этих материалах речь шла о событиях на Восточном фронте: об освобождении Амурской железной дороги от красных, о продвижении отряда Калмыкова и о работе координировавших это продвижение разведывательных эскадронов и разъездов, о ходе мобилизации казаков в правительственные войска, о политических настроениях населения, о проведении разоружения в населенных пунктах, а также о деятельности отряда Н.А. Карандашвили (Каландаришвили) в Монголии²¹.

В сводках за август–сентябрь 1918 г. сообщалось о действиях российских войск под начальством полковника Маковкина у деревни Камень-Рыболов против большевиков и интернационалистов. Большинство этих документов поступило в отделение ближе к середине 1919 г. Так, сводки сведений о противнике штаба Сибирской армии за период с 29 сентября по 6 октября 1918 г. были получены лишь 25 июля 1919 г.

В 1919 г., когда происходили крупные крестьянские восстания и крупномасштабные операции красных партизан, работа в данном направлении заметно активизировалась. В отделение начали поступать сводки о формировании на территории округа большевистских частей, общая численность которых оценивалась в 7 тыс. человек, занявших к середине года всю Приморскую область кроме линии железных дорог и крупных населенных пунктов. Эти сводки, в которых были представлены данные о дислокации отрядов и их руководителях, легли в основу донесения начальника штаба Приамурского военного округа генерал-майора Соколова от 6 июля 1919 г. первому генерал-квартирмейстеру при верховном главнокомандующем, в котором, в частности, отмечалось, что на захваченной партизанами территории большая часть прибывших в белые войсковые части новобранцев оставила свои семьи и хозяйства, а некоторые из их родственников находились в рядах красных. Исходя из этого, делался вывод о возможности «частичной измены, побегов и проявление малодушия отдельными солдатами. Наиболее возможный выход – прислать из других

округов 3–4 тысячи надежных солдат, которые, влившись в части округа, вместе с их кадрами обеспечат необходимую боевую стойкость»²².

В это время начали вновь составляться обзоры периодики, теперь уже главным образом местной. По состоянию на 5 мая 1919 г. на русском и иностранном языках в пределах Приамурского края выходило 30 изданий: 3 – в Николаевске-на-Амуре, по одному в Хабаровске, Алексеевске и Зее, 6 – в Никольске-Уссурийском, в том числе 1 непериодическая корейская газета «Хандзио Канбо», 7 во Владивостоке, в том числе американское издание, японская газета «Уралзио Ниппо» и корейская «Ханин Симпо», 4 – в Благовещенске, 6 – в Харбине, в том числе китайская газета «Юань-Дунь-бао», монгольская «Сонин-Бичкик» и японская «Кита Маньсю», в Чите – 2²³.

Собранный Военно-статистическим отделением штаба Приамурского военного округа материал обрабатывался, регистрировался, подготавливался к печати и издавался секретным и обычным порядком. Согласно списку учреждений и должностных лиц, которые являлись адресатами рассылки Военно-статистического отделения по состоянию на июнь 1919 г., сводки направлялись в полтора десятка российских и иностранных городов. Прежде всего, в Омск – в квартирмейстерский отдел, начальнику штаба Омского военного округа, Информационное отделение главного штаба. В Хабаровск – командующему войсками округа, начальнику штаба округа, генерал-квартирмейстеру округа, начальнику Хабаровского гарнизона, начальнику Амурской речной флотилии, начальнику Контрразведывательного отделения штаба Приамурского военного округа. Во Владивосток – начальнику Особой военной миссии российского правительства на Дальнем Востоке, начальнику штаба Владивостокской крепости, начальнику группы Военно-статистического отделения. В Харбин – начальнику охранной стражи КВЖД; в Николаевск – начальнику штаба Николаевской крепости; в Иркутск – начальнику штаба Иркутского военного округа; в Благовещенск – командиру Амурской отдельной бригады; в Никольск-Уссурийский – командиру Уссурийской отдельной бригады; в Ташкент – начальнику штаба Туркестанского военного округа; в Токио – военному агенту в Японии; в Пекин – военному агенту в Китае и российскому посланнику; в Шанхай и Мукдэн – помощникам военного агента в Китае. Наконец, также российским консулам в Цицикар, Куаньчэнцзы и Гирич²⁴.

Сравнивая документы, возникшие в процессе работы Военно-статистического отделения штаба Приамурского военного округа,

с аналогичными материалами Разведывательного отделения штаба Иркутского военного округа, можно увидеть определенную преемственность между дореволюционной и послереволюционной организацией разведки на Дальнем Востоке. После вторичного формирования округов разведывательная деятельность развивалась по нескольким направлениям. Приоритетность сбора сведений за границей определялась сложившейся структурой отделений. В то же время необходимость проведения анализа внутренней обстановки, что больше отвечало задачам контрразведки, обусловливалась текущими потребностями, вызванными вооруженной борьбой против Красной армии и партизанских отрядов.

Примечания

- ¹ *Карпенко С.В.* [Рец]. Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917–1920 гг. М., 2012. 704 с. // *Новый исторический вестник*. 2013. № 1 (35). С. 109–112.
- ² *Карпенко С.В.* Документы штабов Красной Армии как источник для изучения положения и борьбы крестьянства в белогвардейском тылу: на примере врангелевского режима // *Комплексное источниковедение некоторых проблем отечественной истории*. Калинин, 1988. С. 37–46; *Он же*. Разведсводки штабов Красной Армии как источник по истории внутренней контрреволюции и интервенции (на примере врангелевщины) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. XX. Л., 1989. С. 63–78.
- ³ *Исповедников Д.Ю.* Освещение дальневосточного приграничья разведкой штаба Иркутского военного округа (1918–1919 гг.) // *Новый исторический вестник*. 2012. № 4(34). С. 48–57.
- ⁴ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 31. Л. 95.
- ⁵ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 52. Л. 37, 44.
- ⁶ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 120.
- ⁷ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
- ⁸ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 36.
- ⁹ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 31. Л. 95.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 36. Л. 19–21.
- ¹¹ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 30. Л. 148.
- ¹² РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.
- ¹³ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 61. Л. 18.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 57. Л. 27–30.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 47. Л. 1, 24–27.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–6.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 47. Л. 31–36.

- 18 РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 50. Л. 7.
- 19 РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 32. Л. 14.
- 20 Там же. Л. 27.
- 21 РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 31. Л. 13–25.
- 22 Там же. Л. 20–21.
- 23 РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.
- 24 РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 54. Л. 3. Л. 9.

Г.А. Хаберл-Яковлева

«СПРАВКА ДЛЯ КОСЫГИНА»:
ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СССР И ГДР
(1965–1970 гг.)

В статье рассматривается научно-техническое сотрудничество между СССР и ГДР во время проведения экономической реформы 1965 г. Главное внимание уделяется поиску двумя социалистическими государствами его форм и методов, роли В. Ульбрихта и А.Н. Косыгина в переходе к организации научно-технического сотрудничества на принципах рентабельности. Делается вывод, что А.Н. Косыгин решительно изменил подход советского правительства к научно-техническому сотрудничеству с ГДР.

Ключевые слова: СССР, Германская демократическая республика (ГДР), научно-техническое сотрудничество, экономическая реформа 1965 г., рентабельность, А.Н. Косыгин, В. Ульбрихт.

15 октября 1964 г. на пост председателя Совета министров СССР был назначен А.Н. Косыгин. С этого момента ведется отсчет времени разработки и проведения «косыгинской» экономической реформы, за которую он активно выступал с начала 1960-х годов¹. При власти Н.С. Хрущева, в условиях господства «хрущевских» методов решения экономических проблем, методов управления народным хозяйством идеи Косыгина не могли заработать². Советская экономика крайне нуждалась в реформировании. Согласно годовым отчетам Государственного комитета при Совете министров СССР по науке и технике (ГКНТ), до октября 1964 г. ежемесячно принимались постановления о переносе сроков пуска объектов или увеличении их финансирования, о пересмотре тем, по которым работали научные институты и предприятия, о созыве очередной научной комиссии для выяснения целесообразности разработок уже утвержденных тем³.

Одной из самых острых экономических и политических проблем было экономическое и научно-техническое сотрудничество со странами «социалистического лагеря», входившими в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Они делились на три группы. В первую входили ГДР и Чехословакия, являвшиеся индустриальными государствами и занимавшие в Европе 1-е и 5-е места по объему промышленного производства. Во вторую группу входили Польша и Венгрия, находившиеся на аграрно-индустриальном уровне развития; Польша занимала 8-е место среди стран Европы, а Венгрия – 12-е. Третью группу составляли Румыния, Болгария, Югославия и Албания – слаборазвитые сельскохозяйственные страны. В западных средствах массовой информации Болгарию называли «огородом Европы», Венгрию – «страной трех миллионов нищих», а Албанию – «задворками Европы»⁴.

После своего создания в 1949 г. ГДР национализировала всемирно известные предприятия «Карл Цейс Йена», «Роботрон», «Буна», «Лейна-Веерке», имевшие прекрасные исследовательские лаборатории. Это сразу дало научно-техническому потенциалу ГДР солидные преимущества: СССР не имел тогда подобных производственных лабораторий. Из всех стран Восточной Европы, присоединившихся к «социалистическому лагерю», именно сотрудничеству с ГДР уделялось особое внимание со стороны ГКНТ, Госплана СССР и Совета министров СССР: принималось больше всех командированных из ГДР, ГДР имела больше всех совместных научно-технических тем с СССР, была создана Межправительственная комиссия при Совете министров СССР по научно-техническому сотрудничеству между СССР и ГДР⁵. В конце 1960 – начале 1970-х годов к научно-техническому сотрудничеству между СССР и ГДР уже захотели присоединиться Польша, Болгария, Чехословакия и Венгрия⁶.

До 1965 г. научно-техническое сотрудничество между СССР и ГДР (и другими социалистическими странами) осуществлялось в основном в виде совместных конференций, выставок, обмена техническими документами на безвозмездной основе, двусторонними командировками по обмену опытом. С 1965 г. начался активный поиск новых форм и методов в этом сотрудничестве обеими странами⁷.

19 марта 1965 г. на расширенном заседании Госплана СССР Косыгин выступил с основным докладом. В целях быстрого объединения науки и производства он предложил социалистическим странам скооперироваться для более эффективного произ-

водства качественных товаров, за образец которых следует взять лучшие мировые стандарты.

В ГДР активным сторонником научно-технического сотрудничества с СССР являлся В. Ульбрихт, первый секретарь Центрального комитета Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Во время своих визитов в СССР он всегда пропагандировал позицию Министерства науки и техники ГДР, стремящегося построить совместное с СССР научно-техническое сотрудничество на основе материальной заинтересованности институтов, предприятий и ведомств⁸.

Весной 1965 г. в Москве и Берлине были опубликованы статьи В. Бергера «Техническая революция и экономическое сотрудничество социалистических стран» и К. Штубенрауха «Проблемы развития научно-технического сотрудничества»⁹, где была изложена позиция ГДР по проблеме научно-технического сотрудничества с СССР: при обмене готовыми результатами научно-исследовательских работ и их внедрении в экономику необходимо использовать экономические рычаги. Авторы предлагали и доказывали, что выгоднее заключать договорное сотрудничество с юридической и долевой финансовой ответственностью. То есть, за срыв договора, перенос сроков выполнения заказов, недопоставки и т. п. должна наступать юридическая и финансовая ответственность – штраф. Соответственно, успех в реализации договора должен поощряться материально.

В мае 1965 г. на XIX сессии Межправительственной комиссии по научно-техническому сотрудничеству между СССР и ГДР немецкая сторона сделала официальное предложение об использовании экономических рычагов в двустороннем сотрудничестве и о необходимости заключения договоров.

Наряду с экономическими рычагами в двустороннем сотрудничестве Госплан ГДР настойчиво предлагал разрешить заключать международные научно-технические договоры и соглашения между отраслевыми объединенными народными предприятиями (ОНП) ГДР и промышленными и научными предприятиями и институтами СССР напрямую, минуя ГКНТ и Внешнеторговое объединение «Внештехника». Ситуация была такова: право на заключение международных договоров в СССР принадлежало «Внештехнике» и ГКНТ, а в ГДР это было доступно любому предприятию, институту, ведомству, которое нуждалось в подобном договоре.

Как эксперимент, после этой сессии в середине мая был заключен один межотраслевой договор между Госстроем СССР и Мини-

стерством строительства ГДР, но без «задействования» экономических рычагов¹⁰.

Однако правительство СССР в том же 1965 г. приняло решение не допускать прямые связи промышленности ГДР с промышленностью СССР¹¹.

В. Ульбрихт, посетивший СССР с официальным визитом в сентябре 1965 г., вновь напомнил правительству СССР о позиции своей страны и предложил перейти в научно-техническом двустороннем сотрудничестве к экономическому расчету: если научно-производственные отношения выбивались из графика, то наказание за это должно быть в виде денежных штрафов, размеры которых должны быть согласованы в договоре обеими сторонами, то же касалось материального поощрения за сверхурочные работы и досрочной сдачи объекта. В СССР в тот момент за подобные просчеты присутствовала практика административного наказания в виде выговора, постановки на учет, а поощрения сводились к награждению грамотами.

24 сентября 1965 г. правительство ГДР, выступая инициатором явно новых для СССР международных экономических отношений, добилось своего: в виде эксперимента было подписано соглашение между СССР и ГДР об организации научно-исследовательских работ с материальной ответственностью. Хотя позже не все пункты этого соглашения выполнялись советской стороной (а именно пункты о сроках исполнения договоров).

Одновременно, в том же 1965 г., было проведено несколько совместных встреч на высшем уровне по координации планов развития народного хозяйства двух стран. Только в 1965 г. научные организации СССР и ГДР работали по 156 совместным темам. О серьезном отношении Совета министров СССР и ГКНТ к новшествам в ГДР свидетельствует такой факт: весной 1965 г. заместитель председателя ГКНТ Н.Н. Иноземцев, известный советский экономист-международник, в своем докладе сообщил, что в ГДР с 1961 г. существует государственный знак качества «Q» («Qualitaet» – качество)¹². Поэтому спешно были приняты меры по разработке собственного государственного знака качества «K», который был принят в СССР в конце 1966 г.

ГДР выступала инициатором двустороннего сотрудничества также в сфере планирования и руководства народным хозяйством, что опять же входило в область научно-технического сотрудничества. В СССР пристально (возможно, с оттенком подозрительности) следили за всеми нововведениями по регулированию «социалистического рынка», которые СЕПГ проводила в ГДР¹³.

Так, в 1966 г. правительство ГДР повысило цены на одну группу товаров с одновременным понижением цен на другую группу, периодически снижало ставки подоходного налога, ввело льготы по жилищному строительству, а также ставкам по кредитам, предоставляемым кустарям и сельхозкооперативам, и по транспортным тарифам, наконец, увеличило объем и номенклатуру товаров, продаваемых населению в рассрочку. Эти мероприятия разрабатывались Госпланом ГДР совместно с рядом научно-исследовательских учреждений с использованием аналоговой ЭВМ.

Ответственным секретарем советской части Межправительственной комиссии по научно-техническому сотрудничеству между СССР и ГДР Ю.С. Медведковым в справке для Совета министров СССР¹⁴ подробно перечислялись все вышеуказанные мероприятия, а также товары, на которые были повышены розничные цены в ГДР в июле 1966 г. Тогда Медведков, анализируя деятельность правительства ГДР, сделал однозначный вывод: конечная цель этих мероприятий – повышение жизненного уровня населения.

В 1966 г. немецкая сторона продолжала настаивать на кратчайших сроках выполнения запланированных рабочих графиков, на ускоренной высылке проектов советских рабочих планов, на заблаговременном сообщении составов групп экспертов и сроков их приездов в ГДР. В ответ на это ГКНТ ограничился предложением высылать закрытые материалы по двустороннему сотрудничеству не через посольства, а с нарочным¹⁵.

К середине 1966 г. сотрудничество научных институтов обеих стран стало замедляться, а в некоторых случаях вообще свелось к обмену информацией¹⁶. В этом секторе сотрудничества не удалось получить ожидаемый экономический эффект, хотя еще в мае 1966 г. на совместном совещании Ученых секретарей Межправительственной комиссии по научно-техническому сотрудничеству между СССР и ГДР Советско-германской комиссии по научно-техническому сотрудничеству было предложено организовывать совместные командировки ученых со специалистами-производственниками, чтобы заинтересовать ученых в результатах своих исследований¹⁷.

Только в конце 1966 г. немцам удалось добиться частичного установления прямых связей между еще двумя министерствами обеих стран, минуя ГКНТ и «Внештехнику»: к Госстрою СССР и Министерству строительства ГДР присоединились Министерство здравоохранения обеих стран.

Очевидно, что ГКНТ тормозил развитие прямых связей между обеими странами. ГКНТ, созданный в СССР в 1948 г. как орган,

определяющий направления развития науки и техники в стране, с середины 1960-х годов стал участвовать в составлении планов финансирования и развития материальной базы науки. Если бы коллективы ученых, институты, предприятия, организации и министерства СССР сами бы заключали договоры на сотрудничество, ГКНТ не смог бы их всех контролировать. С середины 1960-х годов ГКНТ боролся за право распределять финансовые ресурсы страны для международных и внутрисююзных научных исследований, искал методы контроля за министерствами и ведомствами и даже рычаги управления ими¹⁸. А в ГДР ситуация была иной: там не существовал такой орган, как ГКНТ, эту функцию выполняло Министерство по науке и технике, где был создан отдел, курировавший научно-техническое сотрудничество с СССР.

Осенью 1966 г. Статс-секретариатом по исследованию и технике ГДР были подготовлены для В. Ульбрихта «Предложения по расширению взаимного обмена научными приборами, научно-исследовательскими материалами, прототипами и пилотными установками», «Предложения по проведению консультаций в ведущих советских институтах и предприятиях», «Предложения о расширении Межправительственного соглашения об углублении и расширении научно-технического сотрудничества от 24 сентября 1965 г.»¹⁹. В них констатировалось, что соглашение от 24 сентября 1965 г. частично не выполняется советскими учеными и производственниками, предлагалось расширить новыми статьями совместное сотрудничество (например, брать в аренду или приобретать в собственность приборы или образцы для научных исследований за определенную плату). То есть те научные приборы и образцы, которые играли важную роль в научных экспериментах и которые ученые ГДР и СССР передавали друг другу бесплатно, теперь должны сдаваться в аренду или продаваться. При таком подходе должно было измениться отношение к их пересылке и содержанию. Именно такая позиция отвечала бы требованиям подлинного научно-технического сотрудничества. Тогда же К. Штубенраух, заместитель госсекретаря по исследованиям и науке ГДР, сообщил советской стороне, что в ГДР создан спецфонд для науки²⁰.

По ежегодным отчетам ГКНТ Совету Министров СССР о научно-техническом сотрудничестве между СССР и ГДР хорошо видна динамика этого процесса. Результаты сотрудничества за 1965 и 1966 гг. идут в ГКНТ одним отчетом²¹. Осенью 1966 г. в ГКНТ стали поступать отчеты от министерств и ведомств о проведенных мероприятиях по научно-техническому сотрудничеству с ГДР и их результатах. Среди многих коротких и пространных

информационных сообщений о сотрудничестве есть одно, озаглавленное от руки карандашом «Справка для Косыгина». Официальное название документа – «Справка о состоянии и перспективах дальнейшего развития научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР»²². Это означает: если все остальные отчеты могли быть обобщены в одно сообщение для Совета министров, то именно эта «Справка» обязана была лечь на стол Косыгина такой, как она есть.

Неизвестный автор «Справки для Косыгина» кратко и емко изложил факты и суть научно-технических отношений СССР и ГДР за почти два года. Он привел примеры эффективности сотрудничества, выраженные в рублях: вискозное кордное волокно – сокращение процесса на 1–2 года; производство акрилонитрила – около 430 тыс. руб.; синтез аммиака – около 200 тыс. руб.; газотрубные котлы – 60 тыс. руб.; хлористый калий – 700 тыс. руб.; методы расчета и технологии производства сельхозмашин – 600 тыс. руб.; цепи типа «Эдвардс» – 130 тыс. руб., а также экономия 493 т металла; техническая документация из ГДР на мелко-сортный стан «250» – 22 тыс. руб.; полиамидные сепараторы (на немецких чертежах) – сокращение срока работ на 2 месяца. Итог эффективности составил минимум 2 042 000 руб.

Далее в тезисной форме приводились примеры инициатив ГДР, на которые согласилось правительство СССР:

1) прямое сотрудничество министерств и ведомств обеих стран без промежуточного звена в лице ГКНТ – Госстрой СССР и Министерство строительства ГДР, Минхимпрома СССР и Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности ГДР, Министерство морского флота СССР и Министерство путей сообщения ГДР (на конец 1966 г. находились на стадии переговоров);

2) взаимное командирование специалистов и ученых на безвалютной основе (вступит в действие с 1967 г.);

3) сотрудничество институтов и производственно-конструкторских отделов на основе прямых договоров, минуя министерства и ведомства;

4) финансирование гарантий выполнения этих договоров;

5) совместное патентование;

6) предложения В. Ульбрихта включить в тематику научно-технического сотрудничества 12 новых тем в области металлургии, химии, машиностроения, легкой промышленности, транспорта, медицины и сельского хозяйства, из которых советская сторона выбрала 9²³.

За подведением двухлетних итогов последовала значительная активизация научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР.

В 1967 г. СССР и ГДР подписали 31 договор между различными министерствами и ведомствами. В 1968 г. – 18 договоров. В 1969 г. – 6 договоров. Причем все – с материальной ответственностью²⁴. Протокол об установлении научно-технического сотрудничества в 1967 г. подписали 25 министерств и ведомств СССР и 14 министерств и ведомств ГДР, а в 1968 г. практически все – 42 и 22 соответственно. Между правительством СССР и правительством ГДР были подписаны соглашения «О сотрудничестве в развитии нефтеперерабатывающей промышленности в СССР для увеличения поставки нефти в ГДР на период после 1970 г.» (апрель 1967 г.), «О поставках природного газа из СССР в ГДР и сотрудничестве в строительстве газопровода на территории СССР» (май 1968 г.), «О создании единой системы средств электронной вычислительной техники» (декабрь 1968 г.) и другие. В прямое сотрудничество также вступили ГКНТ и Министерство по науке и технике ГДР (протокол о таком сотрудничестве готовился со второй половины 1967 г. и был подписан в январе 1968 г.).

1967–1968 гг. стали стартом совместной космической программы. Сотрудничество исследователей из ГДР в изучении и использовании космоса в рамках совместной работы с СССР и другими социалистическими странами в августе 1967 г. охватывало в основном работы по теме «Космическая физика». 10–14 июня 1968 г. советской и немецкой сторонами были обсуждены будущие перспективы совместной работы в области космической физики. 20 декабря 1968 г. был запущен спутник «Космос-261», у которого были УФ-фотометр, телеметрическая установка и блок питания, сделанные в ГДР²⁵.

Было принято совместное решение о материальной компенсации за передаваемые результаты научно-исследовательской деятельности НИИ обеих стран, чего добивалась ГДР с 1965 г. Также был принят порядок взаимного обмена образцами научного оборудования, приборов и материалов для научных и технических исследований на платной основе²⁶. Были законодательно оформлены прямые связи между министерствами и ведомствами СССР и ГДР (хотя и с утверждением в ГКНТ и «Внештехнике»)²⁷. Был создан Спецфонд для науки (постановлением Совета министров СССР от 30 сентября 1968 г.). Техдокументацию с 1969 г. решено передавать на платных условиях путем продажи лицензий или возмещения производственных затрат на разработку. По инициа-

тиве ГДР с 1969 г. организация двустороннего сотрудничества происходила без заключения межправительственных соглашений, что должно было ускорить совместное сотрудничество. Наконец, был образован советско-немецкий НПО «Пластполимер».

В общем, практически все предложения правительства ГДР, выдвигавшиеся в 1965–1966 гг., были приняты Москвой.

В официальном отчете ГКНТ Совету министров СССР за 1967 г. не приводятся итоговые данные научно-технических отношений между СССР и ГДР в рублях. Вероятно, из-за того, что результатов по заключенным договорам за этот год еще не было. За 1968 г. итог двусторонних отношений с ГДР был оценен ГКНТ в 3 млн руб. За 1969 г. также не приводятся данные в рублях. В 1970 г. ГКНТ с гордостью сообщает о прибыли от научно-технического сотрудничества с ГДР в 13 млн руб. минимум²⁸.

Таким образом, именно после двухгодичного отчета 1965–1966 гг. о научно-техническом сотрудничестве с ГДР, содержащем очень емкий по фактам документ «Справка для Косыгина», с 1967 г. в правительстве СССР изменилось отношение СССР к инициативам ГДР. Результаты такого сотрудничества в последующие годы позволяют сделать вывод, что краткий доклад под названием «Справка для Косыгина» оказал значительное влияние на весь процесс научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР.

Принимая во внимание, что летом в 1965 г. с трудом был подписан всего один договор с материальной ответственностью, а в конце 1966 г. был подписан только второй договор между министерствами обеих стран, то каскад договоров с 1967 г. и принятие всех предложений ГДР можно назвать «триумфальным шествием» немецкой позиции в научно-техническом сотрудничестве между СССР и ГДР в 1965–1970 гг. Столь же уверенно можно утверждать, что Косыгин сыграл решающую роль в изменении позиции Москвы по этому направлению внешнеэкономической деятельности.

Примечания

- ¹ Косыгин А.Н. Избранные речи и статьи. М., 1974. С. 101–102, 431–434.
- ² Овчинникова Н.В. Из истории реформирования управления народным хозяйством в России (1950-е – первая половина 1960-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). С. 141–165.
- ³ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 52, 126, 127, 129, 130, 132, 134, 136, 137, 140, 578, 579.

- ⁴ Лукьянов П.Г. История СЭВ. Могилев, 2004. С. 9–13.
- ⁵ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 39; Д. 2630; Д. 223. Л. 4; Ф. 459. Оп. 1. Д. 218-а.
- ⁶ РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 6071, 6090.
- ⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 443. Л. 28; Ф. 459. Оп. 1. Д. 210. Л. 7–47; Ф. 4372. Оп. 66. Д. 523. Л. 8.
- ⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 881. Л. 125–130.
- ⁹ Бергер В. Техническая революция и экономическое сотрудничество социалистических стран // Проблемы мира и социализма. 1965. № 4; *Shtubenrauch K.* Problems of development of scientific and technical cooperation // *Einheit*. 1965. № 2.
- ¹⁰ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 39. Л. 8.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 443. Л. 97–102.
- ¹² Там же. Л. 33.
- ¹³ РГАЭ. Ф. 372. Оп. 66. Д. 879.
- ¹⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 879. Л. 33–36.
- ¹⁵ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 229. Л. 3.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 39.
- ¹⁷ Там же. Л. 114.
- ¹⁸ Хаберл-Яковлева Г.А. Роль сетевого графика в реформах СССР 1965–1970 гг. // Власть. 2012. № 2. С. 78.
- ¹⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 881. Л. 125–130.
- ²⁰ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 227. Л. 23–30.
- ²¹ РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 218-а.
- ²² РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 228. Л. 69.
- ²³ Там же.
- ²⁴ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 702. Л. 56.
- ²⁵ *Hein-Weingarten K.* Ein Beitrag zur Forschung der Wissenschaftspolitik der DDR am Beispiel der Weltraumforschung von 1957 bis 1991. Berlin, 2000. P. 26–29, 163.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 702. Л. 60.
- ²⁷ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 704. Л. 16–37.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 5938, 6070, 6062.

Новая Россия и постсоветское зарубежье

Д.С. Галиева

МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И РЕФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ В РОССИИ (1992–2004 гг.)

В статье на основе документов Министерства путей сообщения Российской Федерации рассматриваются основные этапы реформирования железнодорожного транспорта в постсоветской России. Главное внимание уделяется анализу стенограмм заседаний Коллегии Министерства путей сообщения и рассмотрению ее решений о реформировании управления железнодорожным транспортом в 1992–2004 гг.

Ключевые слова: постсоветская Россия, железнодорожный транспорт, Министерство путей сообщения Российской Федерации, Коллегия министерства, экономическая реформа, реформа управления, акционирование, ОАО «Российские железные дороги».

Министерству путей сообщения (МПС) Российской Федерации, созданному в январе 1992 г. и ставшему преемником одноименного советского министерства, за годы существования суждено было стать единственным транспортным ведомством, сохранившим и обеспечившим функционирование отрасли в годы становления новой российской государственности. Удалось не только сохранить, но и подготовить отрасль к переходу на совершенно новый и иной уровень управления.

За 1992–2004 гг., годы существования МПС РФ, в железнодорожном хозяйстве было сделано немало: создан Совет по железнодорожному транспорту Содружества Независимых Государств с постоянно действующим исполнительным органом в Москве; запущена первая линия скоростного сообщения «Павелецкий вокзал – аэропорт Домодедово»; создан электропоезд нового поколения «Спутник»; и т. д. Все нововведения внедрялись в условиях

реформирования железнодорожной отрасли, перехода к рыночным отношениям и формирования новой системы управления. Причем менялась не только система, менялось и обновлялось законодательство в отрасли. Его весомую часть составили документы, касающиеся проведения структурной реформы на железнодорожном транспорте.

Впервые о реформе заговорили сразу после создания министерства в 1992 г. Причем хватало как противников, так и сторонников преобразований. Если первые делали ставку на исключительную роль железнодорожного транспорта в России и невозможность проведения его быстрого реформирования, то вторые, по прошествии некоторого времени после начала реформы, «жаловались» на «недопустимость свободы предпринимательской деятельности» и невозможность «активно работать» в условиях «жесткой централизованной системы управления»¹.

В первый год работы нового министерства на заседаниях Коллегии в основном поднимались вопросы работы транспорта в условиях проводимой экономической реформы и проведения акционирования и приватизации в отрасли. Так, акционированию подлежали предприятия промышленного железнодорожного транспорта, пункты общественного питания на станциях и вокзалах, ряд проектно-изыскательских институтов². Однако в дальнейшем от приватизации последних все же отказались, ссылаясь на «опыт приватизации в научной сфере других отраслей и в целях сохранения научного потенциала на железнодорожном транспорте»³. Рассматривались в тот год на заседаниях Коллегии и планы на ближайшую перспективу. Среди первоочередных задач отрасли, согласно «Отраслевой программе структурной перестройки экономики железнодорожного транспорта в 1993–1995 годах», ставились развитие и повышение качества пригородных пассажирских перевозок и повышение безопасности движения⁴.

В 1993 г. также активно обсуждались вопросы акционирования на транспорте. На этот раз министр путей сообщения Г.М. Фадеев и руководящие работники министерства, члены Коллегии, сузили круг организаций и предприятий, подлежащих разгосударствлению. Причиной тому на заседаниях указывалось, что в «единой производственно-хозяйственной системе» железнодорожного транспорта «наряду с подразделениями, непосредственно осуществляющими перевозочный процесс, имеются предприятия и организации, деятельность которых самым тесным образом связана с технологией перевозок, созданием условий для обеспечения стабильной эксплуатационной работы и безопасности движения,

решения социальных вопросов работников отрасли», акционирование которых «может привести к разрыву единого технологического процесса и дезорганизации работы дорог»⁵. К таким предприятиям наряду с заводами по ремонту подвижного состава и строительными организациями также относились ранее разрешенные к приватизации предприятия общественного питания и торговли.

Однако не только проблемы приватизации и акционирования стояли перед железнодорожным транспортом в то время. На ежегодных заключительных заседаниях Коллегии МПС неоднократно ставился вопрос об укреплении финансового положения отрасли путем осуществления перехода на контрактную форму взаимоотношений с грузоотправителями и грузополучателями. Причиной такого перехода стала неплатежеспособность данных предприятий, нарастание задолженностей и, как результат, отсутствие возможности своевременно выплачивать заработную плату сотрудникам, обновлять подвижной состав и полностью удовлетворять спрос на ремонт технических средств. Сложное финансовое положение отрасли отмечалось практически на каждом заседании Коллегии.

Выход из этой ситуации на заседании Коллегии МПС 22 января 1994 г. нашли в решении о создании Финансово-промышленной компании при министерстве. По мнению членов Коллегии, это способствовало бы «активизации работы железных дорог по осуществлению взаиморасчетов с клиентурой, в том числе за счет получения продукции ее производства с последующей реализацией на внутреннем и внешнем рынках»⁶. При этом на Коллегии отмечалось, что данная компания не станет дополнительной надстройкой над структурами дорог и будет выполнять поручения железных дорог в части изучения товарного рынка и рынка ценных бумаг, оказания консультативной и иной помощи железным дорогам. Начальникам железных дорог было рекомендовано принять участие в учреждении этой компании.

Однако такая компания тогда так и не была создана.

При обсуждении дальнейшего реформирования железнодорожного транспорта на очередном годовом заседании Коллегии МПС 21–22 декабря 1994 г. железнодорожники сочли его основой улучшения транспортного обслуживания и совершенствование экономической и социально-кадровой политики. Так, в соответствии с принятым курсом на развитие рыночных форм в деле обслуживания потребителей услуг транспорта постановили «образовать в течение 1995 года коммерческие центры фирменного транспортного обслуживания при управлениях железных дорог, их фи-

лиалы при отделениях железных дорог, а также представительства или агентов на станциях»⁷. Основные функции этих центров разделили на две группы: по изучению транспортного рынка, всех конъюнктурных факторов, влияющих на динамику перевозок, и по освоению транспортного рынка. Если в первую группу входили сравнительный анализ мировых цен, международных тарифов и спроса на пассажирские перевозки, то в рамках освоения рынка на центры возлагались разработка и проведение гибкой тарифной политики, реклама всего комплекса транспортных услуг и контроль за выполнением перевозок по договорам.

Работа по организации этих центров велась в системе железнодорожного транспорта чуть больше года, и в ноябре 1995 г. на очередном заседании Коллегии МПС железнодорожники положительно характеризовали первые результаты внедрения этих структур на ряде железных дорог. В результате в ходе обсуждения были утверждены «Основные положения Системы Фирменного Транспортного Обслуживания при перевозках грузов по железным дорогам РФ» и План действий по развитию СФТО⁸.

Итоговое заседание Коллегии МПС 22–23 декабря 1995 г. началось с положительной характеристики работы отрасли за прошедший год. Говорилось, что «впервые за 4 года реформ обеспечен прирост объемов грузооборота», в особенности отмечался удачный этап внедрения системы фирменного транспортного обслуживания⁹. Также железнодорожники определили направления дальнейшего развития реформ до 2000 г. Главной задачей в 1996–2000 гг. назвали «укрепление технической и технологической базы железнодорожного транспорта на основе проведения инвестиционной и инновационной политики» путем внедрения «высокоэффективных информационных технологий» и обновления парка подвижного состава «за счет модернизации и приобретения подвижного состава нового поколения». Среди других задач выделили дальнейшее повышение качества обслуживания грузовладельцев и пассажиров; повышение финансово-экономического потенциала и укрепление позиций на рынке транспортных услуг путем эффективного тарифного регулирования; совершенствование структуры управления путем формирования современной структуры управления, основанной на широком применении информационно-управляющих технологий и эффективной системы внутриотраслевых отношений.

Основная масса вопросов, обсуждаемых на заседаниях Коллегии МПС в 1996 г., была посвящена подготовке, а затем подведению итогов состоявшегося в мае Всероссийского съезда железно-

дорожников. На съезде были приняты «Основные направления развития и социально-экономической политики железнодорожного транспорта на период до 2005 г.». Во время обсуждения хода внедрения системы фирменного транспортного обслуживания отмечались как «передовые», так и «отстающие» дороги.

Вместе с тем по инициативе руководителей Восточно-Сибирской и Забайкальской железных дорог был поднят вопрос о совершенствовании структуры управления железными дорогами. Эта проблема обсуждалась на заседаниях Коллегии министерства в течение всего 1996 г. Ввиду падения объемов перевозок и, как следствие, тяжелого финансово-экономического положения ряда дорог предлагалось реорганизовать отделения дорог: в некоторых случаях объединить малодейственные участки, а в других – передать их другим отделениям (при этом деление проходило бы не только в рамках одной дороги).

После Всероссийского съезда железнодорожников новый министр А.А. Зайцев и другие руководители министерства неоднократно обсуждали принятые «Основные направления развития транспорта на период до 2005 г.».

Так, на заседании Коллегии МПС 5 ноября 1996 г. при обсуждении поступившего в министерство проекта Концепции среднесрочной программы Правительства РФ на 1997–2000 гг. «Структурная перестройка и экономический рост»¹⁰ у руководства отрасли возникли принципиальные замечания по этому проекту. В первую очередь, железнодорожники отметили отсутствие в концепции раздела «Транспорт» в целом и «Железнодорожный транспорт» в частности, а также отсутствие направлений развития транспортной политики на 1997–2000 гг. Недостатком ее железнодорожники сочли и то, что «не определена роль, а также методы и формы участия государства в развитии и функционировании транспортных систем и их государственной поддержки».

Вместе с тем сами руководящие работники министерства, используя формулировки проекта, представили свои предложения по отдельным направлениям преобразований в сфере железнодорожного транспорта. Так, в качестве первоочередных преобразований в железнодорожной отрасли они выделяли: привлечение частного капитала для развития; передача убыточных малодейственных линий другим собственникам и организациям; создание государственной пассажирской компании в дальнем следовании; создание самостоятельных или совместных региональных компаний по перевозкам пассажиров. В 2001 г. эти предложения легли в основу Концепции реформы железнодорожного транспорта.

Отмечались в ходе заседания Коллегии и те формулировки, включение которых в Программу Правительства РФ железнодорожники считали недопустимым. Такими они сочли разделение функций государственного и хозяйственного управления в сфере железнодорожного транспорта; организационное разделение железных дорог и предприятий, обслуживающих грузовладельцев; и другие.

В 1997 г. руководство страны вплотную подошло к необходимости решения проблемы реформирования отраслей народного хозяйства. В апреле был издан Указ Президента РФ «Об основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий»¹¹, в соответствии с которым предполагалось создание сферы конкурентных отношений в ряде отраслей народного хозяйства, в том числе и на железнодорожном транспорте. В постановлениях Коллегии МПС, а особенно в сохранившихся только за 1997–2000 гг. стенограммах заседаний подробно освещено обсуждение этих вопросов.

Так, выступая на расширенном заседании Коллегии в октябре 1997 г., первый заместитель председателя правительства Б.Е. Немцов в рамках повестки заседания высказал свое мнение в отношении структурной реформы МПС: «...На нынешнем этапе считаю абсолютно необходимым сохранение Министерства с функциями, как органа государственного регулирования, так и частично хозяйственной деятельности». «Если мы сделаем по-другому, – высказывал он свои опасения, – то будем иметь историю несравненно более тяжелую, чем история с Газпромом. Было министерство, потом превратили его в концерн, потом возникла гигантская корпорация, которая, слава богу, сейчас нормально работает, но, тем не менее, я считаю, что государственное управление было утрачено, передано в частные руки и в течение многих лет оставалось совершенно без всякого контроля со стороны Правительства». В связи с этим заместитель председателя правительства «предупредил», что «два раза наступать на одни и те же грабли» руководство страны не будет¹².

На декабрьском расширенном заседании Коллегии МПС того же 1997 г. Б.Е. Немцов эту проблему осветил более подробно, раскрыв основные задачи и принципы реализации одобренной в правительстве накануне Концепции структурной реформы. По его словам, в процессе ее принятия «казалось, что между противоборствующими концепциями найти согласованного решения не удастся никогда»¹³. Основная задача реформы, по словам Б.Е. Немцова, состояла в том, чтобы «потребители услуг железных

дорог имели возможность по более низким тарифам и более надежно и качественно перевозить свои грузы». То есть в программу преобразований включались снижение тарифов и «определенная дисциплина» при осуществлении перевозок. Важнейшим принципом здесь Б.Е. Немцов считал то, чтобы «все преобразования происходили в рамках существующего Министерства путей сообщения». В своем выступлении он также отметил, что второй, крайне важный момент в решении вопроса реформирования отрасли – это сохранение государственной собственности. Более того, докладчик откровенно сказал, что при обсуждении этой темы «очень много было спекуляции и подтасовок»¹⁴.

Таким образом, Б.Е. Немцов изложил основные тезисы Концепции реформирования железнодорожной отрасли. Согласно документу, в структуре железных дорог выделили два сектора – монополичный и потенциально конкурентный. К монопольному сектору отнесли: железнодорожное полотно, управление железнодорожным движением, контроль и т. д. К конкурентному – подвижной состав, кроме локомотивного парка (его первоначально планировалось оставить в монопольном секторе).

Основная идея преобразований заключалась в том, чтобы в этом потенциально конкурентном секторе «создать унитарное государственное предприятие». Б.Е. Немцов особенно подчеркивал «государственность» создаваемых предприятий и их подведомственность МПС. Эти компании должны были находиться в составе МПС и быть экстерриториальными, не «привязанными» к конкретному региону. Создаваемым компаниям необходимо было составить основу для той самой конкурентной среды, чтобы потребитель железнодорожных услуг имел возможность обращаться к ним за услугами, выбирая при этом ту, которая на его взгляд является более привлекательной.

В дальнейшем на заседании говорилось и о создании нескольких подобных пассажирских компаний. Подчеркивалась в Концепции и важность создания акционерной компании под названием «Российские железные дороги», 100% капитала которой должно принадлежать государству. Министерству в связи с этим, помимо общих контрольных функций, доставалась трудоемкая и противоречивая функция контроля за финансовыми потоками, а в особенности их распределение.

Выступая на заседании Коллегии МПС почти через полгода, в марте 1998 г., заместитель председателя правительства Б.Е. Немцов также поднял тему структурных преобразований в отрасли, заверив, что в правительстве наконец «договорились, что преобразо-

вание будет идти без шока, без гигантской приватизации и т. д., что железные дороги – это основа государства и останутся государственными еще многие, многие годы»¹⁵. Внутри министерства, согласно его предложению, должно было быть создано специальное подразделение, которое будет заниматься вопросами реформирования. Дабы исключить такую возможность: если само Министерство этого делать не будет, то «придет дядя и будет вам [руководителям отрасли. – Д. Г.] диктовать, как делать»¹⁶.

В итоге Концепция реформирования железнодорожного транспорта была принята в мае 1998 г.¹⁷

В заседании Коллегии МПС 24 декабря 1999 г. принял участие новый председатель правительства В.В. Путин. В своем выступлении он назвал железные дороги «каркасом единого экономического пространства страны» и сравнил МПС с другими естественными монополиями – Газпромом и РАО «ЕЭС». В.В. Путин не акцентировал внимание на структурных преобразованиях, а делал общие выводы, основываясь на результатах работы отрасли. В отношении реформы он высказал мнение, что создание операторских компаний является «одной из немногих форм вхождения железных дорог в рыночную экономику». И предупредил, что «здесь нужно действовать крайне аккуратно»¹⁸.

В августе 2000 г. на заседании Коллегии МПС положительно отмечались первые итоги реформирования и подчеркивалась необходимость следования взятому курсу. Так, к 6 сентября 2000 г. планировалось внести в Концепцию реформы предложения о необходимости принятия законодательных актов, обеспечивающих выполнение обязательных принципов реализации структурной реформы. Одним из обязательных принципов отмечалось закрепление 100% акций создаваемой Компании «Российские железные дороги» в государственной собственности без права продажи. Осуществлять управление структурной реформой было поручено МПС.

Таким образом, в первые три года нового тысячелетия и последние три года своего существования Министерство путей сообщения фактически выполняло функции контроля за реализацией реформы и передавало управление создаваемой компанией «Российские железные дороги». Это отражалось и в работе Коллегии МПС. С 2001 по январь 2004 гг. на ее заседаниях (с января 2002 г. под председательством нового министра Г.М. Фадеева, а с октября 2003 г. – В.Н. Морозова) в основном поднимались вопросы выполнения отраслевого тарифного соглашения по федеральному железнодорожному транспорту, о направлениях кадровой и социаль-

ной политики и планах действий по реализации структурной реформы. В рамках последнего направления подчеркивалась необходимость следования взятому курсу реформирования, что в дальнейшем, как отмечалось на одном из заседаний, «позволит повысить устойчивость работы железнодорожного транспорта, сформировать единую гармоничную транспортную систему страны и удовлетворить растущий спрос на услуги транспорта»¹⁹.

29 января 2004 г. фактически состоялось итоговое заседание Коллегии МПС, на котором обсуждались вопросы реформирования железнодорожного транспорта. В ходе заседания было отмечено создание в сентябре 2003 г. Открытого акционерного общества «Российские железные дороги» и удачное завершение первого этапа реформирования. Положительная оценка была дана и созданию новой нормативной базы деятельности железнодорожного транспорта (федеральный закон «О железнодорожном транспорте», «Устав железнодорожного транспорта РФ» и т. д.). На министерство, согласно протоколу заседания Коллегии МПС, возлагались «вопросы проведения государственной политики в области железнодорожного транспорта, а также дальнейшее формирование правового пространства для деятельности железнодорожного транспорта в новых условиях»²⁰.

В марте 2004 г. в условиях начавшейся реформы Министерство путей сообщения Российской Федерации было ликвидировано, а его функции были поделены между созданным ОАО «Российские железные дороги», Федеральным агентством железнодорожного транспорта и Министерством транспорта Российской Федерации. Осуществление взятого курса реформы железнодорожного транспорта легло на плечи преемников МПС, в особенности ОАО «РЖД».

Примечания

- 1 *Исингарин Н.К.* Рынок грузовых перевозок: Опыт, проблемы, предложения. Алматы, 2006. С. 19.
- 2 ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 1. Д. 13. Л. 65–73.
- 3 ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 2. Д. 330. Л. 108.
- 4 ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 1. Д. 14. Л. 158.
- 5 ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 2. Д. 330. Л. 108.
- 6 ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 3. Д. 655. Л. 6.
- 7 ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 3. Д. 656. Л. 204.
- 8 ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 4. Д. 971. Л. 67–71.

- ⁹ Там же. Л. 143–144.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 5. Д. 1296. Л. 66–69.
- ¹¹ Указ Президента РФ от 28 апреля 1997 г. № 426 «Об основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий» // СЗ РФ. 1997. № 18. Ст. 2132.
- ¹² ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 6. Д. 1611. Л. 191.
- ¹³ Там же. Л. 126.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 6. Д. 1933. Л. 3.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Постановление Правительства РФ от 15 мая 1998 г. № 448 «О Концепции структурной реформы федерального железнодорожного транспорта» // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2159.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 10165. Оп. 1, ч. 6. Д. 2296. Л. 1–7.
- ¹⁹ Архив Министерства путей сообщения РФ. 2001. Д. 13. Л. 25.
- ²⁰ Архив Министерства путей сообщения РФ. 2004. Д. 13. Л. 57.

История и теория исторической науки

А.Н. Медведь

ВРАЧЕВАНИЕ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье проанализирована советская и постсоветская литература по истории врачевания в Древней и средневековой Руси. Монографии историков оцениваются с точки зрения использования источников, методов исследования и концепции развития отечественной медицины в XI–XVI вв. Делается вывод, что концепция современных российских историков основана на взглядах историков советской эпохи и содержит ряд ошибочных и спорных моментов.

Ключевые слова: Древняя Русь, Московское царство, медицина, история медицины, историография.

Работы по истории медицины, написанные в рамках традиционного направления, показывают, что она берет начало в ранний период – как минимум в X в., – а в более поздний происходило последовательное развитие медицины на Руси. Кроме того, основной движущей силой развития медицинских знаний в этих работах признается царский двор и медики, работавшие при нем, а народная медицина изучается начиная только со второй половины XIX в. В подобном ключе были выдержаны исследования В.М. Рихтера, Ф.Л. Германа, Н.Я. Новомбергского¹ и многих других. С развитием истории медицины как отдельного направления в сферу внимания историков попали древнерусские письменные памятники².

Основные выводы, сделанные дореволюционными историками, активно усваивались и перерабатывались советскими учеными. В советское время появились работы Н.А. Богоявленского³ и М.К. Кузьмина⁴, а в постсоветское время – М.Б. Мирского и Т.В. Чумаковой и С.М. Марчуковой.

Работа, сделанная ими, огромна и заслуживает уважения, однако нельзя не признать, что их трудами сформировались определенные стереотипы, которые иногда мешают адекватной оценке врачевания и целенья в Древней Руси.

Прежде всего рассмотрим использование упомянутыми авторами источников.

От этого периода их сохранилось не так много, как от периода середины XVI–XVII вв. Н.А. Богоявленский⁵ изучил десятки письменных памятников по этой тематике, привлек древнерусские изобразительные источники. При этом очевидна цель автора: оценка древнерусского врачевания с позиций исследователя XX в. Но даже большой и обстоятельный анализ письменных источников, свидетельствующих о медицинских знаниях в Древней Руси, у Богоявленского не сопровождался главной оговоркой: эти произведения были переводными (за исключением отдельных травников и лечебников XVII в.) и не выходили за узкий круг монастырских библиотек. Кроме того, некоторые из этих произведений являлись лишь частью больших разноплановых сборников. Иначе говоря, медицинские тексты в этих сборниках выполняли роль познавательной литературы, но никак не руководства к действию. В результате у современного читателя складывается впечатление, что уже в Древней Руси сформировалось общество европейского типа, воспринимавшее медицину как науку и полностью признававшее приоритет рационалистического подхода к лечению болезней.

Совершенно такую же направленность имеет работа С.М. Марчуковой «Медицина в зеркале истории»⁶, где древнерусскому врачеванию посвящена целая глава. Увы, но здесь автор в разделе под названием «Медицинские представления в древнерусских сочинениях» рассматривает почти исключительно переводные работы. Раздел «Индийские традиции в древнерусском врачевании» по сути является кратким рефератом отдельной работы Богоявленского⁷, а разделы, посвященные XVI–XVII вв., в который раз повторяют уже известные сведения о работе иностранных медиков при царском дворе, деятельности Аптекарского приказа и содержании лечебников и травников этого времени. Упомянув об источниках, Марчукова повторяет все ошибки и стереотипы своих предшественников, добавляя новые. Например, в ее работе говорится о том, что якобы «берестяные грамоты начала XIV в. сообщают о существовании монастырских больниц в Древнем Новгороде»⁸. Автор не утруждает себя ссылкой на эти «берестяные грамоты». Возможно потому, что никаких берестяных грамот, где говорилось

бы о больницах, не существует (чтобы в этом убедиться, достаточно внимательно прочитать самую полную сводку грамот, собранную в книге А.А. Зализняка «Древненовгородский диалект»). Впрочем, фантазия автора не ограничивается берестяными грамотами: на странице 223 опубликована иллюстрация, озаглавленная «Хирургическая операция на поле сражения. Древнерусская миниатюра». Однако автор не знает, что эта древнерусская миниатюра является иллюстрацией к знаменитому сборнику новелл об Александре Македонском «Александрия». Она изображает эпизод очередной победы царя Александра над врагами, после которой он приказал снять кожу с 3 тыс. пленных⁹. Никакого отношения ни к медицине вообще, ни к древнерусскому врачеванию в частности эта миниатюра не имеет.

Из последних обобщающих работ заслуживает внимания книга профессионального врача и историка медицины М.Б. Мирского¹⁰, которая, как представляется, в полной мере отразила все особенности узкоспециального подхода к истории врачевания. Упомянув те или иные источники, автор не считает нужным обратить внимание на их происхождение, стилевые особенности и историю существования в древнерусских землях.

Например, Мирский упоминает «летопись XI в. «Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мирликийского чудотворца»». Эта «летопись» (на самом деле этот текст является не летописью, а самостоятельным сочинением) привлекается Мирским для того, чтобы показать роль светских врачей в древнерусском государстве. Но «Посмертные чудеса...» – это литературный памятник, который просто переведен на русский язык с греческого, он отражает византийские реалии (лишь 3 из 15 сюжетов этой повести считаются древнерусскими произведениями), но никак не древнерусские¹¹.

Часто и «Изборник Святослава» (1073 г.) рассматривается как свидетельство солидных медицинских знаний на Руси. Об этом писал Богоявленский, пишет об этом и Мирский: «Еще в одной старинной рукописи “Изборнике Святослава” (XI в.) указывается, что врач должен уметь оказывать хирургическую помощь – уметь разрезать кожу, ампутировать конечности..., прижигать раны и бороться с нагноением»¹². Но имел ли этот источник серьезное значение для распространения медицинских знаний и отражает ли он реальные знания русских врачей? Да, в нем описываются различные виды врачебной практики, содержатся сведения о природе и человеке, однако большую часть этой книги составляют сугубо богословские темы. Ну и самое главное: от начала и до конца эта

книга являлась переводом болгарского оригинала X в. (заказчик – царь Симеон), то есть частью византийской культуры. Это же касается и цитируемого Мирским «Маргарита» («в сборнике XII–XIII вв. перечислены функции врача»): это произведение является сборником бесед и поучений Иоанна Златоуста. В Византии книги под таким названием существовали в более раннее время, в русских землях они появились не XII–XIII вв., а позже – в XIV в. Причем, наиболее ранние из сохранившихся древнерусских списков относятся к XV в. Пик же популярности «Маргарита» приходится на конец XV–XVI вв., что связано с идеологическими брожениями в русских землях¹³, и уж никак не с развитием медицинских знаний.

Здесь нужно отметить, что в начале 1940-х годов в историко-научной литературе сложилась тенденция при исследовании древнерусских источников уделять основное внимание их «естественно-научной» составляющей, абсолютно игнорируя общую направленность этих работ – просвещение верой. Зачинателем этой традиции можно считать Т.И. Райнова, автора первого фундаментального труда по истории знаний допетровской России¹⁴. Этот подход был понятен в советское время. Но что мешает современным исследователям посмотреть на рассматриваемые ими источники шире?

В работах Богоявленского и Мирского книжник Ефросин (вторая половина XV в.) выступает как популяризатор медицинских знаний. Но при более внимательном взгляде¹⁵ оказывается, что книги Ефросина посвящены буквально всему: здесь есть и хождение игумена Даниила в Палестину, и описания Индии, и исторические сюжеты, связанные с библейской историей, историей Древней Греции, Древнего Рима, русской историей. Ефросин описывает различные природные явления и дает их толкования (в соответствии с христианскими трактовками И. Дамаскина и константинопольского патриарха Геннадия). В разделе медицинском («Галиново на Ипократа») переписаны отдельные положения книг «корпуса Гипократа», фрагменты эллинистического ученого Александра из Афродиссии (III в. н. э.) и многое другое. Ну а после описания гуморальной теории Гипократа Ефросин излагает тексты молитв от разных болезней: «Аще кто костию подавится, призови на помощь святого Власия», «Боже Моисеева знамения помилуя мя, научи глаголати, аще кого змия уясть» и т. п.

Признавая книжки Ефросина «энциклопедиями», Мирский, тем не менее, утверждает: «Не подлежит сомнению, что рукопись

“Галиново на Ипократа” была предназначена тем русским лекарям, которые занимались медицинской практикой, были ли они учеными монахами или профессиональными лекарями: скорее всего, все-таки рукопись была рассчитана на профессионалов¹⁶. Но с таким же успехом келейные книжки Ефросина могли быть адресованы и историкам, и географам, и естествоиспытателям... Можно ли их назвать действительно источниками медицинских знаний на Руси? Для нас совершенно очевидно, что античные медицинские трактаты воспринимались их переписчиками скорее как занимательная литература, расширяющая кругозор. Практического значения большая часть информации из этих сборников не имела, ведь набор сведений о медицине здесь был случаен. Более того, создается впечатление, что для Ефросина гораздо более действенными представлялись приемы религиозной «терапии», соседствующие в этих сборниках с гиппократовским знанием.

Кстати, Мирский пользуется устаревшими представлениями: говоря о сборнике «Люцидарий», он называет переводчиком этого сборника псковского посадника Георгия Токмакова (умер в 1578 г.). Однако это факт, предположенный в свое время Н.С. Тихонравовым¹⁷, в наши дни подвергается сомнению рядом исследователей¹⁸. Заметим, что действительно Токмаков вряд ли мог быть переводчиком этого произведения, впервые упомянутого М. Греком в 1518 г., и уж тем более «другом Н. Булева» (как утверждает Мирский).

В книге Мирского мы вновь встречаемся с уже упоминавшейся применительно к книге Марчуковой миниатюрой из «Александрии». Мирский внес свой вклад в ее «творческое переосмысление», назвав «Картина “площадного” вскрытия человеческого тела: древнерусская миниатюра».

Теперь рассмотрим такое «родимое пятно» историко-медицинской историографии, как односторонность трактовки. В современной историко-медицинской литературе крайне редко понимаются вопросы этиологии, методики врачевания и места врача в древнерусском обществе. А если эти вопросы и ставятся, то историки медицины решают их, просто пытаясь спроецировать свои рационалистические представления на прошлое.

Например, считать ли врачом монаха Киево-Печерского монастыря Агапита (вторая половина XI в.)? Он трактуется в работах по истории древнерусской медицины как один из первых известных нам русских врачей. Например, так его воспринимают и Боголюбский, историк культуры Чумакова¹⁹ и Мирский.

Однако если обратиться к Киево-Печерскому патерику, то выяснится, что никаких собственно медицинских познаний Агапит не проявляет: он лечит больных тем же, что ест сам, творит над ними молитвы. Даже когда заболевает князь Владимир Мономах, Агапит посылает ему то зелье, которое он сварил для себя и даже не осматривает больного князя. Когда же некий врач-армянин пытается вызвать Агапита на медицинский диспут, то монах отказывается, говоря, что не знает ответов. Конечно, можно посчитать, что «зелье» Агапита является диетическим продуктом (а диета – это профилактика болезни, согласно Гиппократу), но почему же, лишь вкусив зелия, Мономах стал мгновенно здоров?

Агапит – это символ православного «врачевания», основанного не на операциях и лекарствах, но на мистическом исцелении. Армянин – символ врачевания гиппократовского, греческого, основанного на знании, опыте, интуиции, и, возможно, магии. В житии Агапита этот тип врачевания оказывается посрамлен и отринут, да и само врачевание здесь оказывается не столь уж важным. Житие Агапита – это не история первого русского врача, а история борьбы православной веры с иноверием. И неслучайно игумен Киево-Печерского монастыря, постригая армянина, решившего после смерти Агапита стать монахом, советовал ему забыть о лечении чужого тела и заботиться о врачевании своей души, следуя св. Агапиту.

Мысль о преимуществе духовного исцеления перед лечением телесных недугов подтверждается и другим фрагментом патерики, где описывается лекарь Петр. Он был слугой князя черниговского Святоши (ставшего монахом), происходил из Сирии. В монастырь Петр приходил навещать своего бывшего господина, а в остальное время готовил лекарства, лечил жителей Киева. Но патерик (со всей возможной для такого источника иронией) говорит о знаниях Петра: «Однажды разболелся сам Петр, и Святоша послал к нему, говоря: “Если не будешь пить лекарства, – быстро поправишься, если же не послушаешься меня, – много страдать будешь”. Но тот, рассчитывая на свое искусство и думая избавиться от болезни, выпил лекарство и едва жизни не лишился. Только молитва блаженного и исцелила его». Дальше – больше: «Снова разболелся лекарь, и святой послал объявить ему: “В третий день ты выздоровеешь, если не будешь лечиться”. Послушался его сириец и в третий день исцелился по слову блаженного»²⁰. В патерике четко проводится мысль о том, что лечение вредно. Главное – исцеление духовное, болезнь не надо лечить специально, ведь это проявление божьей воли, а противиться ей не стоит.

Этиологические концепции затрагиваются в современной историко-медицинской литературе крайне редко. Иногда отдельные авторы идут по пути вульгаризации, говоря, что средневековый человек считал все болезни происками дьявола²¹. В отличие от них Мирский высказывает вполне здравую мысль о том, что в «религиозном сознании древности и Средневековья болезнь представлялась наказанием человеку за его грехи, а выздоровление – прощением их»²². Однако далее автор почти не обращается к этой концепции.

Казалось бы, какая разница, как понималась болезнь в раннее Средневековье: болезнь она и есть болезнь. Видимо, поэтому и Богоявленский, и Мирский постоянно трактуют различные целительные средства, упоминающиеся в древнерусских источниках (миро, лампадное масло, краски, просфоры, освященную воду), как средства лечебные. Однако при этом не учитывается, что и Агапит, и другие целители-монахи (Феодосий, пресвитер Дамиан, Алимпий, Кирилл Белозерский, Сергей Радонежский) понимают эти средства как целительные. Повторимся – целительные, но не лечебные.

И вот тут выясняется, что этиология важна: тогда становится ясным, что нужно делать с больным – лечить или исцелять.

Историк медицины А.П. Левицкий в свое время предположил: «...Сила крылась в молитве, по которой наступало исцеление... этот дар исцеления монахи противопоставляли врачеванию, основанному на человеческом знании...»²³ Это мы хорошо видели на примере Киево-Печерского патерика. В более поздних житийных повестях такое противопоставление встречается уже реже; просто потому, что лечение там уже не упоминается, а основное внимание уделено исцелению. «Исцеление» – одномоментный акт, когда больной выздоравливает практически мгновенно. Главный метод исцеления – обрядовые действия, направленные на улучшение духовного здоровья. «Лечение» – процесс длительный, связанный с принятием лекарств и проведением лечебных процедур, касающихся в основном исправления здоровья тела. Исцеление иррационально, лечение рационально.

Конечно, нельзя здесь сбрасывать со счетов особенности жанра житийных описаний, которые не предполагали выставление главного героя как ученого знатока греческой светской («внешней») книжности. Но сам факт постоянного обращения авторов житий именно к исцелению свидетельствует о настойчивом и последовательном желании подвести читателя к главной мысли: только чудо и вера способны полностью исцелить человека.

И толпы верующих паломников, перемещавшихся от одной религиозной святыни к другой, – подтверждение приверженности большей части древнерусского общества взгляду церковников.

Особого разговора заслуживает тема эпидемий.

Эта тема была подробно исследована еще в дореволюционной литературе²⁴. Мы лишь отметим, что по крайней мере до начала XVI в. в древнерусских источниках мы не встретим ни одного упоминания реальной борьбы с эпидемическими заболеваниями. Многочисленные летописные сведения об этих событиях чаще всего ограничиваются описанием крестных ходов, построек церквей для предотвращения мора. В глазах древнерусского обывателя это бедствие представлялось божьей карой. Избавиться от него (как и от тяжелой и неизвестной болезни) можно было, только совершив некое обрядовое действие. Массовость участия населения в таких действиях подтверждают наш тезис о распространенности такого взгляда в древнерусском обществе.

Лишь к концу рассматриваемого периода появляется первый источник, где содержится описание иного взгляда на эпидемии. Мы имеем в виду известную переписку старца Елизарова монастыря Филофея и псковского дьяка Мунехина (1520-е годы)²⁵. Послание Филофея интересно как столкновение двух взглядов на болезнь: взгляда православного книжника и светского человека. Первый взгляд предусматривает пассивное отношение к эпидемии, трактует ее исключительно как божье наказание, которое просто необходимо испытать. Как следствие, главным средством провозглашается приход священника к больному. Взгляд Мунехина более близок к современным представлениям об эпидемии, он лишен каких бы то ни было черт восприятия эпидемии как божьей казни – от мора нужно спастись (введя карантин).

Если же возвратиться к теме древнерусских этиологий, то получается весьма разнообразная картина. Болезни могли возникать: как наказание за грехи заболевшего; как искупление грехов окружающих (здесь больным мог оказаться и праведник); как результат вселения или внешнего нападения бесов (зависело от степени праведности человека или соблюдения правильного церковного обряда); производственных травм и боевых ранений; естественных причин (отравления, некачественная еда, вода, старость).

И языческий, и христианский взгляды на мир в этом смысле оказались схожи: болезнь понималась либо как наказание свыше, либо как проявление судьбы человека, либо как естественная закономерность. В первом случае исцелить болезнь можно было только обращением к высшим силам (заговором ли, молитвой ли).

Во втором – вообще ничего не предпринимать. Лечить можно было лишь болезни, причина которых ясна (ранения, отравления). Этот взгляд, проходящий красной нитью через всю житийную литературу, оказался живучим и в почти неизменном виде дожил в русском обществе до XVIII в.

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть, – оценка врачей и их деятельности.

Богоявленский высказывал важную мысль о том, что в ранний период русской истории понятия «волхв», «врач», «лечец», «балий», «зелейник» и «чародей» являлись фактически синонимами.

Мирский сводит всех древнерусских врачей в две большие категории – монастырские и светские. Напомним, что автор не видит разницы между лечением и исцелением, а поэтому для него главное отличие категорий врачей друг от друга состоит в осуществлении платного или бесплатного лечения.

Говоря о распространенности врачей в Древней Руси, все авторы отсылают нас к «Русской правде», где упоминаются «лечцы». Заметим, что в этом случае речь идет о простейших операциях, связанных с лечением боевых ран, но не болезней. Правда, в последующих юридических источниках (Псковской судной грамоте, Новгородской судной грамоте и других) более ничего не говорится о лекарях и врачах.

В более поздний период (XV в.) довольно часто описываются случаи внезапных заболеваний церковных и светских «первых лиц». Некоторые из них описываются довольно подробно (например, болезнь и смерть в 1441 г. князя Юрия Дмитриевича Красного²⁶, великого князя московского Василия Васильевича в 1462 г.²⁷). Из этих описаний ясно, что врачебная помощь при дворах знати в первой половине XV в. почти полностью отсутствовала.

Кажется, ситуация меняется во второй половине XV в., когда при дворе московских великих князей появились иностранные медики. Период княжения Ивана III вообще отличается от предыдущих периодов истории Московского княжества определенной открытостью к западным новациям. Однако и тогда трудно говорить о начале внедрения медицины в общественную жизнь и о повышении роли врача, ведь социальное положение врачей-иностранцев мало чем отличалось от положения русских поданных великого князя.

Известны истории великокняжеских лекарей Леона и Антона. Один был казнен по приказу великого князя за то, что не смог вылечить его сына, а другой был убит сыном князя Каракучи за то,

что отравил его отца. Примечательно, что в последнем случае Иван III отказался платить выкуп за Антона и он был зарезан «как овца». Эти два случая показывают, во-первых, низкий социальный статус врачей и, во-вторых, их небольшое количество.

Для сравнения приведем письмо английского короля Генриха VI своему врачу и настоятелю собора в Солсбери Гилберту Каймеру, написанное в 1455 г.: «Приветствуем вас с доверием и любовью и так как вы знаете, что мы заняты и мучимы болезнью (и неустойчивостью), которая должна быть облегчена и вылечена милостью Господа нашего, нам нужна помощь, внимание и труды такого знатока... в искусстве медицины, как вы, и в числе всего прочего на вас особенно направлена наша любовь и желание, мы желаем (повелеваем и от всею сердца просим), чтобы вы были с нами в нашем замке Виндзор на XII день этого месяца и занялись нашей особой...»²⁸ Как видим, врач короля Генриха пользовался гораздо большим уважением у своего пациента, нежели врачи великого князя Московского у своего господина.

По поводу же случая с врачом Ивана III Антоном нельзя не заметить еще одну историографическую странность: в книге Марчуковой говорится о том, что этот лекарь был зарезан за неудачное лечение²⁹. Прямо скажем, трактовка источника в этом случае весьма вольная.

Само наличие в Москве этих врачей является еще одним свидетельством сугубо личных пристрастий Ивана III, пытавшегося казаться просвещенным властителем и приглашавшего к своему двору различных специалистов из Европы. Естественно, поэтому нельзя рассматривать работу этих врачей как основу для создания условий развития медицинских знаний в Московском княжестве.

Тенденции, которые мы отметили применительно к Ивану III, продолжились и в правление великого князя Василия Ивановича. Он также владел (иначе и не скажешь) несколькими докторами-иностранцами. Одним из них был некий Марк Грек. В работах по истории медицины он упоминается как лекарь, однако это было лишь одним из его занятий: на Русь он попал как купец. Очевидно, тех скромных знаний, которыми он обладал, хватало для великокняжеского двора.

Особого разговора заслуживают Николай Булев и Фефил (Теофиле) – профессиональные врачи при дворе Василия III. В летописях они появляются применительно к истории болезни великого князя. Сама история давно уже стала объектом историко-медицинских исследований. Мы же лишь обратим внимание на то, что эти врачи были вызваны к заболевшему князю лишь через

неделю после начала его болезни: до этого Василий лечился сам (принимая различные отвары, делая компрессы и прочее), слушал советы и принимал лекарства гетмана Яна и Михаила Глинского (После смерти великого князя Михаил Глинский был обвинен в том, что своими настоями пытался отравить Василия Ивановича). Учитывая, что Василий III заболел, находясь в отъезде, то очевидно, что практики возить с собой врачей (даже при их наличии) у великокняжеского дома не было. Знания Булева и Теофила оказались уже ненужными: болезнь князя была крайне запущена. Кажется, такое положение дел вполне отражает отношение к медицине вообще и врачам в частности: медицинское искусство не было надежным знанием в глазах русского человека древности и Средневековья.

Из описания болезни князя совершенно четко видно, что врачи были призваны к больному уже на завершающей стадии. Более того, они даже не пытались лечить Василия III, сразу отказавшись от этого бесполезного дела. Для окружающих великого князя это было даже на руку: их отношение к европейской медицине было подозрительным, и то, что врачи отказались участвовать в лечении князя, скорее успокоило, нежели расстроило их. Очевидно, что взгляд на медицину остался прежним: врачей спасло в этой ситуации только то, что они не принимали участия в лечении.

Подчеркнем в связи с этим: историки медицины не всегда обращают внимание на традиции, существовавшие в древнем и средневековом русском обществе. Например, при великокняжеском дворе малолетних наследников престола нельзя было показывать чужим людям, даже если это были врачи. Это видно в частности из переписки великого князя Василия III с Еленой Глинской. В одном из писем (1530–1532 гг.) говорилось о болезни сына Василия – Ивана. У будущего царя «явилось на шее под затылком место высоко да крепко», а чуть позже «то место на шее стало у него повыше да и черленее, а гною нет, и то место у него поболает». При этом великий князь просил жену выяснить, отчего так бывает. По мнению великого князя, ответить на этот вопрос могли только женщины, окружавшие великую княгиню Елену: «...И со княгинями бы еси и с боярынями поговорила, что таково у Ивана сына явилось и живет ли таково у детей у малых?...»³⁰

И женщины двора оказывались лишены медицинской помощи, так как им нельзя было обнажать никакую часть своего тела перед чужим мужчиной (врачом). Здесь следует заметить, что Мирский, говоря о Теофиле, цитировал фрагмент из посольской грамоты (начало XVI в.), посвященной этому врачу: «а опытали есмя, что

у него многие дети боярские на руках, лечит их, да и женился сказывают». Эта фраза дала повод Мирскому утверждать: «...Оба врача [Булев и Теофил. – А. М.], формально свободные люди, вынуждены были остаться работать в России, продолжали лечить (и не только взрослых) и пользоваться уважением»³¹. Хотелось бы заметить, что словосочетание «дети боярские» не означает детей бояр: как известно, это категория служилого дворянства. Сомнительно, чтобы дворянину пришла в голову мысль показать своего малолетнего ребенка чужому человеку, да еще иностранцу: вера в сглаз была сильна не только при великокняжеском дворе.

Впрочем, Теофил все-таки лечил отдельных представителей московской знати и в особых случаях использовался для освидетельствования больных. Так, он обследовал князя Андрея Старицкого, обидевшегося на Елену Глинскую и малолетнего великого князя Ивана Васильевича за то, что ему не дали «отчины», и отказавшегося возглавить один из очередных походов на Казань, сказавшись больным³².

В середине XVI в. ситуация с иностранными врачами и с иностранцами вообще при великокняжеском (а затем и царском) дворе несколько меняется. Благодаря известному «делу Шлитте» (а точнее, его неудаче из-за закрытия западной сухопутной границы между Польшей и Московским государством) Москва наладила долгие и прочные связи с Англией, откуда со временем и прибыли новые врачи, среди которых, правда, были персонажи вроде Бомелия³³.

В начале XVI в. оформляется и отношение Русской православной церкви к врачам. Оно было довольно безразличным. Иногда слова церковных иерархов о врачах и врачевании напоминают скорее некие обязательные, ничего не значащие формулы. Логично было бы встретить упоминания врачей в «Домострое» (в разделе, специально посвященном врачеванию), однако в этом источнике мы читаем о волхвах и «волховствовании», но не о «врачах» и «врачебном деле».

Тем не менее, в литературе, посвященной истории врачевания на Руси, роль врачей в Московском государстве XV–XVI вв. оценивается очень высоко, более того, утверждается, что врачей было много. Так, Чумакова считает, что лечебник Булева, переведенный по заданию митрополита Даниила в 1534 г., стал «учебником для практикующих врачей Древней Руси»³⁴. Ей вторит Марчукова, которая также отметила, что по таким книгам обучали врачей в российских лекарских школах XVI–XVII вв.³⁵ И, конечно же, факт наличия русских врачей (в период до XV в.) подтверждает

Мирский: «...В Средневековой России действовали... многочисленные мирские врачи, профессиональные лечцы, постигавшие азы своей профессии в порядке ремесленного ученичества, часто в семьях потомственных целителей. Среди них преобладали специалисты “терапевтического” профиля... Однако были среди них и лечцы чисто “хирургического” профиля – резалники: среди них различались костоправы..., камнесечцы..., кровепуски и рудометы..., кильные мастера..., чечуйные...»³⁶. Увы, но ни в одном случае не приводится ни одного аутентичного источника (до XVI в.), где говорилось бы о наличии всех этих специалистов.

Кто же они были – эти самые «практикующие врачи Древней Руси», для которых предназначались книги Булева и где находились «российские лекарские школы XVI–XVII вв.»? На эти вопросы аргументированных ответов пока нет: ничего не известно о лекарских школах в России XVI – первой половины XVII в.

А между тем на страницах древнерусских источников на первый план выходит фигура монаха-целителя, на втором же плане часто маячит не фигура «практикующего врача», но чародея и волхва. Именно этого персонажа чаще можно встретить на страницах русских литературных памятников XV–XVI вв.

Именно к чародею сначала пытаются отвести заболевшего в одном из рассказов Вассиана Ростовского (вторая половина XV в.), вошедших в Волоколамский патерик. Больной оказывается морально устойчивым, всячески отказывается и излечивается лишь молитвой св. Никите.

Именно о магических приемах лечения (как вредных, но более распространенных) говорит «Домострой».

Несколько особняком стоит «Повесть о Петре и Февронии», созданная в XVI в. Их знакомство произошло при драматических обстоятельствах: князь Петр сильно заболел от крови убитого им змея и искал возможности для излечения. В Муроме врачи (а именно так они названы в Повести) не смогли помочь, но, по слухам, врачей было много в Рязанской земле. Князь рассылает своих слуг по Рязанской земле для поиска врачей. Один из слуг князя заезжает в село и спрашивает о врачах у Февронии. И вот здесь закономерен вопрос: откуда в рязанских селах и деревнях появились в больших количествах врачи? Почему княжеский слуга, заехав в малоизвестное село Ласково, надеялся найти там врачей, более того – настаивал на том, чтобы Феврония указала имена и дома этих самых врачей?

Возможно, жанр житийного повествования и личность автора (церковный писатель Ермолай-Еразм) подскажут ответ на этот

вопрос. Все указывает на то, что князь Петр со своими слугами искал чародеев. Написать о том, что русский святой князь Петр искал облегчения от болезни у них, Ермолай-Еразм не мог, так как это могло создать определенные проблемы при канонизации Петра и Февронии (а именно для этого создавалась Повесть). Итак, чародеи, «замаскированные» под врачей, выступают и в «Повести о Петре и Февронии». Более того, чародейкой, видимо, была и сама Феврония (на совершенно языческий характер ее методов лечения обратил внимание В.В. Долгов³⁷). Предварительно отправив князя в баню, она лечит князя не молитвой и не специально приготовленным лекарством, но простым квасом, на которое предварительно дует – абсолютно не христианский, а скорее ведовской способ создания лекарства. Кроме того, не забудем, что главным условием удачного лечения Феврония посчитала не столько соблюдение лечебных процедур, сколько выполнение обещания князя жениться на ней. Как только он не выполнил это обещание, болезнь вернулась.

По сообщению, А. Курбского, карельских волхвов призывают для излечения бесплодия Елены Глинской. Возможно, это не было правдой, но лишь попыткой придать образу царя Ивана Грозного еще большую непривлекательность. Впрочем, другой случай зафиксирован несколько ранее, в ноябре 1525 г., когда для лечения бесплодия у предшественницы Глинской – великой княгини Соломонии Сабуровой – была приглашена «жонка Стефанида». Когда та «жонка» определила, что детей у Соломонии не будет, то была вызвана «черница», которая «дети знает (а сама без носа)»³⁸. Черница произвела заговоры над маслом или медом, чтобы княгиня намазалась ими.

Злокозненные современные волхвы становятся объектом критики и в «Поучении» митрополита Даниила.

На наш взгляд, фактов достаточно, чтобы сделать вывод: по крайней мере почти весь XVI в. вместо врачей в Московском государстве гораздо активнее действуют колдуны и знахари.

Все это не удивительно. Удивительно другое: почему современные авторы не придают значения все этим фактам, упорно навязывая мысль о русских «многочисленных мирских врачах», повышающих свою квалификацию чтением Гиппократом?

В последнее время зародилась тенденция совмещать культурологический и историко-медицинский подходы. Это ярко проявилось в статье Н.Т. Ерегиной и Е.М. Смирновой, известных специалистов по истории медицины: на солидном научном уровне они рассмотрели историю медицины в Древней и средневековой Руси

в тесной связи с историей православия и Русской православной церкви, проследили эволюцию общественных взглядов на болезнь и ее лечение³⁹.

Итак, признавая большое значение отечественной историко-медицинской литературы, отметим, что в ней прочно утвердились несколько негативных тенденций: перенесение реалий иных культур (прежде всего Византии) на древнерусскую почву без учета реальной исторической ситуации; совмещение исторических периодов, когда более поздние факты трактуются как существовавшие и в более раннее время (проблема замены «древнего» «народным»); некачественная источниковедческая работа. Последнее приводит к вольной трактовке источников и, как следствие, к построению сомнительных концепций.

Подводя итоги, кратко обозначим нашу точку зрения на древнерусское «врачевательство» XI–XVI вв.

В этот период оформилась церковная концепция, которая гласила, что быть праведником отнюдь не означало быть здоровым. Было верно и обратное: быть грешником не означало быть больным. Больной отчасти выступал в качестве напоминания здоровым о том, что бог все видит и насылает болезни как напоминание о первородном грехе человека. Начинает формироваться и двойственное понимание причины болезни, сочетающее в себе естественные причины и волю провидения. При этом роль провидения сводилась к тому, чтобы при необходимости пробудить болезнь внутри человека.

Праведный человек, стремящийся попасть в рай, ни в коем случае не должен был избегать тяжелой болезни. В сюжетах древнерусских патериков (Киево-Печерском, Волоколамском, рассказе о смерти Пафнутия Боровского, житийных повестях) никогда не говорится о попытках лечения серьезно заболевших монахов. Наоборот, болезнь подается как одна из форм мученичества и испытания, которую лучше не избегать, а нужно испытать. Это совершенно четко укладывается в рамки православной христианской парадигмы, где страдание воспринимается как благо и где речь о лечении заболевания почти не идет, так как избавление от страданий, посланных богом, должно происходить лишь при соблюдении православного обряда. И, наконец, в этот период сформировалось два направления: целение и лечение, где целение превалировало над лечением. В связи с этим нельзя говорить о существовании рациональной («гиппократовской») медицины в Древней и средневековой Руси.

Примечания

- 1 *Рихтер В.М.* История медицины в России. Т. 1–3. М., 1814–1820; *Герман Ф.Л.* Врачебный быт допетровской Руси. Харьков, 1891; *Новомбергский Н.Я.* Очерки по истории аптечного дела в допетровской Руси. СПб., 1902; *Он же.* Черты врачебной практики в допетровской Руси. СПб., 1902; *Он же.* Колдовство в Московской Руси. СПб., 1906; *Змеев Л.Ф.* Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896.
- 2 *Флоринский В.М.* Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1880; *Змеев Л.Ф.* Русские врачебники. СПб., 1896.
- 3 *Богоявленский Н.А.* Древнерусское врачевание в XI–XVII вв.: Источники для изучения древнерусской медицины. М., 1960; *Он же.* Отечественная анатомия и физиология в далеком прошлом. Л., 1970.
- 4 *Кузьмин М.К.* Медицина в Московском государстве (XVI–XVII вв.): Лекции по истории русской медицины. М., 1973.
- 5 *Богоявленский Н.А.* Древнерусское врачевание в XI–XVII вв.
- 6 *Марчукова С.М.* Медицина в зеркале истории. СПб., 2003.
- 7 *Богоявленский Н.А.* Индийская медицина в древнерусском врачевании. М., 1956.
- 8 *Марчукова С.М.* Указ. соч. С. 228.
- 9 Александрия: Жизнеописание Александра Македонского. М., 2005. С. 335–337.
- 10 *Мирский М.Б.* Медицина России X–XX веков: Очерки истории. М., 2005.
- 11 *Творогов О.В.* Житие Николая Мирликийского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 168–172.
- 12 *Мирский М.Б.* Указ. соч. С. 29–30.
- 13 *Казенина Е.Т.* «Маргарит» и историко-культурная ситуация на Руси XV–XVI вв. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10).
- 14 *Райнов Т.И.* Наука в России XI–XVII веков. М.; Л., 1940.
- 15 *Каган М.Д., Поньрко Н.В., Рождественская М.В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // Труды Отдела Древнерусской литературы. Т. 35. Л., 1980. С. 3–300.
- 16 *Мирский М.Б.* Указ. соч. С. 49.
- 17 Луцидариус // Летописи Тихонравова. 1859. Т. 1, кн. 1. С. 35.
- 18 *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 246–247.
- 19 *Чумакова Т.В.* Немецкие влияния в культуре допетровской Руси: Медицина // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Вып. IV. СПб., 2002. С. 5.
- 20 Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 379.
- 21 *Михайлова И.* Борьба со злыднями // Родина. 2000. № 3. С. 109.
- 22 *Мирский М.Б.* Указ. соч. С. 23.

- 23 *Левицкий А.П.* Очерки по истории медицины в России // Медицинское обозрение. 1909. Т. 71. № 1. С. 76.
- 24 *Высоцкий Н.Ф.* Чума при Алексее Михайловиче. Казань, 1879; *Эккерман В.* Материалы для истории медицины в России: История эпидемий X–XVIII вв. Казань, 1884; *Гозевер В.* Чума: История, сущность и борьба с ней. М., 1897; *Лакстин М.* Борьба с эпидемиями в до-петровской Руси. М., 1909; *Дёрбек Ф.А.* История чумных эпидемий в России. СПб., 1905.
- 25 *Высоцкий Н.Ф.* Указ. соч. С. 14.
- 26 Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 261.
- 27 Симеоновская летопись. М., 2007. С. 215.
- 28 *Грин В.* Безумные короли. Ростов на/Д., 1997. С. 29.
- 29 *Марчукова С.М.* Указ. соч. С. 234.
- 30 Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные археографической комиссией. М., 1848. С. 3–4.
- 31 *Мирский М.Б.* Указ. соч. С. 39.
- 32 Пискаревский летописец. М., 1978. С. 171.
- 33 *Таймасова Л.Ю.* «Дело Шлитте» // Новый исторический вестник. 2008. № 17. С. 30–38; *Она же.* «Дело Бомелиуса» // Новый исторический вестник. 2009. № 19. С. 134–142; *Она же.* Зелье для государя. М., 2011.
- 34 *Чумакова Т.В.* Указ. соч. С. 5–6.
- 35 *Марчукова С.М.* Указ. соч. С. 226.
- 36 *Мирский М.Б.* Указ. соч. С. 41–42.
- 37 *Долгов В.В.* Быт и нравы Древней Руси: Миры повседневности XI–XIII вв. М., 2007. С. 134.
- 38 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 192.
- 39 *Ерегина Н.Т., Смирнова Е.М.* «Како врачеватися христианом» // История в подробностях. 2011. № 6 (12). С. 56–63.

О.Н. Квасов

ГУБЕРНСКИЙ АППАРАТ
ТАЙНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В НОВЕЙШИХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье в контексте изучения деятельности учреждений политического сыска Российской империи рассматриваются новейшие работы российских историков о деятельности губернского аппарата политического сыска. Главное внимание уделено книгам Ю.Ф. Овченко и М.С. Чудаковой. Оцениваются новаторские подходы авторов к анализу методов и форм работы учреждений политического сыска, взаимодействию между ними, роли и эффективности губернского аппарата политического сыска в борьбе с революционным движением в России.

Ключевые слова: Российская империя, политический сыск, Департамент полиции, губернское жандармское управление, охранное отделение, провокация, секретная агентура, историография.

Исследование истории тайной политической полиции имеет длительную традицию и обширную историографию. Современная актуальность проблемы во многом связана с террористической проблематикой и изучением опыта контртеррористического противодействия начала XX в., реформированием российских правоохранительных органов и возможностью конкретизировать объективные представления об имперской России.

Научные работы последнего десятилетия значительно углубили и расширили наши представления об учреждениях тайного политического сыска Российской империи, методах и результатах их работы. Опубликованы как академические, так и рассчитанные на широкий круг читателей высококачественные исследования, изданы важные документы полицейского делопроизводства, переизданы редкие и зарубежные издания воспоминаний деятелей россий-

ского политического сыска. В этой ситуации особый интерес стала представлять разработка истории именно губернского аппарата тайного политического сыска, изучение деятельности которого вкупе с анализом работы центральных учреждений позволяет сформировать комплексный, системный взгляд на российский политический сыск, его опыт, эффективность его работы.

Вообще повышение интереса исследователей к губернным учреждениям тайного политического сыска Российской империи – одна из характерных особенностей современной отечественной историографии. Другая ее особенность – углубленное изучение чисто «госучрежденческих» сюжетов: структуры, штатов, реорганизаций внутреннего устройства, создания новых учреждений и перераспределения функций, регулирования взаимодействия между центральным и губернным аппаратами. Далее, характерным моментом стало глубокое изучение методов политического сыска на основе множества конкретных дел. Наконец, историки вышли на новый уровень понимания того взаимовлияния, которые оказывали друг на друга, на деятельность «противной стороны» политический сыск и организации революционного подполья.

Прежде всего необходимо отметить, что в изучении первого столетия истории централизованной, имперской системы тайного политического сыска XVIII в. произошел очень важный поворот. А именно: поворот от описательного повторения и обобщения давно известных «кнутобойных» методов работы учреждений политического сыска¹ к анализу изменений их внутреннего организационного устройства и развития методов розыскной работы под воздействием многочисленных социальных, политических и личностных факторов². Особую важность имеет то обстоятельство, что раскрыты исторические предпосылки возникновения губернского аппарата тайного политического сыска. Как показано в исследовании С.В. Карпенко, в середине XVIII в., дабы избавить центральные учреждения политического сыска – Канцелярию тайных розыскных дел и ее Тайную контору (а затем – Тайные экспедиции Сената) в С.-Петербурге и Москве от многочисленных «ложных» доносов «подлых людишек» на «благородных», пришлось отказаться от установленной Петром I предельной централизации «розыска по слову и делу государевым» и привлечь к нему местные учреждения – воеводские и губернские канцелярии, – возложив на них своего рода «предварительное расследование»³.

К работам новаторского характера уже по истории тайного политического сыска в XIX в. можно отнести исследования Ю.А. Пелевина. В статье, посвященной организации и осуществ-

лению «Народной волей» взрыва в Зимнем дворце в 1880 г., он, в частности, обстоятельно раскрыл механизм взаимодействия различных учреждений политического сыска (включая центральный и губернский уровни), показал «узкие» места и слабости этого взаимодействия, следствием чего и стало приведение Степаном Халтуриним задуманной операции в исполнение⁴. Неспособность правоохранительных органов защитить даже самую императорскую особу оказалась просто поразительной. Органы политического сыска, имея обширные агентурные сведения и данные нелегальных паспортов Халтурина, не смогли выследить его даже в столице. Более того, в нелегальном паспорте, по которому он устроился на работу в Зимний дворец, вписаны были несуществующие волость и деревня Олонецкой губернии, и на это никто из «охранителей» не обратил внимание. Сама охрана дворца была организована крайне небрежно, что способствовало распространению в нем воровству среди прислуги, посещению дворца случайными людьми, отсутствию должного пропускного контроля, что и позволило террористу по частям пронести от 36 до 48 кг взрывчатого вещества. Даже имея сведения о возможном покушении в стенах царской резиденции, Охранная стража не смогла выявить динамит, пять месяцев накапливаемый в подвальном помещении, и предотвратить взрыв. Эти факты наглядно и убедительно показывают, что охранная система III Отделения Е.И.В., столкнувшись с правильно организованной и законспирированной революционной деятельностью, оказалась функционально непригодной.

В работах⁵ автора настоящей статьи впервые в отечественной историографии рассмотрены такие вопросы, как классификация способов террористической борьбы, типология субъектов и организационные механизмы революционно-террористической деятельности. Особому вниманию подвергнуты уставные положения боевых подразделений революционных партий, благодаря чему возможно конкретизировать не только общепартийное отношение к террору, но и особенности использования террора местными комитетами. На материале революционных событий начала XX в. в Центрально-Черноземном регионе рассмотрены стратегия и тактика активно использующих террористические методы борьбы губернских комитетов, исследована и обобщена применяемая революционными организациями террористическая деятельность. В рамках изучения боевой деятельности революционных партий проанализирован структурно-функциональный механизм террора, его противостояние политической полиции империи и противодействие ее правоохранительным мероприятиям.

К работам такого же новаторского характера можно отнести недавно вышедшие монографии историков М.С. Чудаковой⁶ и Ю.Ф. Овченко⁷. Книги (в основе которых лежат и ранее опубликованные ими статьи⁸) представляют собой качественные, информативные издания с публикацией новых документов по истории охранных учреждений Москвы и ближних ней губерний (Костромской, Тверской и Ярославской). Исследования эти тем более важны, что позволяют представить, каким образом складывались практические методики противодействия охранки революционному движению, как они превращались в директивные распоряжения Департамента полиции, обязательные для исполнения всеми подразделениями охранки и, главное, насколько восприимчивы к этим распоряжениям были провинциальные структуры. Московское охранное отделение на рубеже веков было тем самым полигоном, на котором оттачивались эти методики, а перечисленные губернии обладали основными видами подразделений (охранные отделения, районное охранное отделение, губернские жандармские управления, жандармско-полицейские управления железных дорог), которые эти методики реализовывали.

Эти книги о способах полицейской борьбы с революционным движением позволяют сделать выводы о методологических основах работы охранки. Так, в 1870-е годы основным средством борьбы с революционным движением было дознание, отсюда акцент на облавах, обнаружении и пресечении этой деятельности. Как отмечает Ю.Ф. Овченко, арестовывали «впредь до выяснения причин ареста», для сбора улики, а не наоборот – собирали улики для ареста. Такая методика не смогла противостоять немногочисленному, конспиративно организованному Исполнительному комитету «Народной воли». После гибели Александра II и издания 14 августа 1881 г. «Положения к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» возможности дознавательной части противореволюционной деятельности расширились до уровня чрезвычайных мер. Агентурно-провокационные новации Г.П. Судейкина определили на долгие годы методику противодействия законспирированным революционным организациям. Дознание стало ориентироваться не только на уголовную и административную расправу над революционерами, но и на формирование «осведомительной базы розыска», а акцент противодействия перешел с дознания к самому розыску⁹. В полицейском сыске получили широкое развитие внутренняя и наружная агентуры. Наружные агенты, или филеры, имевшие высокий уровень профессионализма, были в состоянии выследить и выявить большое количество

связей внутри революционной группы, чем практически в одиночку могли и покончить с нею.

В монографии М.С. Чудаковой приводятся сведения по Ярославской охранке, которые позволяют заключить, что именно наружное наблюдение, а не внутренняя агентура давало большее количество выявленных жандармами революционеров и их связей. Однако, учитывая возросшие конспиративные меры и массовый отказ революционеров от дачи показаний, аресты на основе одних только данных наружного наблюдения могли столкнуться с отсутствием доказательной части обвинений, административные же меры наказания, которые возможно было применить в таком случае, в условиях нарождающегося массового революционного движения начала XX в. себя уже не оправдывали. Поэтому филерские сведения комбинировали с другими, среди которых особое внимание Департамент полиции уделял информации от внутренних агентов в революционных организациях. В период революционной борьбы 1905–1907 гг. и углубившегося административного кризиса Департамент полиции стремился убедить всех жандармских офицеров, что только наличие внутреннего агента позволяет контролировать революционную организацию.

Необходимость связать сведения центральной внутренней агентуры, под которой подразумевалась агентура, стоявшая близко к руководящим органам революционных организаций, и информацию периферийных охранных подразделений, а также координировать ликвидации региональных революционных групп вызвала появление районных охранных отделений. Структура эта носила выраженный экстраординарный характер, и ее создание напрямую было связано с активизацией революционного движения и необходимостью с ним скорейшими мерами покончить. Можно приводить многочисленные примеры успешных и масштабных ликвидационных операций районных охранных отделений против революционных организаций, однако необходимо учитывать, что эта структура формально была лишней в механизме политического сыска. Действуя втайне от местных полицейских сил, районная охранка в своих ликвидациих зачастую выкашивала и агентуру местных жандармов. Конфликт интересов между местными и районными руководителями сыска был особенно острым¹⁰, чему имеется большое количество фактов и многочисленные свидетельства самих жандармов. Поэтому с подавлением революционного движения и снижением уровня протестных выступлений районные охранные отделения были ликвидированы.

Дальнейшее реформирование охранки осуществлялось в условиях революционно-партийного кризиса и возрастающего массового протеста, что и отразилось в частичном сокращении агентуры, ликвидации ряда охранных отделений, обновлении руководства губернских жандармских управлений. Проекты объединения всех подразделений и видов правоохранительных органов в единую полицию и создание жандармской стражи, – подразделений, которые были бы приспособлены для противодействия массовым неповиновениям и призваны заменить собою казачьи и армейские части, применяемые в таких случаях, – не были осуществлены, хотя именно эти изменения были востребованы в условиях затянувшейся мировой войны и преддверии массовых волнений 1917 г. Таким образом, охранка справилась с партийным движением революционеров, успешно ликвидировала революционно-террористические проявления и обуздавала всплеск организационно оформленного экстремизма. Однако она не смогла, да формально и не была рассчитана на противодействие массовому взрыву социальной напряженности, который произошел в 1917 г.

Особое внимание в обеих монографиях уделено полицейской провокации, оценки которой до сих пор неоднозначны не только в историографии, но и в юриспруденции. Развернуто характеризуя специфику и методы провокации, отмечая неоднократные успехи тайных агентов в раскрытие революционных организаций, авторы критически оценивают эту методику охранной деятельности. М.С. Чудакова особенно уделяет внимание тому, что основанием провокации было противозаконное допущение к использованию в целях полицейской службы государственных преступников – революционеров. Подавляющее большинство внутренних агентов (по революционной терминологии – провокаторов), первоначально состояли в какой-либо антиправительственной организации, что уже ст. 102 Уголовного уложения трактовалось как преступление и каралось срочной или бессрочной каторгой. Охранка всевозможными способами и методами склоняла революционеров предавать свои партийные интересы, помогала избежать уголовной ответственности и, возвращая в ряды антиправительственных организаций, заставляла информировать о ее деятельности полицию. Таким образом, полицейская целесообразность становилась выше государственного закона, что не могло разлагающе не сказаться на самой службе, ее органах и служащих.

Ю.Ф. Овченко, проанализировав механику полицейской провокации, трактует ее как «оперативно-тактический прием, направленный на решение конкретных розыскных задач: создание недо-

стающих улик, выявление реальных и потенциальных противников режима, профилактику преступлений, проведение идеологических диверсий и т. д.»¹¹. Кроме того, «в условиях перехода правительства к политической реакции полиция применяла провокацию, благодаря которой получала возможность ускоренными темпами выявить своих врагов и осуществить над ними расправу»¹².

Ю.Ф. Овченко обращает внимание на то, что эта методика борьбы порождала естественные противоправные тенденции как среди самих правоохранителей, так и среди внедренных в революционную среду полицейских агентов. Не последнюю роль в распространении провокации играли корыстные и карьеристские интересы. Примеры преступной деятельности судейкиных, рачковских, комиссаровых, азефов, рыссов, богровых, малиновских не уникальны и впечатляют только своим высоким статусом. В провокационных целях не только оборудовались типографии и готовились покушения, но и создавались целые революционные организации. Так, в конце 1908 г. секретным сотрудником Московского охранного отделения И. Русановым, был «учинен единолично» «Союз народной мести». За два года вялотекущей деятельности, пока фиктивность «союза» не выяснилась, он издал несколько призывающих к террору прокламаций, выпустил программу и провел два «съезда». Подобная вымышленная анархистская организация «Союз десяти» была создана и агентом Воронежского губернского жандармского управления Ф. Шапошниковым и в течение нескольких месяцев 1911 г. держала в напряжении местных жандармов и администрацию.

Имеющихся в монографии Ю.Ф. Овченко примеров вполне достаточно, чтобы сложилось, как минимум, недоверие к деятельности секретной агентуры охраны.

М.С. Чудакова отмечает, что, несмотря на неоднократные требования и циркулярные распоряжения Департамента полиции, противоречивое отношение к внутренней агентуре в охране оставалось всегда, но справиться с революционными организациями в условиях бескомпромиссной борьбы 1905–1907 гг. иными мерами было весьма затруднительно. Периодически закрывая глаза на издержки метода и постоянно требуя соблюдать инструкции, Департамент полиции насаждал внутреннюю агентуру. После подавления революции и скандалов, связанных с провокаторством Е. Азефа и «делом А.А. Петрова», Департамент полиции ориентировал охранные подразделения на приобретение вспомогательной агентуры, которая состояла из полицейских агентов, не входящих в «преступные сообщества», не замешанных в «революционных

преступлениях», но имеющих возможности и умеющих отслеживать подозрительную информацию. М.С. Чудакова отмечает, что «активизация деятельности вспомогательной и сельской агентуры относится именно к послереволюционному периоду и датируется 1908–1910 годами» и число таких агентов было велико. К примеру, при Ярославском губернском жандармском управлении вспомогательных агентов было 49, в той же губернии по Романово-Борисоглебскому уезду значилось 42, а Мологскому – 28 агентов¹³.

Формирование «тотального контроля» становилось обычным явлением не только для жандармских подразделений. Так, в Нижнедевицком уезде Воронежской губ. обычный уездный исправник обзавелся 88 секретными сотрудниками, не состоявшими ни в одной революционной организации. Стоит отметить, что Департамент полиции настоятельно рекомендовал начальникам жандармских управлений более 10 вспомогательных агентов не иметь, а командир Отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковский в 1914 г. распорядится ликвидировать полицейских агентов в армии и средних учебных заведениях. Таким образом, налицо пример внутреннего противоречия полицейской системы, когда руководство предлагает одно, а исполнительный механизм выбирает иное. Этот же вывод делает М.С. Чудакова, критически характеризуя «процессы, происходившие собственно в системе органов сыска и государстве в целом», оценивая их как «тенденцию роста прав частей системы, которые постепенно становились больше прав целого»¹⁴.

Анализируя провокацию как оперативно-тактический метод противодействия революционному движению, Ю.Ф. Овченко пришел к убеждению, что и в основании самой идеи «полицейского социализма», разработанной начальником Московского охранного отделения С.В. Зубатовым (1892–1902 гг.), была заложена провокация, что выразилось в принятии ряда целенаправленных мер поддержки оппортунистических направлений в социал-демократическом движении и создании широкой сети легальных рабочих организаций. Таким образом, провокация была превращена в «метод идеологической диверсии»¹⁵.

Подробно анализируя ход общественно-политического движения и механику полицейского противодействия, отмечая различные формы революционной деятельности, объективно характеризуя массовые и наиболее распространенные формы революционной борьбы, оба автора придерживаются позиций советской историографии в оценке революционного терроризма. «Террористические акты, внешне эффективные и грозные, в какой-то сте-

пени усиливали кризис верхов, однако в значительной мере они не ускоряли, а тормозили революционное движение, отвлекая массы от политической борьбы и обрекая их тем самым на пассивность. К тому же вслед за террористическими актами следовали массовые аресты, ссылки и высылки не только эсеров, но и социал-демократов»¹⁶. М.С. Чудакова вообще старается не замечать террористические проявления. В позиции авторов и их трактовках революционного терроризма видно понимание этих актов только как эксцессов социально-политического экстремизма, авантюристических действий отдельных революционеров или тактической ошибки революционных партий.

Крупным достижением в изучении работы губернского аппарата тайного политического сыска стала новая монография Ю.Ф. Овченко¹⁷. Она настолько многопланова, что требует отдельного критического анализа, поэтому в настоящей статье мы затронем только несколько сюжетов, которые позволяют уточнить исследовательские позиции автора и конкретизировать положение вещей в некоторых аспектах полицейской службы.

Ю.Ф. Овченко последовательно и достаточно полно раскрывает содержание всех этапов правоохранительной деятельности, понимаемой как «политический розыск». Среди этих этапов им выделяются осведомительство, информационно-аналитическая разработка, «ликвидация», дознание и надзор. Автор анализирует не только содержание каждого этапа, но и компетенцию структур, отвечающих за осуществление этой деятельности. Так, осведомительством занимались агентура общей и политической полиции, официальные лица и учреждения, отдельные доносители, перлюстрация и другие органы. Как уже говорилось, власть стремилась расширить спектр этих структур, а осведомительными функциями наделить максимально возможное количество лиц и учреждений, от дворников и официантов до представителей управленческого персонала. Стоит заметить, что в условиях выраженного социально-политического кризиса и революционных потрясений 1905–1907 гг. самостоятельную инициативу в добывании и предоставлении всевозможного характера сведений о противоправительственной деятельности проявляли как отдельные подданные, так и должностные лица, специально не обязанные это делать. «Обширная информация проверялась, анализировалась и фиксировалась, что вело к формированию информационно-аналитической структуры в подразделениях центрального и местного аппарата российских органов безопасности»¹⁸.

Вслед за этим, как показывает Ю.Ф. Овченко, велась оперативная разработка поступающей информации, которой собственно и занимались структуры, уполномоченные правом: Департамент полиции, охранные отделения, губернские жандармские управления, жандармско-полицейские управления железных дорог.

Автор, применяя современное понятие оперативно-розыскной деятельности, дает детальную и полную характеристику таковой, осуществляемой губернскими жандармскими управлениями. На многочисленных конкретных примерах, с цитированием нормативных документов он освещает основные мероприятия, проводимые полицией: опрос, наведение справок, сравнительные исследования документов и вещественных доказательств, наблюдение, идентификация личности, обследование помещений, зданий, сооружений и территорий, контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, внедрение и оперативный эксперимент.

Информационно-аналитическая разработка Департаментом полиции осуществлялась средствами секретной агентуры, наружного (филерского) наблюдения и перлюстрации корреспонденции. Каждое из этих средств имело свою фактологическую ценность и значение, специфику использования, границы и характер поставляемой информации. В совокупности они давали достаточно объективное представление о «состоянии умов» в обществе. При необходимости и целенаправленном использовании именно эти средства помогали получить полную и исчерпывающую информацию о проблеме, революционной организации, конкретном человеке. Совокупность и анализ собранной информации позволяла полиции приступить к «ликвидации», в ходе которой осуществлялось дознание. Как отмечает Ю.Ф. Овченко, особенностью дознания в Российской империи было то, что в порядке ст. 1035 Установления Уголовного Судопроизводства оно производилось в губернских жандармских управлениях, а «переписка», под которой понимался сбор фактических компрометирующих и «виновных» материалов для возбуждения дознания и передачи дела в суд, в порядке 21 ст. Положения об охране оставалась за Департаментом полиции. В общий комплекс «политического сыска», помимо перечисленных этапов, Ю.Ф. Овченко включает и надзор за отбывающими наказание политическими преступниками. Осуществление этого этапа являлось обязанностью общей полиции и выражалось в контроле над поднадзорными, их поведении, контактах, передвижении и пр.

В своем исследовании Ю.Ф. Овченко подробно раскрывает, что единого взгляда на «политический розыск» даже в руководстве Департамента полиции не существовало. Автор отмечает, как и под воздействием чего менялось представление правоохранительных структур, руководства и отдельных чиновников на содержание и понятие «политический розыск». Как заключает автор, только у «более дальновидных охранников» усматривался «планомерный, хорошо продуманный план действий, направленных на выявление, фиксацию, разработку и оперативную реализацию данных»¹⁹.

Важным нововведением, помимо общеупотребительного термина «провокация» и примененного к характеристике зубатовщины понятия «идеологическая диверсия», является использование понятия «оперативный эксперимент», под которым автором понимается следующее: «моделирование условий, показывающих истинные цели и намерения разрабатываемого. Создаваемые полицией условия полностью контролируются и управляются, что исключает преступление»²⁰. Таким образом, Ю.Ф. Овченко логически связал эти три понятия – оперативный эксперимент, идеологическая диверсия и провокация – в единый комплекс, который позволяет лучше понять проблему «полицейской провокации», представить ее нюансы с точки зрения жандармов. В конечном итоге, такое понимание «провокации» дает основание говорить о появлении нового метода административного управления в условиях предкризисной и кризисной ситуации.

Автор неоднократно отмечает, что действия Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции нередко были не согласованы, что приводило к параллелизму, излишней конспиративности, громоздкости информационных служб и низкой оперативности в обмене информацией: «трения и конфликты между полицейскими подразделениями тормозили розыск, создавали волокиту»²¹, «между жандармерией и полицией не было четкого взаимодействия, что создавало благоприятные условия революционерам для подпольной работы»²².

Эти верные утверждения можно трактовать значительно шире, применяя ко всей управленческой системе империи, ибо административного взаимодействия не было и между ведомствами. Так, известный эсер М. Вишняк, объявленный в розыск Департаментом полиции, при всем при этом беспрепятственно поступил в университет, затем совершенно легально лечился в военном госпитале, был признан годным к военной службе и направлен в воинское присутствие. Получив годовую отсрочку, он поступил на

службу помощником присяжного поверенного. Спустя некоторое время М. Вишняк по чужому заграничному паспорту благополучно покинул Россию.

Данное положение вещей возможно было лишь при отсутствии взаимодействия между ведомствами и плохо организованной паспортной системе. И хотя Ю.Ф. Овченко детально и последовательно характеризует этапы становления паспортной и регистрационной систем в России, возможности их использования в целях политического сыска и механизмы надзорного контроля²³, у нас имеется достаточно свидетельств со стороны представителей противоположного лагеря, которые позволяют говорить о слабой продуктивности этих механизмов.

Таким образом, проделанная Ю.Ф. Овченко и М.С. Чудаковой большая исследовательская работа по изучению деятельности губернского аппарата политической полиции позволяет сделать выводы о неготовности органов политического сыска противодействовать революционному движению. Несмотря на совершенствование методов розыскной работы, на многочисленные успешные операции и большое количество ликвидированных революционных групп и арестованных революционеров, в целом учреждения политического сыска по многим параметрам и аспектам оказались не готовы к противостоянию революции. Наиболее очевидно это проявилось в структурном дублировании полицейских функций, взаимном недоверии, ведомственном соперничестве, несогласованности в работе центрального и губернских аппаратов политического сыска.

Примечания

- 1 *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XIII веке. М., 1999; *Он же.* Русская пытка: Политический сыск в России XVIII века. СПб., 2004; *Курукин И.В., Никулина Е.А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008.
- 2 *Карпенко С.В.* Михаил Хрущов, Степан Шешковский и «преображень» Тайной канцелярии в Тайную экспедицию // Новый исторический вестник. 2010. № 2 (24). С. 58–109; № 3 (25). С. 57–94; *Он же.* Михаил Хрущов, Степан Шешковский и «преображень» Тайной канцелярии в Тайную экспедицию (1762–1764 гг.) // «Новый исторический вестник» к 80-летию МГИАИ-РГГУ: Избранное, 2005–2010. М., 2011. С. 89–194.
- 3 *Карпенко С.В.* Михаил Хрущов, Степан Шешковский и «преображень» Тайной канцелярии в Тайную экспедицию // Новый исторический вестник. 2010. № 2 (24). С. 64–78, 87–88, 98–102.

- ⁴ *Пелевин Ю.А.* Степан Халтурин, «Народная воля» и покушение на Александра II в Зимнем дворце // Новый исторический вестник. 2011. № 1 (27). С. 73–89.
- ⁵ *Квасов О.Н.* Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья, 1901–1911 годы // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 93–103; *Он же.* Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.). Воронеж, 2005; *Он же.* Развитие террористических тенденций в российском революционном движении начала XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 5. С. 98–101; *Он же.* Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 2. Июль–декабрь. С. 24–32; *Он же.* Мария Федорова – террористка и жертва террора // Новый исторический вестник. 2011. № 1 (27). С. 89–104; *Он же.* Мария Федорова – террористка и жертва террора (1908 г.) // «Новый исторический вестник» к 80-летию МГИАИ-РГГУ. С. 195–212; *Он же.* Источники изучения проблемы терроризма в начале XX в. // Вестник архивиста. 2011. № 3 (сентябрь). С. 47–54; *Он же.* Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 165–172; *Он же.* Националистические аспекты российского терроризма начала XX в. // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 6. С. 206–215.
- ⁶ *Чудакова М.С.* Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. Ярославль, 2003.
- ⁷ *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. М., 2010.
- ⁸ *Овченко Ю.Ф.* Полицейская реформа В.К. Плеве // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 153–157; *Он же.* Московская «охранка» на рубеже веков // Отечественная история. 1993. № 3. С. 193–201; *Он же.* Провокация на службе охранки // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 28–45; *Чудакова М.С.* Секретная агентура Департамента полиции (1907–1917 гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С. 22–34.
- ⁹ *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. С. 69.
- ¹⁰ *Чудакова М.С.* Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. С. 171, 180.
- ¹¹ *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. С. 10.
- ¹² Там же. С. 92.
- ¹³ *Чудакова М.С.* Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. С. 130, 176.
- ¹⁴ Там же. С. 18.
- ¹⁵ *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. С. 135.
- ¹⁶ Там же. С. 89.

- 17 *Овченко Ю.Ф.* Безопасность империи: Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880–1917 гг. М., 2012.
- 18 Там же. С. 311.
- 19 Там же. С. 312.
- 20 Там же. С. 313.
- 21 Там же. С. 136.
- 22 Там же. С. 109.
- 23 Там же. С. 122–136.

Е.М. Смирнова

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
О РАЗВИТИИ МЕДИЦИНЫ
И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье обозревается новая отечественная литература по истории российской медицины и здравоохранения XVIII – начала XX в. Выявляется проблематика научных монографий и научно-популярных книг, характеризуется их источниковая база, определяется степень новизны и научная значимость. Делается вывод, что специалисты уделяют преимущественное внимание военной и земской медицине, «медицинской истории» С.-Петербурга и Москвы, судьбе ведущих медицинских учреждений и личностям известных российских медиков.

Ключевые слова: Российская империя, С.-Петербург, Москва, здравоохранение, придворная медицина, военная медицина, земская медицина, медики, историография.

История медицины традиционно разрабатывалась преимущественно медиками. В последнее время к работе в этой области все чаще подключаются профессиональные историки. Тематический спектр исследований весьма разнообразен: в истории медицины России дореволюционного периода привлекают внимание государственная политика в области здравоохранения, лечебные и образовательные учреждения, региональное здравоохранение, персоналии. Относительно недавно получила развитие тема «Медицина и власть»: лечение носителей высшей власти, влияние их здоровья на судьбы государства¹.

В 2008 г. вышло прекрасно оформленное фундаментальное исследование «Медицина и императорская власть в России»². Книгу подготовил коллектив авторов – историков, архивистов, медиков: И.В. Зимин, А.Р. Соколов, С.П. Миронов и другие. Монография, охватывая период деятельности Придворной медицинской части

Министерства императорского двора, реконструирует историю ведомств, отвечавших за здоровье и медицинское обеспечение первых лиц государства, и «медицинскую историю» российского императорского двора. Авторы убедительно доказывают, что при наличии персонифицированной высшей власти состояние здоровья монарха – важный фактор политической жизни, иногда фатально влияющий на исторический процесс.

Источниковедческая база монографии исключительно обширна: секретные архивные материалы, эпистолярные источники, дневники, мемуарная литература, периодика. Многие документы впервые введены в научный оборот, и их ценность для исследователей не исчерпывается данной темой.

Тему придворной медицины плодотворно разрабатывает Б.А. Нахапетов³. В 2007 г. вышла в свет его книга «Врачебные тайны Дома Романовых»⁴. Первая часть монографии, написанной на основе широкого круга архивных и литературных источников, «Власть и здоровье» посвящена истории придворной медицины. Автор выделяет этапы в развитии этого института, отслеживает постепенное преобразование придворного учреждения (Аптекарского приказа) в общегосударственное, затем его обособление и оформление в виде Придворной медицинской части Министерства императорского двора (1843 г.). Б.А. Нахапетов подробно излагает истории болезней императоров. Профессиональный подход позволил автору проанализировать с современной точки зрения диагнозы, поставленные лейб-медиками, оценить деятельность придворных врачей с учетом весьма ограниченных возможностей медицины XVIII–XIX вв., выявить врачебные ошибки. На основании современных представлений о танатогенезе подробно рассматриваются различные версии причин смерти Петра I, Александра I, Николая I, Александра III.

Вторая часть исследования посвящена придворным медикам – элите врачебного сословия. Б.А. Нахапетов дает общую характеристику этой профессиональной группе, фиксируя при этом и постепенное повышение социального статуса придворного врача, и формирование его особых личностных качеств в процессе общения с представителями высшего эшелона власти, вклад в развитие отечественной медицины и здравоохранения. В этот раздел включены биографии лейб-медиков Р. Эрскина, Н. Бидлоо, Я.В. Виллие, С.П., С.С. и Е.С. Боткиных и других. Собранный материал позволил составить список лейб-медиков, включающий около 200 фамилий. Обращает на себя внимание стремление автора восстановить историческую справедливость: деятельность при-

дворных врачей либо замалчивалась, либо получала негативную оценку, обусловленную идеологическими подходами, отношением к институту самодержавия.

Последнее десятилетие отмечено выходом фундаментальных работ по истории медицины С.-Петербурга и Москвы.

К 300-летию С.-Петербурга был приурочен выпуск «Истории медицины Санкт-Петербурга XVIII в.»⁵, написанной А.А. Будко и А.В. Шабуниним. Статьи А.А. Будко по истории медицины бывшей столицы империи вошли и в другое юбилейное издание – «Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия»⁶. Его «История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в.», опубликованная в 2010 г.⁷, развивает эту тему.

А.А. Будко, основываясь на документальном материале и большом массиве исследований, показал, как С.-Петербург на протяжении XIX в. постепенно превратился в один из центров мировой научной и практической медицины. Именно здесь значительно раньше, чем в других странах Европы, в клиническую практику были внедрены методы физического обследования больных. Со столицей империи связаны жизнь и деятельность корифеев российской медицины Н.И. Пирогова, С.П. Боткина, всемирно известных физиологов И.М. Сеченова и И.П. Павлова и многих других.

Значительное внимание уделено военной медицине⁸: С.-Петербург являлся главным центром организации медицинского обеспечения армии и флота. Военная медицина активно участвовала в становлении и развитии гражданского здравоохранения: при организации медицинской помощи горожанам использовался опыт работы военных госпиталей, территориальный принцип обслуживания, сочетание лечебной, санитарно-гигиенической и противоэпидемической деятельности, научные разработки.

В монографии всесторонне рассматривается «медицинская жизнь» С.-Петербурга: военная, гражданская и придворная медицина, медицинская благотворительность и организация первых в России общин сестер милосердия, роль медицинских обществ, медицинской периодики и медицинских музеев, деятельность известных врачей. Автор проследил развитие системы медицинского образования, при этом особое внимание уделил Императорской медико-хирургической академии и Женскому медицинскому институту.

Богатый фактический материал, в том числе и ранее неизвестный (например, сведения о первом хирургическом обществе), представляет собой не только исторический интерес.

Сборник «Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству» задуман как многотомное издание, адресованное массовой аудитории. В 2010 г. вышла в свет 1-я книга 1-го тома⁹, охватывающая XVIII – начало XIX в. В ее подготовке приняли участие специалисты, представляющие различные отрасли науки: медики, историки, искусствоведы. Среди них известные историки медицины – А.А. Будко, М.Б. Мирский, В.О. Самойлов. Подробно рассмотрена история открытия Московского госпиталя, исчерпывающе проанализированы направления его работы, деятельность выдающихся отечественных медиков, связанных с Московским госпиталем, некоторые аспекты истории военной медицины. Использован богатый фактический материал, в основном имеющихся специальных исследований, не известных или мало известным массовому читателю.

Книга состоит из 28 глав, точнее статей, разных авторов, объединенных общей темой (а в некоторых случаях и выходящих за ее рамки). Видимо, этим обстоятельством объясняется дублирование ряда сюжетов. Так, неоднократно излагаются история строительства госпиталя, учреждения госпитальной школы и организации учебного процесса, биографии Н. Бидлоо, Л.Л. Блюментроста, П.З. Кондоиди и других. Обращают на себя внимание некоторые неточности. Так, М.Б. Мирский датирует учреждение Аптекарского приказа 1581 г.¹⁰, тогда как в следующей статье искусствоведы С.И. Баранова и Л.П. Колесникова относят создание приказа к началу XVII в.¹¹ У историков медицины нет на этот счет единого мнения, и это надо было бы объяснить читателю. Л.Е. Горелова, подводя итоги развития медицинского образования в XVIII в., пишет: «Таким образом, к началу XIX в. подготовка врачебных кадров осуществлялась на базе медико-хирургических академий и медицинских факультетов университетов». И далее: «...Задача медицинских факультетов университетов заключалась...»¹² Однако хорошо известно: в XVIII в. врачей готовил только Московский университет. Дерптский, Казанский и другие были открыты уже в XIX в.

В 2010 г. в России широко отмечался 200-летний юбилей Н.И. Пирогова (1810–1881). Библиография Н.И. Пирогова, насчитывает свыше трех тысяч статей, монографий, диссертаций, художественных произведений. К памятной дате было приурочено издание новых работ.

Специалисты Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова (бывшей Медико-хирургической академии), с которой связан наиболее важный и плодотворный период в жизни Пирогова,

тщательно исследуют его жизнь и научное наследие, стремясь сохранить в памяти потомков его образ. В начале 1990-х годов коллектив сотрудников академии приступил к работе над «Пироговской энциклопедией». Подготовленные исследования составили сборник «Николай Иванович Пирогов. Очерки жизни и творчества»¹³.

Документальной основой исследований послужило научное, педагогическое и мемуарное наследие Пирогова. Авторы сборника стремились к всестороннему освещению жизни и деятельности этого выдающегося ученого, хирурга, администратора, педагога, общественного деятеля, мыслителя. Они отмечают прежде всего новаторство, многогранность гения Пирогова, его высокие личные качества, интуицию и наблюдательность исследователя. Читатель убеждается, что идеи Пирогова не утратили познавательного практического значения, например, в области военно-полевой хирургии и военно-медицинского законодательства. Актуальны как никогда его мысли о значении нравственного воспитания молодого поколения.

Под перекрестным вниманием авторов, анализирующих различные стороны деятельности Пирогова, зачастую оказываются одни и те же сюжеты: преподавание в Дерптском университете, создание анатомического института и кафедры при Медико-хирургической академии, изучение применения наркоза, разработка положений военно-полевой хирургии. И хотя авторы (Е.И. Веселов, О.С. Лобастов, И.Ф. Гайворонский, Н.Ф. Фомин, С.А. Повзун, С.М. Герасимов, Е.К. Гуманенко, В.С. Антипенко, Н.Д. Тынянкин и другие) стремились добавить новые детали, найти новые яркие штрихи, повторов избежать не удалось.

Более значительный интерес представляют очерки, посвященные слабо изученным сторонам и эпизодам жизни и творчества Пирогова. Это, прежде всего, работы В.О. Самойлова («Физиологические основы врачебной деятельности Н.И. Пирогова»), А.В. Шабунина и Г.А. Грибовской («Участие Н.И. Пирогова в работе Медицинского совета Министерства внутренних дел Российской империи» и «Пироговский кружок и его роль в истории отечественной медицины»). В.И. Погорелов («Мировоззрение Н.И. Пирогова») подводит черту под длившейся более века дискуссией о философских и религиозных взглядах Пирогова, когда и представители материалистического направления отечественной философии, и апологеты официального православия зачисляли великого ученого в свои ряды. Автор приходит к выводу, что «дефицит духовности в обществе, кризис морали, обострение гло-

бальных проблем вновь поставили в повестку дня идею Н.И. Пирогова о необходимости союза религии и естествознания»¹⁴.

Не все работы, включенные в сборник, выполнены на достойном научном уровне.

Так, слаба попытка анализа педагогических идей Пирогова в очерке В.И. Буравцова и С.В. Тучина о педагогической деятельности Н.И. Пирогова¹⁵. Авторы, указывая на их актуальность, в то же время предоставляют читателю самому домысливать, в чем именно эта актуальность состоит. Работу отличает поверхностная, вне исторического контекста трактовка событий, пространное цитирование, отсутствие научно-справочного аппарата.

В очерке И.С. Захарова «Отношение Н.И. Пирогова к крестьянской реформе 1861 года» обнаруживается недостаток базовых исторических знаний у автора, в первую очередь содержания реформы, проблем ее реализации. Основной источник, на который опирается автор – «Вопросы жизни. Дневник старого врача». Записи, датируемые февралем 1880 г. и мартом 1881 г. (именно на них чаще всего ссылается И.С. Захаров), – это размышления Пирогова о государстве, об отношениях власти и общества и необходимости культурного развития общества как условия социального прогресса. То есть вопросы, которые поднимает Пирогов, гораздо шире, чем это представляет себе автор. Необоснованным представляется выделение Захаровым трех этапов эволюции взглядов Пирогова на реформу 1861 г.¹⁶: речь идет о его оценке различных аспектов социального реформирования в России.

Перу А.С. Киселева принадлежит новый биографический труд о Пирогове¹⁷. В книге подробно отражены жизненный путь Пирогова, духовное и нравственное развитие, долгие и трудные поиски религиозно-мировоззренческих ориентиров, описана среда, в которой он вращался. В центре повествования – профессиональная деятельность Пирогова, ученого, практикующего хирурга, администратора и педагога. Автор анализирует причины конфликтных ситуаций и действие тайных пружин, которые вынудили Пирогова покинуть Медико-хирургическую академию и, в конечном счете, привели к увольнению с государственной службы. Автору удалось показать масштабность и многогранность личности одного из корифеев российской медицины. Книга А.С. Киселева – добротное обобщение всего ранее написанного о Пирогове.

Последние годы отмечены выходом целого ряда работ биографического характера, что свидетельствует о повышенном интересе исследователей – медиков и историков – к выдающимся деятелям российской медицины в «человеческом измерении». Общим для

работ по этой тематике является стремление поместить своего героя в реальный культурно-исторический контекст, познакомить читателя с его окружением, понять его внутренний мир, дать морально-нравственную оценку его личности. В научный оборот вводятся неизвестные или не привлекавшие ранее внимания материалы: частная переписка, мемуары, публицистика, фотодокументы.

Внимание, в первую очередь, привлекает книга А.А. Будко и А.В. Шабунина о С.П. Боткине¹⁸.

Научная, врачебная, педагогическая и общественно-благотворительная деятельность создателя крупнейшей отечественной школы терапевтов, профессора Императорской медико-хирургической академии (с 1881 г. – Военно-медицинской академии), гуманиста и патриота хорошо изучена. Менее известна частная жизнь, взаимоотношения с коллегами, друзьями, работа в качестве лейб-медика императорского двора. Авторы восполняют этот пробел, уделяя в то же время должное внимание оценке научно-практического наследия Боткина. Широко привлекаются архивные источники: письма самого Сергея Петровича, членов его семьи, соратников, учеников. Главы исследования посвящены родословной талантливой семье Боткиных, оставившей яркий след в истории русской культуры, основным вехам биографии великого терапевта. Подробно освещается академическая жизнь, борьба между «немецкой» и «русской» партиями (Боткин возглавлял «русскую» партию). Авторы обращают внимание на многосторонний характер деятельности Боткина: работа в академической клинике, в Медицинском совете (МВД), в Георгиевской общине сестер милосердия, в качестве гласного С.-Петербургской городской думы и лейб-медика императорского двора (Боткин был удостоен этого почетного звания первым из русских по происхождению врачей). В 1886 г. он возглавил Комиссию по оздоровлению России при Медицинском совете («Боткинская комиссия»). Авторы отмечают высокий авторитет Боткина в медицинском мире: он был членом многих отечественных и зарубежных медицинских обществ.

Отдельная глава посвящена знаменитым пациентам, среди которых, помимо Александра II и императрицы Марии Александровны, были его коллеги, в частности Я.А. Чистович и В.Л. Грубер, выдающиеся деятели науки и культуры – И.И. Шишкин, Ф.И. Тютчев, Н.А. Некрасов, В.В. Стасов, А.Ф. Кони, Д.И. Менделеев и многие другие. Многогранная личность выдающегося российского ученого и врача во всей полноте раскрывается на фоне широкой панорамы общественной и культурной жизни С.-Петер-

бурга, в которую вписывались музыкальные вечера у Боткина (их посещали М.А. Балакирев, А.П. Бородин, А.Г. Рубинштейн, И.П. Павлов), а также характеристик его друзей – Н.А. Белоголового (однокурсника и первого биографа Боткина), И.М. Сеченова, Э.А. Юнге, Е.В. Пеликана.

Личность Боткина выписана ярко, особенно его поразительное трудолюбие, любовь к людям, бескорыстие, готовность к самопожертвованию, нравственная сила. Книга, заявленная как научно-учебное издание, увлекательно написана. Своим исследованием о Боткине авторы подтвердили, что «каждое поколение находило в нем воплощение своих представлений об идеальном “Враче будущего”»¹⁹.

Высокие нравственные качества С.П. Боткина проявились в его детях. Самопожертвование стало смыслом жизни лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина (1865–1918). Интерес к этой незаурядной личности связан с переосмыслением событий начала XX в., что проявилось в сборнике «Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина»²⁰. Сборник открывается очерком составителя О.Т. Ковалевской о Е.С. Боткине, добровольно разделившем трагическую участь царской семьи, и его дочери Татьяне Евгеньевне, посвятившей свою жизнь сохранению памяти об отце и семье Романовых. Центральное место занимают воспоминания Татьяны Евгеньевны Боткиной-Мельник (1898–1986). Мемуары прошли долгий путь к российскому читателю. В 1980 г. книга увидела свет во Франции, ее русский перевод многие годы в единственном экземпляре ходил по рукам. Публикация стала возможной лишь в наши дни.

Воспоминания Т.Е. Боткиной охватывают период жизни с отцом в Царском Селе и полное испытаний и тяжелых предчувствий пребывание в Тобольске, куда последовала за отцом 19-летняя Татьяна – до прощальной встречи с отцом. Его после отказа покинуть царскую семью отправили вместе с Романовыми в Екатеринбург. На фоне трагических событий эпохи вырисовывается скромная, цельная, нравственно высокая личность, для которой честь, верность присяге, врачебному долгу, царской семье значили больше, чем собственная жизнь. В книгу вошли письма Е.С. Боткина к детям и брату, П.С. Боткину. Многие документы и фотографии опубликованы впервые.

К 110-летию Санкт-Петербургского государственного университета физической культуры им. П.Ф. Лесгафта была выпущена книга В.А. Таймазова «Петр Францевич Лесгафт (1837–1909). История жизни и деятельности», написанная в соавторстве

с Ю.Ф. Курамшиным и А.Т. Марьяновичем²¹. В основу работы положены документы ЦГИА Санкт-Петербурга, письма коллег и друзей. Используются ранее не известные материалы, связанные с деятельностью основанного Лесгафтом Общества содействия физическому развитию. Аскет и бесребреник, деятельный гуманист, талантливый педагог и ученый, выступавший против заблуждений и рутины, – таким мы видим основателя научной системы физического воспитания в России Лесгафта на страницах книги.

В совершенно ином свете предстает другая знаковая фигура медицинского мира России XIX в. Речь идет о книге В.Д. Тополянского «Доктор Захарьин: легенды и реальность. Антология»²². Автор, известный врач, историк и публицист, пытается найти в прошлом причины кризисных явлений в духовной жизни современного общества, затронувших и сферу медицины: эрозии гуманистических идеалов и коммерциализации. По мнению Тополянского, у истоков этих явлений стоял Григорий Антонович Захарьин (1830–1897), профессор Московского университета, основатель одной из научных терапевтических школ. «Антология» состоит из трех частей.

В первой («Суждения современников») собраны воспоминания бывших студентов (Н.Ф. Голубова, П.Ф. Филатова и др.): единодушно отмечается «талантливость и сила ума» Г.А. Захарьина, «блестящего преподавателя и несравненного врача-практика». Сюда же включены свидетельства тех, кому случилось непосредственно оценить его врачебное мастерство.

Вторую часть («Глава Московской клинической школы») составили публикации единомышленников и оппонентов Захарьина. Если первые (например, профессор Дерптского университета С.М. Васильев) видят в Захарьине гениального клинициста и блестящего практика, то вторые, высоко ставя Захарьина-клинициста, оценивают его с точки зрения норм врачебной этики. Известный деятель земской медицины и публицист Д.Н. Жбанков (в «Антологии» помещены три его статьи) подводит черту под полемикой вокруг личности Захарьина, развернувшейся в медицинской прессе, и констатирует нравственную деградацию профессора, смотревшего на свои знания «как на доходную лавочку»²³.

В третьей части («Жизненный путь») В.Д. Тополянский выступает в качестве автора. На основе многочисленных свидетельств современников и фактов биографии Захарьина он не только обвиняет знаменитого врача в алчности, отказывает ему в отзывчивости и сострадании («он был способен лишь имитировать

милосердие»), но и критикует его диагностический метод (получивший, кстати, международное признание): «Захарьин выступал фактически в роли государственного чиновника, облеченного властью и наделенного правом снимать необходимые для клинического следствия показания»²⁴. Не скрывая своего негативного отношения к Захарьину, считая его «носителем зла», В.Д. Тополянский попутно отрицает и его вклад в науку.

Напротив, В.И. Бородулин пишет о Захарьине как о «самой удивительной, загадочной фигуре в истории отечественной клиники внутренних болезней», о «поразительной противоречивости» его характера, которой «не переставали изумляться писавшие о нем современники и историки»²⁵.

Биобиблиография российской медицины пополнилась двумя работами Л.Б. Лазебника и В.С. Беляевой. Их книга «Российские терапевты»²⁶ – персонифицированная история отечественной медицины, медицинского образования и ведущих терапевтических школ. Авторы использовали материалы научных изданий, публицистику, документальные источники. В книге представлены биографии медиков XVIII–XIX вв. Авторы не ставили перед собой исследовательских задач, обошли «острые углы» (например, вопрос о дате открытия медицинского факультета Московского университета, спорные оценки Г.А. Захарьина).

Перу этих же авторов принадлежит другое популярное издание – биография Ф.П. Гааза (1780–1853)²⁷, одной из самых обаятельных личностей в истории российской медицины. Немец, католик, он с 1806 г. находился на русской службе. Будучи членом Московского губернского тюремного комитета и главным врачом московских тюрем, Гааз приобрел репутацию «святого доктора». Отказавшись от личного благополучия, врач посвятил свою жизнь самоотверженному и бескорыстному служению ближнему. Подвижническая деятельность Гааза, которую питала вера, была направлена на облегчение участи заключенных, сохранение их человеческого достоинства, поддержание духа, здоровья и оказание медицинской помощи. В книге собран известный материал о Гаазе, которого авторы показывают через видение его современников – В.А. Жуковского, А.И. Герцена, А.Ф. Кони и других. Специальная глава посвящена собственно медицинским и религиозно-философским взглядам врача. Девиз «святого доктора» – «Спешите делать добро» – звучит особенно актуально сегодня, когда мы испытываем острый дефицит человечности.

Поиски оптимальных путей развития здравоохранения в современной России побуждают исследователей обращаться к исто-

рическому опыту, искать в прошлом ответы на актуальные вопросы дня сегодняшнего. Этим, на наш взгляд, объясняется появление в последние годы работ, посвященных анализу политики российского государства в сфере «охранения народного здоровья» в XVIII – начале XX в. Предметом исследований становятся создание и развитие системы здравоохранения, правовое обеспечение, деятельность центральных и местных органов государственной власти, органов местного самоуправления. Внимание к теме представляется тем более своевременным и обоснованным, что в отечественной историографии нет фундаментальных работ, которые бы всесторонне рассматривали эволюцию государственной политики в данной области.

Работа А.Н. Пищита и Н.Г. Гончарова о правовом регулировании здравоохранения в России, охватывающая весь период существования российской государственности, содержит краткий обзор основных нормативно-законодательных актов и конкретных организационно-правовых форм управления здравоохранением²⁸.

Монография Н.И. Пристансковой о правовом регулировании врачебно-санитарной деятельности в Российской империи²⁹ представляет собой исследование нормативно-правовой базы медицинской деятельности, процесса формирования и развития системы органов управления здравоохранением. Хронологические рамки исследования – 1830–1917 гг. Выбор точки отсчета – 1830 г. (завершение работы над Полным собранием законов и Сводом законов Российской империи), на наш взгляд, неоправдан. За рамками исследования остался период становления государственной системы управления здравоохранением в XVIII в. и ее реформирования в конце XVIII – начале XIX в. Автор обходит молчанием основные элементы системы: Медицинский департамент (до 1803 г. – Медицинская коллегия) и канцелярия Генерал-штаб-доктора по гражданской части в составе Министерства внутренних дел (в 1810–1819 гг. – Министерства полиции), врачебная управа – именно эти органы управляли гражданской медициной, а не приказы общественного призрения, как ошибочно полагает автор. В перечне министерств, которые ведали здравоохранением, не упоминается, в частности, Министерство государственных имуществ. Между тем это министерство в 1840–1850-е годы в рамках реформы управления государственными крестьянами создало для них особую «медицинскую часть».

Анализируя пореформенный период, Н.И. Пристанскова ограничивается рассмотрением роли земских учреждений (и отчасти

городских самоуправлений) в организации медицинской помощи населению, ее форм, достижений земской медицины, отраженных в приведенном статистическом материале, и значения. Однако земская медицина не заменяла собой государственную организацию здравоохранения, к тому же земское положение распространялось только на 34 губернии империи. Вопрос о нормативно-правовом регулировании отношений между земскими учреждениями и местной администрацией в сфере здравоохранения, о разделении функций между земскими медицинскими структурами и врачебным отделением губернского правления, под контролем которого они функционировали, не рассматривается. Как была организована медицинская помощь населению в губерниях, где отсутствовало земство, на какой правовой основе – об этом не сказано ни слова.

Нельзя согласиться с предложенной автором периодизацией развития врачебно-санитарного законодательства³⁰: она сделана по различным основаниям. Выделение первого (начало XIX в. – 1832 г.) и третьего (1864–1890 гг.) этапов не обусловлено развитием нормативно-правовой базы здравоохранения: первый этап автор связывает с завершением работы по кодификации российского законодательства (к тому же сам этот этап не рассматривается в монографии). Третий этап характеризуется как период «зарождения и становления» земской медицины (но не ее нормативно-правовой базы). Выделение второго (1832–1865 гг.) и четвертого (1890–1917 гг.) этапов определяется изменениями законодательной базы, при этом содержание второго этапа, по мнению автора, – становление врачебно-санитарного законодательства и органов управления государственной медицины, что не соответствует действительности (эти процессы происходили в течение XVIII в.).

За последние годы вышли также работы, в которых история медицины соединена с литературоведением.

Так, М.Я. Каган-Пономарев в книге «Литераторы-врачи: очерки и подходы» исследует специфические черты творчества врачей-писателей (А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова и других)³¹.

В «Медицинской карте М.Ю. Лермонтова» Б.А. Нахапетова³² страницы биографии поэта рассмотрены через «очки» врача-клинициста. Изучен контекст разнообразных взаимосвязей Лермонтова с людьми из мира медицины, что нашло отражение в его творчестве, – доктором Н.В. Мейером, Н.Ф. Арндтом, И.Е. Дядьковским и другими. Показано, что родоначальника психологического

реализма интересовала взаимосвязь душевного и физического здоровья его героев как фактора, определяющего их поступки.

На региональном уровне историю медицины активно изучали местные историки, медики, краеведы. Их книги, как правило, отличаются стремлением к популярности изложения и разнообразием тематики (реконструкция истории здравоохранения края и лечебных учреждений, биографии видных врачей и т. д.). Некоторые работы представляют собой попытку научного анализа проблем общероссийского масштаба: становление и развитие системы медицинского обслуживания населения и становление земской медицины³³.

За последние годы три монографии опубликовала исследователь из Курска Н.Н. Коротева³⁴. Всем им свойственны серьезные недоработки и недостатки. Так, для книги «Государственная политика в сфере российской фармации XVI – начала XX в.» характерны непонимание автором многообразных факторов и логики развития аптечного дела, рассмотрение его вне связи с развитием медицины и здравоохранения, ошибочная периодизация истории аптечного дела, отсутствие анализа правовой базы аптечной деятельности, обширное изложение хрестоматийного материала, давно введенного в научный оборот историками медицины. Подробно недоработки и недостатки этой монографии были рассмотрены нами в другой статье³⁵.

Обзор исторической литературы о развитии медицины и здравоохранения в Российской империи, опубликованной в последние годы, приводит к выводу, что основная работа ведется по традиционным направлениям: военная и земская медицина, «медицинская история» обеих столиц, научные медицинские школы, ведущие медицинские учреждения, персоналии. Усилия специалистов, в первую очередь профессиональных медиков, сконцентрированы на поиске и введении в научный оборот новых документов, ликвидации остающихся «белых пятен», обобщении и популяризации результатов исследований.

Медицина естественным образом связана с многовековой историей России. Она является важной составляющей политической, социальной и культурной жизни общества. На этом широком поле открываются возможности новых подходов, расширяются тематические горизонты. Показательна в этом отношении разработка темы медицинского образования, которая удачно вписывается исследователями в конкретно-исторический контекст. Пример – монография И.В. Зимина о подготовке медицинских кадров в XIX – начале XX в.³⁶ Ее логическое продолжение – изу-

чение противоречивого процесса становления и развития советской системы высшего медицинского образования в работах Н.Т. Ерегиной³⁷.

Подключение к изучению общей и частной истории медицины специалистов, работающих в разных отраслях гуманитарных наук, в первую очередь профессиональных историков, открывает многообещающие перспективы.

Примечания

- ¹ *Миронов С.П., Перов Ю.Л., Цветков В.М., Ястребов В.М.* Кремлевская медицина (От истоков до наших дней). М., 1997; *Зимин И.В.* Медики и самодержцы: загадка смерти Николая I // Отечественная история. 2001. № 4; *Он же.* Император Александр II 1 марта 1881 года // Отечественная история. 2001. № 5; *Он же.* Деятельность придворной медицинской части Министерства Императорского двора: 1843–1917 гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2002. № 3; *Зимин И.В., Лукичев Б.Г., Клечиков В.З.* История болезни и смерти Императора Александра III // Нефрология. 2002. № 2.
- ² Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века. М., 2008.
- ³ *Наханетов Б.А.* В попечении о государевом здравии (Лейб-медики российских императоров). М., 2003; *Он же.* Тайны врачей дома Романовых. М., 2011; *Он же.* Лейб-медики российских императоров // Вопросы истории. 2000. № 1; *Он же.* Придворная медицинская часть в России, XIX век // Вопросы истории. 2002. № 8; *Он же.* Последний лейб-медик Российской империи // Вопросы истории. 2003. № 9.
- ⁴ *Наханетов Б.А.* Врачебные тайны Дома Романовых. М., 2007.
- ⁵ *Будко А.А., Шабунин А.В.* История медицины Санкт-Петербурга XVIII в. СПб., 2003.
- ⁶ *Будко А.А., Селиванов Е.Ф.* Медицинские органы управления // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. СПб., 2001; *Они же.* Медицина и здравоохранение // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. Кн. 1.
- ⁷ *Будко А.А.* История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. СПб., 2010.
- ⁸ *Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В.* История военной медицины России, XIX – начало XX в. Т. 3. СПб., 2006.
- ⁹ Первый госпиталь и военная медицина: 300 лет служения Отечеству. В 2 т. Т. 1. Становление военной медицины России: В 3 кн. Кн. 1. Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX столетия. М., 2010.

- 10 *Мирский М.Б.* Медицина допетровской Руси // Первый госпиталь и военная медицина... С. 25.
- 11 *Колесникова Л.П., Баранова С.И.* Здание Главной аптеки на Красной площади в Москве // Первый госпиталь и военная медицина... С. 31.
- 12 *Горелова Л.Е.* Первая госпитальная школа России // Первый госпиталь и военная медицина... С. 139, 140.
- 13 Николай Иванович Пирогов: Очерки жизни и творчества. СПб., 2010.
- 14 *Погорелов В.И.* Мировоззрение Н.И. Пирогова // Николай Иванович Пирогов: Очерки жизни и творчества. С. 186.
- 15 *Буравцов В.И., Тучина С.В.* Педагогическая деятельность Н.И. Пирогова // Николай Иванович Пирогов: Очерки жизни и творчества. С. 133–150.
- 16 *Захаров И.С.* Отношение Н.И. Пирогова к крестьянской реформе 1861 года // Николай Иванович Пирогов: Очерки жизни и творчества. С. 166.
- 17 *Киселев А.С.* Страницы жизни великого хирурга. СПб., 2010.
- 18 *Будко А.А., Шабунин А.В.* Великий Боткин: Сердце, отданное людям. СПб., 2006.
- 19 Там же. С. 4.
- 20 Царский лейб-медик: Жизнь и подвиг Евгения Боткина. СПб., 2010.
- 21 *Таймазов В.А., Курамышин Ю.Ф., Марьянович А.Т.* Петр Францевич Лесгафт (1837–1909): История жизни и деятельности. СПб., 2006.
- 22 *Тополянский В.Д.* Доктор Захарьин: легенды и реальность: Антология. М., 2009.
- 23 Там же. С. 264.
- 24 Там же. С. 435, 445, 541.
- 25 *Бородулин В.И.* История медицины России: Клиника внутренних болезней во второй половине XIX – первой половине XX века. М., 2011. С. 15.
- 26 *Лазебник Л.Б., Беляева В.С.* Российские терапевты. М., 2010.
- 27 *Лазебник Л.Б., Беляева В.С.* Ангелы добра: Житие и деяния московского доктора Федора Петровича Газа. М., 2011.
- 28 *Пищита А.Н., Гончаров Н.Г.* Эволюция правового регулирования здравоохранения в России. М., 2007.
- 29 *Пристанскова Н.И.* Правовое регулирование врачебно-санитарной деятельности в Российской империи (XIX – начало XX вв.). СПб., 2007.
- 30 Там же. С. 146.
- 31 *Каган-Пономарев М.* Литераторы-врачи: очерки и подходы. М., 2007.
- 32 *Нахапетов Б.А.* Медицинская карта М.Ю.Лермонтова. М., 2008.
- 33 *Выборнова М.А.* Медицинское обслуживание населения Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Самара, 2010; *Гущина Н.В., Илюхин А.А., Крутичатов В.К.* Из истории лечебного дела в Калужском крае: К 200-летию Хлюстинских медицинских учреждений. Калуга, 2009; *Долгушин И.С.* Страницы истории медицины Тамбовского края и работа Тамбовской третьей городской больницы во второй половине XX в. Тамбов, 2009.

- ³⁴ *Коротеева Н.Н.* История фармации (XVI – начало XX вв.). Курск, 2006; *Она же.* Земская фармация в Курской губернии (1865–1917). Курск, 2006; *Она же.* Государственная политика в сфере российской фармации XVI – начала XX в. Курск, 2010.
- ³⁵ *Смирнова Е.М.* «Новое прочтение» истории фармации в России // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 105–112.
- ³⁶ *Зимин И.В.* Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX вв.). СПб., 2004.
- ³⁷ *Ерегина Н.Т.* Высшая медицинская школа России в годы Гражданской войны // Высшее образование в России. 2008. № 8. С. 172–176; *Она же.* Медицинский факультет Ярославского университета: несостоявшаяся судьба (1919–1924 гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 20–31; *Она же.* Новые страницы истории медицинского образования в России // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 143–146; *Она же.* Сталинские идеологические кампании и высшая медицинская школа, 1946–1953. // Новый исторический вестник. 2009. № 4 (22). С. 48–57; *Она же.* Высшая медицинская школа России (1917–1953 гг.). Ярославль, 2010; *Она же.* Профессура высшей медицинской школы России под властью Советов (1917–1922) // The Soviet and Post-Soviet Review. 2012. Vol. 39. Issue 2. P. 56–83.

И.В. Михайлов

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В контексте современного этапа изучения Белого движения в России в статье анализируется книга С.В. Карпенко «Белые генералы и русская смута» (М., 2009). Отмечаются достоинства книги: новизна рассмотрения финансово-экономической проблематики Белого движения на юге России, раскрытие взаимосвязей между экономикой, политикой и стратегией, научная объективность описания финансово-экономических факторов, определивших поражение военных диктатур генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в Гражданской войне.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, А.И. Деникин, П.Н. Врангель, военная диктатура, государственные финансы, товарно-денежное обращение, экономический кризис, предприниматели, бюрократия, коррупция, историография.

С книгами, посвященными Белому движению, подчас происходят странные вещи: под видом научных исследований выходят агиографические произведения и, напротив, – издательства, специализирующиеся на популярной литературе, публикуют монографии, которые впору снабдить академическим грифом. К числу последних принадлежит объемная книга доцента РГГУ С.В. Карпенко «Белые генералы и красная смута». Это сугубо научное исследование выпустило в 2009 г. издательство «Вече», специализирующееся на популярной исторической литературе.

Правда, от занудливых научных монографий книгу Карпенко отличает динамичное изложение и блестящая литературная форма. Автор сконцентрировался на финансово-экономической стороне Белого движения на юге России. Об этом известно немного.

В одном из очерков, к примеру, констатируется, что белые совершили ошибку: их финансовая политика оказалась сугубо оборонительной, тогда как красные ограбили Россию, чтобы победить своих противников¹.

Замысел Карпенко куда более широк: показать связь финансов, тыловой экономики в целом, с изменением общей политической и военной конъюнктуры, последовавшей за окончанием Первой мировой войны. В результате автор смог создать исследование, впервые системно раскрывшее реальные возможности создания антибольшевистской, демократической России (некоторые разделы книги были опубликованы в виде статей²). И вместе с тем оно стало одной из примет растущего в современной историографии интереса к финансовому положению белых генеральских диктатур, вообще к финансово-экономической политике различных российских правительств в годы Гражданской войны, во времена системного кризиса, поразившего Россию³.

Карпенко настолько хорошо владеет материалом, что с легкостью переводит исследование в режим захватывающего беллетристического повествования. Такое в современной историографии Белого движения редкость: длительное время тон задавали натужные наукообразные поделки или псевдоисториографические сочинения⁴.

«Белое движение уже перестало быть “белым пятном”, пьедесталы белых генералов “встали выше побед”... а состояние казны белых армий и правительств, источники их пополнения и статьи расходов... до сих пор покрыты покровами тайны», – пишет автор⁵. В этом он не вполне прав: появились работы о финансовой политике сибирской контрреволюции и денежных суммах русской эмиграции⁶. Что касается финансов южной контрреволюции, то здесь, действительно, много тумана.

Формально автор поставил задачу вскрыть финансовую подноготную Белого движения на юге России. Фактически получилась первое исследование, всесторонне характеризующее основное ядро российской контрреволюции, то есть ее объективные и субъективные возможности в создании антибольшевистской, демократической России. С легкой руки В.П. Булдакова с 1997 г. в нашем лексиконе закрепилось выражение «Красная Смута»: исследователи все чаще сравнивают течение революции 1917 г. со Смутным временем начала XVII в.⁷ Представляется, что книга Карпенко – еще один важный шаг к переосмыслению хаоса русской Гражданской войны.

Книга начинается с «Быховского пролога» и кончается «Константинопольским эпилогом», между ними разместились три раздела, соответствующих временным и географическим привязкам Белого движения на юге России: «Меж тихим Доном и вольной Кубанью» (о перипетиях взаимоотношений с тамошними федералистами); «Под перезвон московских колоколов» (об отчаянном броске деникинцев на большевистскую столицу); «Крым – вторая Россия» (о врангелевской попытке выстроить позитивную альтернативу большевизму).

Собственно финансы занимают в работе не столь значительное место. Однако постоянное обращение к этой тематике позволяет по-новому взглянуть на исторические шансы Белого дела.

Итак, насколько серьезную роль сыграли деньги в неудачах белых? Чисто теоретически Гражданская война могла развернуться по иному сценарию, попади в руки белых генералов значительные средства. Это, несомненно, многократно усилило бы приток добровольцев из числа безработных офицеров. Однако донской атаман А.М. Каледин, опасаясь местных социалистов, дистанцировался от Алексеевской организации, предприниматели юга России, надеясь на скорое падение большевиков, ограничились выплатой ничтожных сумм. «Получался заколдованный круг: без больших денег нельзя сформировать внушительную силу, а без нее предприниматели не склонны жертвовать даже малым», – констатирует Карпенко⁸. Характерно, что генерал М.В. Алексеев трезво оценивал возможные пути «экономического освобождения» России: от создания на Юге России прочной промышленно-экономической базы, призванной обеспечить нормальный продуктообмен с общероссийским населением, до оперативного использования для этой же цели имеющихся хлебных запасов. Однако силы антибольшевиков оставались разобщенными: столичные «общественные деятели», едва собрав ничтожные суммы, стали претендовать на главенствующую роль в «гражданском управлении»; ходили слухи, что московские финансисты переводят деньги не Алексееву, а Каледину. В результате белые генералы, претендующие на создание всероссийского центра борьбы с большевиками – «германскими агентами», вынуждены были «подсесть» на «казачий кошт». Ситуацию усугубило прибытие в Новочеркасск генерала Л.Г. Корнилова, пользовавшегося сомнительной репутацией у Алексеева. К тому же авантюристичный помощник Корнилова В.С. Завойко вздумал не ко времени монополизировать сбор средств на Белое дело. Финансовое положение несколько стабилизировалась лишь к середине декабря: столичные деятели убедили Ростовское отде-

ление Госбанка выдавать донскому правительству на расходы Добровольческой армии 25% всех налогов и сборов области, предназначенных к передаче в государственную казну. Но тут разразился конфликт между скуповатым Алексеевым и авторитарным Корниловым, требовавшим непосредственного доступа к деньгам.

Белые генералы безнадежно упустили время и деньги: 14 декабря 1917 г. большевики захватили петроградские банки и ввели госмонополию на банковское дело, а между тем, частные пожертвования оказались ничтожными. Казалось, белым помогут правительства Д. Ллойд-Джорджа и Ж. Клемансо, однако их послы не могли отыскать каналы переправки денег на Дон, а потому с их стороны помощь оказалась ничтожной. Позднее А.И. Деникин писал, что из 100 млн франков (500 млн руб.), выделенных французским правительством еще в декабре 1917 г., до него дошло только 10,5 млн руб.⁹

В сущности, бóльшая часть 1918 г. ушла у Алексева на отчаянные поиски не только средств, но и чисто физического пристанища для своей немногочисленной армии, скитающейся по территориям Донского и Кубанского правительств. Особенно горький осадок оставило в душах генералов упорное уклонение от помощи подавляющего большинства крупных финансистов, промышленников и торговцев, что Карпенко постоянно подчеркивает. В значительной степени такое положение стало производным от неясности устремлений лидеров добровольцев: подобно либеральным политикам, они не могли определиться, кого считать главным врагом – то ли немцев, то ли их «пособников» в лице большевиков и всевозможных сепаратистов. А тем временем последние думали лишь о стабилизации собственной власти. Соответственно этому возникли марионеточное правительство гетмана П.П. Скоропадского, полузависимая от немцев и добровольцев власть донского атамана П.Н. Краснова, Кубанская рада, вдохновляемая социалистами-федералистами. Кубанцы особенно откровенно руководствовались чисто местническими установками и желанием самостоятельно торговать с «дружественными» странами. Белые генералы, напротив, брались реализовать общероссийские цели, не желая замечать ничего иного. Снабжение добровольцев в значительной степени поддерживалось путем сомнительного бартерного обмена: кубанцы поставляли на Украину зерно, оно передавалось немцам, взамен шли поставки русского оружия из запасов Юго-Западного фронта, которое продавалось Добровольческой армии. Карпенко допускает, что, возможно, донские «посредники» даже имели от этого прибыль.

Каждое из правительств пыталось вести собственную экономическую политику. В результате сложилось критическое положение: Добровольческая армия в мае–июне 1918 г. балансировала между двухнедельной и месячной потребностью в деньгах, а в случае неполучения в конце этого срока обещанных союзниками 10 млн пришлось бы приступить к ликвидации армии. К осени 1918 г. денежное обращение на территориях, на которых присутствовала Добровольческая армия, «приобрело невиданную доселе пестроту»: ходили дореволюционные дензнаки, «керенки», крымские и донские рубли, украинские карбованцы, деньги советских республик Северного Кавказа, не говоря уже о всевозможных облигациях, банковских чеках и купонах, выпущенных городскими думами, управами и Советами. При этом с мая по 15 июля 1918 г. донское правительство напечатало дензнаков на 101 млн руб. и не желало отказываться от своего исключительного эмиссионного права, гарантировавшего относительно устойчивое финансовое положение и одновременно ставившего Добровольческую армию и Кубань в зависимость от него. Не удивительно, что в этих условиях донское правительство смогло сформировать свою армию, численно вдвое превосходящую Добровольческую, но призванную защищать лишь «свою» территорию.

В лагере южной контрреволюции то ли не находилось способных коммерсантов, то ли они заботились исключительно о собственном кармане. Все финансовые начинания белогвардейцев оказывались безуспешными: не удалось получить ожидаемых средств от реализации имущества бывшего Юго-Западного фронта, не принесла доходов распродажа снаряжения Красной армии Северного Кавказа, конфузом обернулась доставка из Болгарии русских винтовок (они были переделаны под турецкие патроны). В результате белые генералы оказались в финансовой зависимости от правительства Краснова, фактически пошедшего на поклон к немцам и заигрывавшего с украинской Центральной радой. Не складывались отношения и с Кубанской радой, готовой вступить в федерацию с кем угодно в обмен на гарантии невмешательства в свои внутренние дела и внешнюю торговлю. Взаимное недоверие достигло такого накала, что добровольцы обзывали Войско Донское проституткой, продающей себя немцам. В ответ Добровольческую армию донцы называли сутенером, живущим за счет проститутки.

Не секрет, что из существующих исследований истории Белого движения можно вынести впечатление о быстром возникновении на юге России «всероссийского» правительства, контроли-

рующего немалую территорию. Из книги Карпенко видно, что ничего подобного в 1918 г. не было: на Юге России сложилась крайне неопределенная комбинация властей и вооруженных сил. В этом отчасти повинны сами белые генералы, поглощенные идеей воссоздания «единой и неделимой России» и, соответственно, не желавшие прислушиваться к своим естественным союзникам.

Казалось, с разгромом Германии в антибольшевистской стратегии наступит ясность. Этого не произошло, и в значительной степени из-за финансово-экономических обстоятельств.

К октябрю 1918 г. финансирование и снабжение Добровольческой армии почти целиком находилось в руках правителей Дона и Кубани. Добровольцам пришлось, подобно большевикам, прибегать к контрибуциям: их общая сумма, по признанию Деникина, составила 6,5 млн руб., из которых к 1 августа 1918 г. в казну поступило 3 млн. Особенно бесцеремонно белогвардейцы наказывали русские села, жители которых, по их представлениям, помогали красным. На село Белая Глина в Ставропольской губернии обрушилась самая крупная контрибуция – 2,5 млн руб. Но подобные меры не решали проблемы финансирования: из-за роста цен жалование офицера-добровольца оказывалось ниже прожиточного минимума. А между тем, в казачьих войсках «по политическим соображениям» было установлено более высокое денежное довольствие. Не удивительно, что для рядовых добровольцев особым видом трофеев стали деньги, обмундирование и обувь пленных. Неуклонному разложению добровольцев способствовало и то, что в их ряды вливался сомнительный элемент: казаки и горцы грабили в силу своего традиционного понимания войны как средства наживы, а офицерство из Киева и Тифлиса оказалось подвержено спекуляции. Как показано в книге Карпенко, подобные привычки стали усваиваться «первоходниками», чьи ряды постепенно разбавлялись офицерами «с темным прошлым и преступными наклонностями»¹⁰.

Сказывалась и пресловутая «атаманщина»: в июле в разгар наступления на Екатеринодар А.Г. Шкуро с казаками-повстанцами самовольно захватил Ставрополь – пришлось перебрасывать силы для удержания этого губернского города. Между тем казаки боготворили своих атаманов-генералов, среди которых особой популярностью пользовались Шкуро, В.Л. Покровский, К.К. Мамонтов. В общем уже в 1918 г., то есть задолго до «похода на Москву», в рядах добровольцев таились симптомы последующего разложения.

Как ни парадоксально, разложению офицерства и чиновничества позднее способствовала особая рачительность Управления финансов: отказываясь повышать оклады чиновникам, оно невольно толкало их на путь мздоимства и казнокрадства. «В итоге гражданские ведомства не установили “законность и порядок”, а только вызвали сильнейшее недовольство, а то и озлобленность населения, враждебность ко всему “добровольческому”», – заключает Карпенко¹¹.

Поначалу белогвардейцы слишком надеялись на союзников. Им не приходило в голову, что по окончании войны те будут озабочены прежде всего не борьбой с большевиками, а восстановлением своей собственной экономики, и на Юг России те смотрели именно под таким углом зрения. Англичане «помогли» Добровольческой армии лишь тем, что уговорили Краснова подчиниться ей в военном отношении и, кроме того, начать эмиссию денег не с донской, а с общероссийской символикой. Французы, не довольствуясь навязыванием белым военным диктаторам демократической политической программы, потребовали возмещения убытков, понесенных французскими предпринимателями в Донбассе, а позднее пожелали получить в обмен на военное снабжение русскую пшеницу. Первые месяцы 1919 г. стали для белых временем разочарования в союзниках, пытавшихся выгадать на военных поставках, воздерживаясь при этом от боевых действий против большевиков. Положение несколько исправил военный министр У. Черчилль, но поставки англичан, составившие к ноябрю 1919 г. то ли 28,8 млн ф. ст., то ли вдвое меньше, ставшие к этому времени главным источником «питания армии», по признанию Деникина, также оказались недостаточными. К тому же, в ноябре 1919 г. правительство Ллойд Джорджа прямо заявило об отказе финансирования генералов, мечтающих о воссоздании «единой и неделимой России», которая может вновь стать соперницей Великобритании. Не удавалось добиться займов и в частных заграничных банках, а российские предприниматели за пределами России предпочитали вкладывать капиталы в более надежную западную экономику. Что касается казенных денег, которыми русские послы и финансовые агенты за границей смогли распоряжаться, то они были направлены в основном верховному правителю А.В. Колчаку, а не Деникину. Последний полагал, что субсидии со стороны русского посла в США Б.А. Бахметева были «ничтожны по сравнению с тем, что он мог бы давать». Примечательно, что Карпенко, в отличие от О.В. Будницкого¹², весьма критично оценивает деятельность Бахметева, позволявшего себе слишком вольное использование казен-

ных денег. Он полагает, что именно под давлением Бахметева российские представители в Париже сорвали «попытку военных (хотя и почти безнадежную) улучшить снабжение деникинских Вооруженных сил на юге России (ВСЮР) за счет федерального бюджета и частных банков США». Однако он далек от категоричности, оставив открытым вопрос: не вознесли ли себя дипломаты и финансовые агенты белогвардейцев «выше тех, кто боролся против большевиков с оружием в руках в России?»¹³

Как бы то ни было, финансовое положение Белого юга не улучшалось. Осенью 1919 г., когда деникинцы, казалось, достигли наивысших успехов, слабость их тыла обнаружилась в полной мере. Сказались непомерный рост бюрократии, сложности взаимодействия гражданских и военных властей, трудности снабжения, обострение взаимоотношений с казачеством, недовольного «поборами» во имя восстановления «единой и неделимой». В результате немалые хлебные и топливные запасы юга России так и не смогли стать таким же орудием борьбы с большевиками, как винтовки и пушки.

«Единое экономическое пространство» на юге России, основанное на «свободе торговли», – этот предполагаемый противовес продрозверсточной политике большевиков – так и не сложилось. Более того, как показывает Карпенко, до конца 1919 г. так и не удалось объединить существующие денежные системы: из 9,2 млрд руб., отпечатанных Ростовской экспедицией, 4,5 млрд пошли на пополнение казны Донского войска, почти 4 млрд получило главное командование ВСЮР, остальные – правительства Кубани, Терека и Крыма. В результате долг ВСЮР перед Кубанью за продовольствие неуклонно рос. Хуже того, отбирая хлеб и лошадей, командование не могло обеспечить население остро необходимыми мануфактурой, керосином, углем, металлоизделиями. Обнаружилось также, что некоторые скупщики-комиссионеры везли продовольствие не в армию, а двигали его в Новороссийск – на экспорт.

Так кое в чем повторялась ситуация 1914–1916 гг. с «твердыми» ценами и спекуляцией, чреватая таким же экономическим ступором. Хуже того, товары, добытые деникинскими войсками в «походе на Москву», вымывались за границу через «донской» порт Таганрог и «кубанский» порт Ейск. При этом в сентябре 1919 г. денежная масса на территории ВСЮР, состоявшая из дореволюционных рублей, новых советских («пятакских») денег и местных суррогатов, в 75 раз превышала количество денег, обращавшихся на территории империи до Первой мировой войны.

Попытка ограничить, а затем и запретить хождение советских денежных знаков, заметно дестабилизировавших финансовую ситуацию, обернулась провалом: население не только продолжало использовать их, но и принялось более активно использовать «старые» деньги и новые суррогаты. Со своей стороны, всевозможные спекулянты принялись играть на понижение курса рубля к иностранной валюте. Меры по борьбе со спекуляцией запоздали (соответствующий закон, предусматривающий наказание вплоть до смертной казни, был обнародован только в начале ноября) и не умерили алчности торговцев. Более того, как показывает Карпенко, своя возможность «заработать» на торговле появилась и у многочисленных контрразведчиков: они арестовывали торговцев за «большевизм», а затем отпускали за взятки.

От денежной реформы правительство Деникина фактически отказалось, резонно полагая, что она не дает должного эффекта до восстановления экономики в общероссийском масштабе. Попытка обзавестись «своими» деньгами, в сущности, провалилась: население по-прежнему предпочитало «романовские» деньги, а на свободном рынке курс рублей ВСЮР так и не поднялся выше донских. Со своей стороны, предприниматели, по-прежнему не спешившие раскошелиться на Белое дело, требовали выгодных казенных кредитов. На свободный рынок, способный противостоять большевистскому «военному коммунизму», все это не походило.

Поскольку Деникин и его правительство вдохновлялись желанием восстановления «государственного порядка», финансирование администрации северных губерний обычно начиналось за несколько месяцев до освобождения их от большевиков. А между тем прямые налоги взимались неаккуратно и беспорядочно, росло мздоимство чиновников, сложилась ситуация «хронического денежного голода». До фронтовиков скудный денежный поток доходил с трудом, армию, как показано в книге Карпенко, все более разлагал хаос реквизиций и «самоснабжения». Не удивительно, что основными «устоями» деникинской финансовой политики стали косвенные налоги и денежная эмиссия. Получается, что знаменитый лозунг «На Москву!», казавшийся авантюристичным, был в значительной степени продиктован безнадежностью хозяйственной ситуации на «богатом» юге России. При этом, как замечает Карпенко, главком ВСЮР генерал Деникин «явно недопонимал, что инфляция, растущая в среднем почти на 20% в месяц в самой богатой области юга России в условиях успешного продвижения войск к Москве и поступления на рынок нового, богатого урожая, – верное свидетельство кризиса финансовой системы»¹⁴.

Разделы книги, посвященные внешнеторговой политике правительства Деникина, анализу его опыта регулирования внешней торговли ради пополнения бюджета валютой, а внутреннего рынка промтоварами, пожалуй, отличаются наибольшей новизной в исследовании Карпенко.

Возможность удовлетворить потребности армии в военных материалах, а населения в промтоварах в сложившихся условиях давал только импорт. Однако вывоз и продажа богатых сырьевых ресурсов юга России представил неожиданные трудности: значительная часть судов российского черноморского торгового флота оказалась в руках союзников в качестве трофеев, захваченных у немцев; западным фирмам проще было завозить дорогостоящие товары, не нужные для массы нищающего населения России; частные торговцы думали о собственной выгоде, а не о нуждах армии. Началась спекулятивная горячка, беспорядочный вывоз сырья контрагентами, подрывающие планы командования. Этому способствовала и явно антироссийская направленность внешне-торговой политики союзников. Попытки осуществить монополию внешней торговли натолкнулась на разгул спекуляции, мздоимства и казнокрадства. Предприниматели пытались восполнить потери от большевистских хозяйственных экспериментов, чиновники пользовались ситуацией для поправки своего скудного материального положения. Все это получило развитие во время наибольших успехов белых: в ожидании захвата Москвы тыл неуклонно разлагался. Намеки Деникина на то, что крупных спекулянтов следовало бы вешать, не производили впечатления на торговцев. «Делиться частью прибыли с чиновной братией – к этому неизбежному злу русские купцы привыкли, – подытоживает автор. – Но столкнувшись с неслыханным вымогательством, многие из них стали бороться за отмену всяких ограничений и регулирования вообще»¹⁵.

Надо признать, что, несмотря на очевидные промахи, хозяйственные руководители белогвардейцев обнаружили несомненную сноровку в регулировании внешней торговли в крайне сложных обстоятельствах. Тем не менее, «раскрепощение» внешней торговли путем внедрения детальной регламентации и всеобъемлющей разрешительно-компенсационной системы в декабре 1919 г. не могло исправить положения. И дело не только в наличии в нем лазеек для наиболее пронирливых торговцев. Все планы, казалось бы, продуманные и резонные, наткнулись на сложившийся фронт взяточников, вымогателей и казнокрадов, умело собирающих дань с частных фирм, выступающих контрагентами власти.

Даже блокада деникинцами Закавказья, предпринятая из политических соображений, была использована иностранными фирмами, стремящимися к захвату высвобождающихся сегментов южнороссийского рынка. В Закавказье неуклонно падал курс российских рублей и, соответственно, рос курс «рублей» закавказских правительств, что вело к еще большему снижению курса рубля за границей и соответственному снижению прибыльности экспорта. Все это деморализовало торговцев. Собственные махинации и аферы они стали считать оправданной формой противодействия насилию со стороны добровольческих властей, законным способом возместить понесенный ущерб. Как показывает Карпенко, неэффективное регулирование внешней торговли стало частью провала всей экономической политики деникинцев.

Белогвардейские власти во многом действовали от противного: если Временное правительство и большевики проводили политику продовольственной госмонополии, то они склонялись к идее «свободной» торговли, но пока по «твердым» ценам, регулируемой хлеботорговцами, объединенными в закупочный союз. В общем, это была достаточно обычная для России практика. Считалось, что работа комиссионеров под контролем государства гарантирует и определенную норму прибыли, и исключит издержки свободной конкуренции, и даже приведет к сокращению громоздкого госаппарата. Но скоро обнаружилось, что Управление продовольствия срывает поставки продовольствия в армию, так как крестьяне по старой привычке сопротивлялись «твердым ценам». В итоге попытки экономить на закупках в тылу привели не только к непредвиденным затратам при спешных закупках хлеба интендантами в прифронтной полосе, но и более экзотической снабженческой практике: наступающие полки возили в обозах промтовары для обмена их на продовольствие. В результате «твердые цены» формально были отменены, но введена «военная хлебная повинность» – 5 пудов с десятины. Естественно, крестьяне не спешили расстаться с продуктами своего труда в обмен на сомнительные квитанции. Сложилось всеобщее убеждение: власть снабжает продовольствием только себя. Естественно, все недостатки снабжения войск стали восполняться «самоснабжением»: добыча стала одним из стимулов участия в боевых действиях. Появился даже специальный термин «реалдоб» (реализация добычи): под ним подразумевались захват и продажа (или натуральный обмен) не только продовольствия и обмундирования, но и всего того, что можно было продать или выменять. В отличие от деникинцев, казаки с самого начала взялись за грабеж. Как результат, «в начале

осени в Добровольческой армии, Киевской и Новороссийской группах войск самочинные бесплатные реквизиции и грабежи распространились почти повсеместно...», – констатирует Карпенко¹⁶. Суровые наказания за грабеж – вплоть до расстрела – не помогли: командиры обычно покрывали своих подчиненных.

Сомнительно, что освобождение центра России от большевиков помогло бы оздоровить экономику: главный деникинский финансист М.В. Бернацкий надеялся поддержать покупательную силу рубля в ходе аграрной реформы за счет выкупа крестьянами земель, а также путем принудительного государственного займа. Трудно представить меры, более непопулярные в глазах основной массы населения. С другой стороны, политические представители российской контрреволюции за границей всегда скептически относились к способностям белых генералов. Да и вообще, по оценке Карпенко, немногих из тех, кто распоряжался значительными казенными деньгами, можно было заподозрить в преданности Белому движению. Получается, что победа белых генералов отнюдь не сулила России благополучного положения на международной арене.

Как известно, генерал П.Н. Врангель составил себе имя резкой критикой политики Деникина. Но представить ей реальную политическую и экономическую альтернативу он не смог. В свое время Врангель критиковал Деникина за то, что тот предпринял безумную попытку «идти на Москву с разлагающейся армией и дезорганизованным тылом». Однако сам он, намереваясь создать в Крыму прочный антипод большевистской власти – «вторую Россию», – вынужден был действовать аналогичным образом. Ему вновь приходилось корректировать свои антибольшевистские планы с настроениями союзников и состоянием внутренних ресурсов. Так, захват Северной Таврии преследовал двоякую цель: склонить на свою сторону британское правительство, подумывающее о налаживании отношений с большевиками, и завладение тамошними запасами продовольствия. Со временем англичане посчитали, что Врангель «обвел их вокруг пальца»: получив их помощь, он двинул войска на север. В общем, «реалист и импровизатор» Врангель вынужден был действовать точно так же, как «упрямый догматик» Деникин. Если Деникин так и не решился на масштабную аграрную реформу, то «решительные» замыслы Врангеля стараниями чиновников были сведены к подобию столыпинских нововведений, которые не могли удовлетворить крестьянство в целом, особенно бедноту. А тем временем в селах свирепствовало «офицерское право».

Врангелевское военное управление страдало теми же пороками, что и деникинское. При общей численности врангелевской Русской армии в 50 тыс., в центральном аппарате военного управления служило 20–25 тыс., что составляло почти половину офицерского состава¹⁷.

Впрочем, следует заметить, что Карпенко не углубляется в рассмотрение вопросов численности и состава Вооруженных сил на юге России. И это вполне оправданно: организация и социальный состав белогвардейских армий относятся к самым изучаемым в современной российской историографии Белого движения. Об этом свидетельствует, в частности, выход в свет в 2012 г. обстоятельной монографии Р.Г. Гагкуева¹⁸.

Объявленная Врангелем «реорганизация», «упрощение» центрального «государственного аппарата» привела к тому, что над местными органами власти встал громоздкий и неэффективный бюрократический механизм. Глава правительства, «бюрократ-делец» А.В. Кривошеин, по своей психологии остался «министром большой самодержавной России». В результате общее число чиновников увеличилось ровно вдвое. При этом при Врангеле, как и при Деникине, «военное ведомство упорно подминало под себя все гражданские», военные власти на местах творили произвол, и все это вело к общей дезорганизации управления. Как обычно, усугубляли ситуацию инфляция, волокита, взяточничество, спекуляция, а грозные приказы Врангеля, вплоть до введения смертной казни за казнокрадство, положения не спасали. По оценке Карпенко, «в целом эффективность работы чиновников Белого Юга в 1920 г. была ниже, чем в 1919-м»¹⁹.

Безнадежность ситуации по-своему символизировали деньги. В июле–августе 1920 г. «романовские» стоили в 40–60 раз дороже рублей ВСЮР, «керенки» – в 4, «донские» – в 2 раза. С июля по октябрь цена английского фунта на бирже поднялась с 28 тыс. до 105 тыс. руб. Попытка сбить инфляцию и рост цен, запретив вывоз за границу драгоценностей и русских денег, а также хождение советских рублей, не принесла успеха. В сентябре денежные билеты в 500 руб. стали подобием разменной монеты²⁰. Впрочем, общая финансовая картина представляется автору настолько запутанной, что он считает, что до воссоздания полной и достоверной картины финансового положения белогвардейского юга России еще далеко. Иными словами, исследователей еще ждет большая, трудоемкая работа.

Единственным существенным источником пополнения валютного фонда правительства Врангеля был казенный экспорт зерна

из Северной Таврии. Однако он же стал источником невиданной спекуляции, так как в связи с обесценением рубля экспорт сулил громадные прибыли. Чтобы противостоять этому, 1 июля была введена государственная монополия на хлебную торговлю. Строго говоря, была разработана довольно стройная система зернового экспорта. Но Врангель так и не «не сумел победить коррупцию, не обуздал “патриотов своего кармана” и “торговцев Россией”». В итоге весь объем хлебного экспорта в 1920 г. оказался почти втрое ниже среднегодового довоенного вывоза зерна из Таврической губернии. Даже богатые крестьяне не горели желанием снабжать Русскую армию по «твердым» ценам, которые были в 15–20 раз ниже рыночных. Продуктообмен, подобный тому, который попытались применять большевики, также не дал ожидаемого результата. Крестьяне воспринимали такой режим торговли с властью, как налет «саранчи спекулянтов» в лице интендантов, хлеботорговцев и всевозможных скупщиков. Отчаянные эксперименты Врангеля по закупкам «в порядке товарообмена без стеснения в ценах» парализовала заготовительные органы, которым всегда не хватало наличных денег. К концу лета стала возвращаться практика реквизиций. Получалось, что большевики «просто грабили», а белогвардейцы разоряли под видом «свободной торговли». Поэтому взамен заготовленного зерна удалось ввезти такое количество угля и жидкого топлива, которое удовлетворяло потребности армии и населения (возросшего почти на полмиллиона беженцев) лишь на 30% и 50% соответственно. А между тем, запасов хлеба, требуемого в Крыму до урожая 1921 г., создано не было.

Карпенко делает вывод, что при всей вражде к коммунистам в августе–сентябре в сознании крестьян Северной Таврии произошел перелом: «Красную армию стали ждать как освободительницу», надеясь, что с установлением мира возобновиться взаимовыгодный товарообмен с Центральной Россией. Городское население было недовольно еще больше: с апреля по октябрь 1920 г. цены на продовольствие в крымских городах поднялись в 16–20 раз, на промтовары – в 12 раз, на топливо – в 50 раз. Жесткие меры по борьбе со спекуляцией успеха не приносили. «Города стонали от убийств и вооруженных налетов...», – пишет автор, отмечая, что «наибольшей организованностью и жестокостью отличались банды из офицеров, напрочь утративших былые нравственные устои», при этом, что симптоматично, среди офицеров наметились «антибуржуйские» настроения²¹.

Но самый мощный психологический удар последовал со стороны союзников: они окончательно отказались помогать белогвар-

дейцам. Англичане рассчитывали на будущую торговлю с большевиками, французы подумывали о сохранении единой России как противовеса Германии и как своего единого должника. Французский заем, выторгованный Врангелем на «грабительских условиях» для русских, мог покрыть лишь 10% требуемого для армии военного имущества. Не только рядовой состав армии, но и часть офицеров не хотела больше воевать с большевиками.

В целом экономическая политика белогвардейских правительств разрывалась между догмами «свободной торговли» и необходимостью хозяйственной диктатуры. «При всей приверженности свободе торговли Врангель не смог не прибегнуть к ее регулированию», – заключает автор²². Думается, что ситуация выглядела даже хуже: налицо были беспорядочные метания между крайностями. В таких обстоятельствах победить «героев своего кармана» оказалось не легче, чем большевиков.

На фоне существующей литературы о Белом деле настоящая книга является по-настоящему поучительной. Автор, предельно объективно изложив перипетии хозяйственной политики белогвардейцев, показал, что их военные успехи носили эфемерный характер: экономических рецептов для «спасения России» они не отыскивали. Вероятно, это закономерно: трудно ожидать, что распавшаяся империя сможет быть воссоздана из ее осколков путем «правильной» экономической политики. Чисто силовые методы, как показал опыт Первой мировой войны во всех воевавших странах, оказываются более эффективными.

Из книги создается впечатление, что белые генералы заведомо знали об обреченности антибольшевистского движения. Со своей стороны, политические «лидеры» контрреволюции больше думали о доктринах и «судьбах России», нежели о судьбах людей, гибнущих за Белое дело. Впрочем, так было всегда.

Эпилог финансово-экономической эпопеи Белого движения символичен: деньги на поддержку оказавшихся на чужбине белогвардейцев оказались в руках тех сановников, которые комфортно разместились за границей, хладнокровно наблюдая, как гибнут в красной смуте защитники старой России.

О чем свидетельствует «финансово-экономическая» история Белого движения? Лишний раз подтверждается, что Гражданская война в России была совсем не тем, чем представляли себе ее участники, а вслед за ними исследователи. Она явилась частью «красной смуты» – системного кризиса империи, служилые осколки которой в принципе не смогли восстановить ее даже в модернизированном виде. И остается только порадоваться, что эта

картина представлена в столь яркой форме. Можно надеяться, что после появления работы такого уровня издатели начнут отсекаать как мелкотравчатую «попсу», так и беспомощную наукообразную продукцию.

Хочется думать, что одна-две книги такого уровня, как «Белые генералы и красная смута», способны произвести настоящий переворот в изучении истории российской контрреволюции. Можно только пожелать, чтобы этот «переворот» произошел как можно скорее.

Примечания

- 1 *Владимирский М.В.* Финансовый фронт белого Юга // Вопросы истории. 2009. № 10.
- 2 *Карпенко С.В.* Бесприютная армия (декабрь 1917 г. – апрель 1918 г.) // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 168–242; *Он же.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 35–76; *Он же.* «Россия на Кавказе останется навсегда»: Добровольческая армия и независимая Грузия (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18). С. 113–123; *Он же.* «Брать сейчас взятку – значит торговать Россией!»: госаппарат и чиновничество врангелевской диктатуры // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19). С. 98–112; *Он же.* «Крамзола на Кубани»: экономика и политика (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С. 81–91; *Он же.* Наступление ВСЮР на Москву летом 1919 г.: победы на фронте и финансовый кризис в тылу // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 86–96; *Он же.* Регулирование внешней торговли белыми военными диктатурами на юге России (1918–1920 гг.) // В едином историческом пространстве. М., 2009. С. 349–369; *Karpenko S.* The White Dictatorships' Bureaucracy in the South of Russia: Social Structure, Living Conditions, and Performance (1918–1920) // The Soviet and Post-Soviet Review. 2010. Vol. 37. № 1. P. 84–96.
- 3 *Ланской Г.Н.* Новые исследования экономической политики российских властей в начале XX в. // Новый исторический вестник. 2009. № 4 (22). С. 168–175.
- 4 *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историографические очерки. М., 1998; *Скитина И.В.* Человек в условиях Гражданской войны на Урале: Историография проблемы. Тюмень, 2003.
- 5 *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 5.
- 6 *Ипполитов С.С.* Финансовая интервенция в Белую Россию // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 22–38; *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 –

- начало 1920 гг.). Новосибирск, 2006; *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: колчаковское золото, 1918–1957. М., 2008.
- 7 *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М, 1997; *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М., 2010; *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005.
- 8 *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. С. 28.
- 9 Там же. С. 126.
- 10 Там же. С. 177–179, 308.
- 11 Там же. С. 212, 214–215.
- 12 *Будницкий О.В.* Указ. соч. С. 168–218.
- 13 *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. С. 263–266, 408.
- 14 Там же. С. 256.
- 15 Там же. С. 284.
- 16 Там же. С. 307.
- 17 Там же. С. 345.
- 18 *Гагкуев Р.Г.* Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917–1920 гг. М., 2012; *Карпенко С.В.* [Рец]. *Гагкуев Р.Г.* Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917–1920 гг. М., 2012 // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 109–112.
- 19 *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. С. 353.
- 20 Там же. С. 360–361, 364.
- 21 Там же. С. 392–393.
- 22 Там же. С. 387.

К.М. Александров

РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ

В статье в контексте современной практики изучения репатриации советских граждан после Второй мировой войны анализируется книга А.Ф. Бичехвоста «История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944–1953 гг.)» (Саратов, 2008). Отмечаются достоинства и недостатки книги. Оцениваются круг использованных источников и литературы, корректность описания исторических событий, методы и выводы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военнопленные, русская эмиграция, коллаборационизм, репатриация, историография.

Драматическая и противоречивая история возвращения миллионов советских граждан, оказавшихся в ходе Второй мировой войны за пределами СССР, начала серьезно изучаться отечественными специалистами лишь в конце 1980-х годов. По замечанию А.А. Шевякова, одного из открывателей темы, вплоть до начала 1990-х годов эта проблема в отечественной историографии «практически не нашла должного освещения»¹. Напротив, на Западе в 1950–1980-е годы только на русском языке были опубликованы десятки трудов: воспоминания участников событий, мемуарно-документальные сборники, первые исторические исследования².

История репатриаций 1940 – начала 1950-х годов сопряжена с проблемой советских «перемещенных лиц», а также возникновения и развития «второй волны» российской политической эмиграции. Большой вклад в их изучение в России в 1990–2000-е годы внесли как многие отечественные историки³, так и наши соотечественники за рубежом⁴. На протяжении послед-

них двадцати лет происходит постоянное накопление знаний по истории репатриаций. Выход каждой новой монографии становится важным событием.

В связи с этим обстоятельного разбора заслуживает монография доктора исторических наук А.Ф. Бичехвоста, поставившего своей целью «выявить основные тенденции и раскрыть механизм процесса репатриации советских граждан, развернувшегося на завершающем этапе Второй мировой войны и после ее окончания»⁵. В соответствии с поставленной целью автором были определены хронологические рамки исследования: 1944–1953 гг.

В I главе – «Политика партийно-государственного руководства СССР в отношении плена и военнопленных в первые годы советской власти, 20–30-е гг. и в годы Великой Отечественной войны» Бичехвост предлагает читателю познакомиться с основными этапами формирования политики высшей партийной номенклатуры РКП(б)–ВКП(б) по отношению к военнопленным, включая личные взгляды на этот вопрос В.И. Ленина и И.В. Сталина, и соответствующим законодательством РСФСР и СССР, которое, по оценке автора, выражало «резко негативное отношение к плену и военнопленным, сформированное официальной государственной идеологией» (С. 58).

Во II главе – «Формирование основных категорий советских репатриантов» – Бичехвост описывает планы нацистов по отношению к советским военнопленным накануне нападения Германии на Советский Союз, и преступления, совершавшиеся против пленных бойцов и командиров РККА, характеризует положение остарбайтеров – трудоспособное гражданское население, вывезенное по нацистским программам с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в Третий рейх. Особый раздел исследователь посвятил истории военно-политического коллаборационизма и Власовского движения. Причины сотрудничества части советских людей с противником, как полагает автор монографии, заключались «как в сталинской системе управления обществом», «так и в гитлеровской политике геноцида, проводившейся по отношению к нашим соотечественникам» (С. 333).

В III главе – «Репатриация советских граждан и проблемы внутренней и международной политики СССР в 1944–1953 гг.» – Бичехвост рассматривает вопросы, связанные с формированием международной правовой базы, заключением межсоюзнических соглашений и возвращением на родину граждан государств – участников антигитлеровской коалиции, описывает участие советских граждан в движении Сопротивления в Европе, отношения между

союзными властями и потенциальными репатриантами, деятельность советских репатриационных органов в 1944–1953 гг., характеризует жизнь и быт в СССР в первые послевоенные годы бывших «перемещенных лиц», а также знакомит читателей с соответствующими нормативными актами 1940–1950-х годов. По утверждению автора, главная задача сотрудников репатриационных органов заключалась в том, чтобы «добиться поголовного возвращения своих подданных, вынужденно оказавшихся в годы войны за рубежом» (С. 458).

В результате работы с архивными коллекциями Бичехвост ввел в оборот некоторые документы и свидетельства, ранее не известные специалистам: фрагменты из ведомственных приказов войск Вермахта об обращении с военнопленными и показания очевидцев, в том числе перебежчиков из Восточных войск, объявления о наборе рабочей силы для трудоустройства в рейхе, сводку № 18 от 10 апреля 1945 г. о численности выявленных и репатриированных граждан СССР, соглашения по техническим условиям репатриаций, фрагменты из отдельных советских докладов и политдонесений, отзывы о состоянии лагерей репатриантов, частные заявления и переписку по фактам изнасилований остовок военнослужащими Красной армии, сведения о нарушении прав репатриантов после возвращения в СССР на примере конкретных судеб. В этом, на наш взгляд, заключается главное и несомненное достоинство монографии, хотя в ее тексте новый фактический материал занял весьма скромное место.

Очевидно, что название монографии оказалось слишком узким для ее разнопланового и эклектичного содержания. Строго говоря, главной теме – условиям и механизму репатриации граждан СССР в 1944–1953 гг. – в монографии посвящены из девяти всего лишь два параграфа. Преступлениям нацистов против советских военнопленных (С. 103–213), характеристике советского коллаборационизма, антисоветским вооруженным формированиям и Власовскому движению автор уделит гораздо больше внимания, чем собственно истории репатриации. Исследователь неоднократно подчеркивает, что гражданское население, депортированное с оккупированных территорий СССР, стало основной категорией потенциальных репатриантов. Но к этой «основной категории», по сравнению с военнопленными, он проявил намного меньше интереса.

Первые вопросы и замечания по ходу чтения возникают при знакомстве с историографическим обзором и кругом источников, использованных автором. В монографии сделаны примерно

150 ссылок на документы архивных фондов и более 100 ссылок – на материалы разных Интернет-ресурсов. Однако если характеристика изученных коллекций ГА РФ, РГАСПИ и других архивов выглядит основательно, то такое широкое пользование Интернетом во введении никак не мотивируется и не комментируется. Серьезным недостатком монографии служит отсутствие полного списка использованных источников, литературы и именного указателя. К сожалению, не все важные фактические сведения и цитаты, которые приводит автор в тексте монографии, содержат ссылки (С. 210, 261, 285–286, 294–295, 299, 310).

Бичехвост полагает, что в отечественной историографии недостаточна изучена «проблема создания и функционирования коллаборационистских формирований, в том числе власовской Русской освободительной армии» (С. 24). Однако почти через 300 страниц автор утверждает будто бы вопросы истории Власовского движения, в том числе и власовской армии, «уже достаточно полно освещены в отечественной и зарубежной исторической литературе» (С. 322). В перечень исторических публикаций и исследований по истории коллаборационизма и Власовского движения Бичехвост вместе с газетными и журнальными статьями 1990-х годов почему-то включил мемуары близких сотрудников генерал-лейтенанта А.А. Власова – И.Л. Новосильцова и В.К. Штрик-Штрикфельдта, а также мифотворческое сочинение публициста Н.М. Коняева, которое относится к разряду художественных произведений. Зато в этом списке отсутствуют серьезные работы С.А. Ауски, С.В. Ермаченкова и А.Н. Почтарёва, Н.А. Ломагина, Г. Мамулия, О.В. Романько, Ю.С. Цурганова, И.П. Щерова и других специалистов.

По справедливому утверждению Бичехвоста, воспоминания непосредственных участников событий «явились уникальным материалом», «дали возможность не только почувствовать атмосферу описываемого времени, но нередко либо оказывались единственным источником при освещении ряда научных вопросов, либо служили ценным дополнением к другим историческим материалам» (С. 48). Но при этом исследователь использовал очень узкий и специфический по содержанию круг мемуаров. Для него остались неизвестными сборники Б.М. Кузнецова, воспоминания А.И. Делианич, Н.Н. Краснова-младшего, В.М. Одноралова, К.Г. Кромиади, Б.К. Ганусовского, Б.В. Прянишникова, Е.Б. Польской и других очевидцев. Вместе с тем воспоминания многих соотечественников, которые в 1950–1960-е годы собрал в эмиграции генерал-майор В.Г. Науменко, известные мемуары «невозвращенцев» И.А. Лугина и Ф.Я. Черона, П.Н. Паляя и Н.В. Ващенко упо-

мянуты Бичехвостом в подстрочных примечаниях к введению. Однако при написании монографии, за исключением воспоминаний И.А. Лугина и Ф.Я. Черона, они, вероятно, практически не использовались и в тексте не цитируются. Поэтому «атмосферу описываемого времени» для исследователя создавали, увы, односторонние свидетельства либо отдельных советских граждан, добровольно репатриировавшихся из Европы в СССР, либо служащих государственных органов, участвовавших в организации репатриации. Возможно, именно поэтому он преувеличил степень и значение препятствий, якобы искусственно воздвигавшихся западными союзниками на пути советских граждан, стремившихся вернуться на родину.

Некоторые концептуальные положения монографии не могут не вызвать принципиальной критики. Например, самая большая II глава посвящена формированию в годы войны основных категорий будущих советских репатриантов. По утверждению Бичехвоста, таких групп насчитывалось три: военнопленные, депортированное с оккупированных территорий гражданское население (остарбайтеры) и коллаборационисты. Поэтому сразу возникает естественный вопрос о примерной численности каждой из категорий. Но получить ответ на него читатель не сможет.

Из приведенных автором оценок разных историков (С. 209–212) трудно понять, сколько же бывших военнопленных с точки зрения автора были репатриированы в СССР? На чем основаны его расчеты? Так, из данных специальной государственной комиссии, которые сообщает нам автор, следует, что более 1,8 млн советских военнопленных «вернулись из плена после войны» (С. 210). Допустим. Далее на той же странице он цитирует известного германского историка К. Штрайта: «В январе 1945 г. в фашистских лагерях находилось всего 930 000 советских военнопленных». И не оспаривает этих цифр. Но никак не объясняет читателю, откуда же после войны, кроме освобожденных из немецких лагерей, взялись еще более 900 тыс. репатриированных пленных, если всего вернулись на родину более 1,8 млн человек? Эти «лишние» пленные никак не могут считаться освобожденными до января 1945 г., ибо они учитывались указанной комиссией отдельно (в числе призванных в Красную армию вторично, после освобождения), или захваченными противником в январе–апреле 1945 г. В 1945 г. немцы в боях с Красной армией взяли в плен не сотни тысяч, а всего лишь 34 тыс. советских военнослужащих⁶. Острый вопрос о возникшей колоссальной разнице между общей численностью репатриированных военнопленных и количеством советских военнослужа-

щих, реально находившихся в плену в конце войны, автор проигнорировал.

При определении численности репатриированных остарбайтеров Бичехвост тоже уклоняется от каких-либо собственных оценок, признавая лишь значительным «разброс в данных о численности гражданских перемещенных лиц из СССР» (С. 283). Но даже оценки других исследователей, которые приводит здесь автор (С. 281–283), требуют серьезных коррекций. Например, он приводит сведения о количестве остарбайтеров в рейхе по состоянию на 30 июня 1944 г., которые ввел в научный оборот в 1957 г. А.Д. Даллин – 2 792 699 человек⁷. При этом Бичехвост почему-то ссылается не на фундаментальный труд Даллина, упомянутый во введении в историографическом обзоре, а на более позднюю публикацию В.Н. Земскова 1990 г.⁸, в которой и фигурирует настоящая цифра.

Земсков, а за ним и Бичехвост совершенно безосновательно полагают, что в названную цифру 2 792 699 человек не включены остарбайтеры, умершие впоследствии. Однако как можно было в июне 1944 г. заранее исключить из статистики людей, которым еще только предстояло умереть, в том числе погибнуть от союзных бомбардировок, на протяжении следующих шести месяцев? Более того, Даллин оговаривает, что настоящие цифры показывают общее количество советских граждан, угнанных на принудительные работы в рейх, а не общее количество трудившихся остарбайтеров на указанную дату⁹. По неизвестной причине Земсков и Бичехвост воспроизвели не самые последние показатели 1944 г. из монографии Даллина. Далее он привел еще меньшую цифру численности восточных рабочих в рейхе, уже по состоянию не на июнь, а на декабрь: 2 112 144 человека (1 036 810 мужчин и 1 075 344 женщины)¹⁰. Последняя декабрьская цифра наглядно показывает очевидную убыль за второе полугодие 1944 г. по разным причинам, в том числе и в результате смертности. Сведения Даллина, основанные на результатах изучения ведомственных немецких документов, наглядно показывают: общее число остарбайтеров в рейхе, несмотря на смертность и другую убыль, в целом было все-таки существенно меньше по сравнению почти с 5 млн человек, «угнанных на принудительный труд», о которых после войны заявляли советские государственные органы¹¹.

Стремление завязать число остарбайтеров в рейхе, чтобы объяснить наличие в Европе огромного количества советских гражданских лиц и репатриированных, имеет вполне понятное объяснение.

Бичехвост признает, что «представители западной исторической науки, в частной немецкой историографии», оценивают количество остарбайтеров в рейхе более скромно. Их статистика отличается от сведений советских государственных органов и некоторых российских ученых. Расхождение в оценках он объясняет так: «В связи с проводимой выплатой компенсаций бывшим остарбайтерам вопрос о численности восточных невольников, привлеченных в немецкую военную экономику, для Германии сегодня приобретает финансовое звучание и имеет политический оттенок» (С. 280–281). Из оценок численности восточных рабочих, фигурирующих в западной историографии, Бичехвост в своей работе приводит только вышеупомянутые данные Даллина по состоянию на 30 июня 1944 г. Но, во-первых, Александр Давидович Даллин – не немецкий, а американский историк, сын русского эмигранта-меньшевика. А во-вторых, его классическая монография «German rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies» впервые увидела свет в 1957 г., в то время, когда вопросы о компенсационных выплатах ФРГ бывшим остарбайтерам из Советского Союза не стояли на повестке дня и даже не рассматривались в перспективе. Поэтому объяснение Бичехвоста в данном случае выглядит неубедительно.

Наконец, Бичехвост, описывая процесс формирования третьей группы репатриантов – коллаборационистов – вновь избегает каких-либо оценок ее численности в Европе к моменту окончания войны. При этом коллаборационистами автор считает тех наших соотечественников, которые «добровольно или по принуждению сражались в годы Великой Отечественной войны на стороне Германии» (С. 284) в составе антисоветских вооруженных формирований.

Определение это выглядит весьма уязвимо. Во-первых, неясно, включает ли Бичехвост в понятие «соотечественники» русских белых эмигрантов, участвовавших во Второй мировой войне на стороне Германии и ее союзников. Во-вторых, из определения Бичехвоста следует, что к коллаборационистам, оказывается, не относились редакторы и сотрудники оккупационной печати, старосты, служащие разных гражданских учреждений, организаций, органов пропаганды, самоуправления и администрации, существовавших на оккупированных территориях, хозяйственные работники, участники общественно-политических групп и объединений, предприниматели и т. п. Потому что эти люди не несли военной службы? Ошибочное основание.

Вместе с тем дискуссионным остается вопрос, правомочно ли относить к «коллаборационистам» членов их семей и родственников, с противником не сотрудничавших, но выехавших на Запад либо по убеждению, либо в силу жизненных обстоятельств. Так, при Отдельном казачьем корпусе генерал-майора Т.И. Доманова в Северной Италии к 28–30 апреля 1945 г. находились семьи строевых казаков и многочисленные беженцы общим числом 17 707 человек, в том числе 4866 женщин-казачек, 2875 детей, из которых 569 – в возрасте до года¹². Очевидно, что в данном случае старики, инвалиды, дети и их матери не могут считаться «военнопленными», «депортированным гражданским населением» или «коллаборационистами». Но тогда к какой группе их относит Бичехвост?

В итоге Бичехвост на разных страницах приводит лишь общие цифры репатриантов, убитых в СССР: до 1 октября 1945 г. – более 5 млн 200 тыс. советских граждан, с 1 марта 1946 г. по 1 января 1952 г. – 104 093 советских гражданина¹³, без какой-либо классификации по установленным трем категориям. Но при их определении был допущен просчет. Кроме военнопленных, депортированных гражданских лиц (остарбайтеров) и коллаборационистов существовала четвертая и довольно многочисленная категория гражданских лиц, постепенно покидавших оккупированные территории по мере движения линии фронта на Запад, начиная с зимы 1941–1942 гг.: это – беженцы, добровольно выехавшие за пределы СССР по социально-экономическим и политическим мотивам. Они не участвовали в боевых действиях на чьей-либо стороне и активно не сотрудничали с противником, но предпочли, воспользовавшись ситуацией, выехать в Европу, чем дожидаться возвращения сталинской власти. Возможно, что в эту же группу нужно включить технических специалистов и остарбайтеров (около 40 тыс.¹⁴), отправившихся в 1941 г. и зимой 1942 г. на работу на Запад добровольно. Мы полагаем, что именно к этой категории нужно относить родственников и членов семей военнослужащих антисоветских вооруженных формирований, а также лиц, сотрудничавших с противником в гражданской сфере.

В мемуарной и исторической литературе встречаются частые упоминания о беженцах, по мере приближения фронта уходивших на Запад вместе с войсками противника, или даже выезжавших в Европу из своих оккупированных областей еще до того, как возникла близкая перспектива возвращения Советской власти. Можно предположить, опираясь на расчеты П.М. Поляна¹⁵, что доля беженцев с оккупированных территорий СССР, включая «фольксдойче», ингерманладцев и других привилегированных

этнических групп, составила в среднем 750–850 тыс. человек. В эту категорию не входит значительная часть эвакуированных (примерно 400–500 тыс. человек), которые в процессе отступления Вермахта в 1943–1944 гг. вывозились на Запад принудительно, в рамках стратегии «выжженной земли». После войны руководители Управления Уполномоченного Сонаркома СССР по делам репатриации и других официальных органов не могли признать, что сотни тысяч советских граждан, несмотря на тяготы оккупации, предпочли покинуть Советский Союз и фактически стали новыми эмигрантами. Поэтому, чтобы скрыть существование многочисленных беженцев, их предусмотрительно объединили с депортированным нацистами гражданским населением. По существу, вслед за генерал-полковником Ф.И. Голиковым, возглавлявшим Управление, так поступил и Бичехвост. Он не стал рассматривать в своей монографии историю возникновения и развития этой многочисленной группы, судьба участников которой стала особенно драматичной во время репатриаций 1945–1946 гг.

В результате такого подхода описание репатриации оказалось очень оптимистичным и односторонним. Бичехвост верно отметил специфическую особенность западной литературы, в которой акцентируется внимание читателя на насильственных выдачах советских граждан союзниками в 1945–1947 гг. (С. 34). Казалось бы, теперь пришло время для сопоставления разных свидетельств, документов и материалов, чтобы нарисовать полную и объективную картину событий. Однако Бичехвост впал в другую крайность: решил в принципе не рассматривать проблему насильственных репатриаций, ограничившись кратким упоминанием о судьбах лишь нескольких репатриантов, которых хотели вернуть из Европы в СССР против их воли и желания.

Поразительно, но в монографии, которая называется «История репатриации советских граждан: трудности возвращения» не встретишь таких названий, как «Лиенц», «Пеггез», «Кемптен», «Дахау», «Платтлинг», «Бад-Айблинг», «Римини», ставших символом трагедии многих людей. По оценкам Земскова, с которыми согласен Бичехвост, на родину стремились вернуться около 70% репатриантов¹⁶. Следовательно, примерно треть – а это 1,7 млн человек (!) от общего числа репатриированных – возвращаться либо не хотели, либо не торопились, либо колебались при принятии окончательного решения. Не в этом ли заключалась главная «трудность»?

Число жертв, преимущественно гражданских беженцев, погибших и покончивших самоубийством во время принудительной

отправки 1 июня 1945 г. из казачьего лагеря Пеггез (зона ответственности британского командования в Австрии) в советскую оккупационную зону варьируется по разным оценкам в диапазоне от 156 до 700 человек¹⁷, включая женщин и детей. Однако их трагическая гибель не нашла даже эпизодического упоминания на страницах монографии Бичехвоста.

Бичехвост без сомнений принимает точку зрения Земскова, в соответствии с которой две трети потенциальных репатриантов стремились после войны вернуться на родину. Возможно. Но в данном случае было бы правильным здесь отметить, что реальная альтернатива – возвращаться в СССР или оставаться на Западе – перед репатриантами фактически не ставилась. Поэтому оценить искренность намерений и степень «добровольности» сложно.

Автор монографии с осторожностью признает репрессивный характер политики советского государства, в котором, по мнению ученого, «проявлялись негативные черты сталинской тоталитарной системы». Он не отрицает факта «подавления элементарных и естественных прав и свобод советских граждан» (С. 521) в довоенный период. Но не более того.

В результате «живая история» репатриантов оказалась очень субъективной. Бичехвост неоднократно обращается к жизненной драме конкретных людей, цитирует их пронзительные воспоминания и показания. На них концентрируется все внимание. Однако все названные соотечественники, чьи свидетельские показания используются в монографии, стали жертвами нацистов. По неизвестным причинам автор не стал приводить многочисленных частных примеров, свидетельствующих о том, как повлияла долгая жизнь в Советском Союзе на поведение и судьбы «перемещенных лиц», пострадавших, в первую очередь, не от иностранных оккупантов-гитлеровцев, а от власти большевиков.

Бичехвост, описывая условия содержания в немецких лагерях военнопленных, полагает, что доносчики и осведомители становились первыми кандидатами во власовцы: «Именно среди предателей вели в первую очередь вербовку агитаторы РОА»¹⁸. Однако автор не приводит конкретных примеров, подтверждающих это стереотипное утверждение. Напротив, летом–осенью 1943 г. начальник подготовительных курсов РОА при штаб-лагере III-A (Луккенвальде, III Берлинский военный округ) подполковник В.В. Поздняков не допускал учебы на курсах охранников внутрилагерной полиции, старших блоков, начальников кухонь, осведомителей комендатур, и добивался их отчисления обратно в лагерь как скомпрометировавших себя и непригодных к пропа-

гандной работе¹⁹. Все подобные «кандидаты» присылались на курсы не пропагандистами РОА, а лагерными администрациями.

По версии Бичехвоста, при осуществлении своих планов «гитлеровцы особое место отводили тем бывшим подданным советского государства, которые могли оказать им помощь в установлении оккупационного режима» (С. 285). На самом деле при установлении оккупационного режима ситуация выглядела противоположным образом. По замечанию Даллина, «Германия никак не предполагала поощрять инициативу населения на Востоке. Этот недостаток планирования был естественным следствием нацистского подхода – учитывать желания местных жителей означало поставить под угрозу цели Гитлера»²⁰.

Согласиться с автором монографии, считающим, что «не последнюю, а, возможно, самую главную роль в переходе части советских пленных на сторону врага сыграли голод, физические страдания, страх смерти» (С. 290), можно лишь отчасти. Вероятно, такая точка зрения справедлива – но лишь для 1942 г. Уже в 1943 г. и ситуация на фронте, и положение в лагерях, по сравнению с 1941 г., существенно изменились. В 1943–1945 гг. вступление во власовскую армию не понижало, а повышало жизненные риски. Об этом честно написал в своих воспоминаниях один из репатриантов, младший лейтенант Б.Н. Соколов, благополучно переживший в 1941–1945 гг. немецкий плен и вернувшийся на родину без каких-либо последствий для своей послевоенной судьбы: «Принуждения не было, но, на мой взгляд, не было и особого резона вступать в армию, воюющую на стороне Германии. Не гнал туда людей ни голод, ни какие-либо особые тяготы. В 1943 году жить в лагере было терпимо»²¹.

Бичехвост определяет общее количество всех граждан СССР, служивших в 1941–1945 гг. в вооруженных силах Германии в 280–300 тыс. человек, в том числе всего 165–170 тыс. военнопленных (или от 4,0 до 4,2% от общего числа попавших в плен)²².

Такая точка зрения не выдерживает критики и простой проверки: ведь только в рядах Латышского легиона погибли 50 тыс. человек²³. Например, авторский коллектив генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, результатами изысканий которого, кстати, пользовался Бичехвост, пришел к выводу, что совокупная численность граждан СССР на военной службе противника составляла не 300 тыс., а 800 тыс. человек²⁴. М.И. Семиряга назвал общую цифру в 1 млн²⁵. Даллин еще в 1957 г. опубликовал официальную статистику из послевоенного коммюнике верховного командования Вермахта от 20 мая 1945 г. В этом документе указывалось, что

по состоянию на февраль 1945 г. только «хиви» из советских граждан (от нем. «Hiwi», *Hilfswilliger* – готовые или желающие помогать) насчитывалось в Вермахте – 600 тыс., в Кригсмарине – 15 тыс. и в Люфтваффе – 50–60 тыс. человек²⁶. В эти цифры не включались военнослужащие регулярных антисоветских вооруженных формирований (власовцы и казаки, белоэмигранты, легионеры, солдаты и офицеры войск СС и т. д.) и некоторые другие категории граждан СССР, служивших на стороне противника.

Но Бичехвост, которому как будто бы знакомы монографии Даллина и Семиряги, в своих выводах предпочел почему-то опираться на устаревшие и неаутентичные сведения Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ. Ее сотрудники, занимавшиеся подсчетами в середине 1990-х годов, просто механически суммировали известную им численность отдельных частей и соединений Восточных войск Вермахта и СС на конкретную календарную дату. Так они с легкостью разрешили сложный вопрос. С.И. Дробязко давно подверг этот некорректный метод справедливой критике²⁷. Объективные расчеты и оценки показывают, что совокупная численность граждан СССР, которые несли военную службу на стороне Германии и ее союзников в 1941–1945 гг., в среднем составляла не 300 тыс., а 1,1–1,25 млн человек²⁸, включая примерно три четверти бывших военнопленных. Именно за их счет общее количество советских военнопленных, репатриированных на родину после войны, выросло в два раза по сравнению с числом военнопленных, находившихся за колючей проволокой в 1945 г.

В результате А.Ф. Бичехвост, как нам представляется, допускает существенную ошибку и при определении процентной доли «военнопленных-коллаборационистов», полагая что их было всего 4%. Он забывает, что почти 320 тыс. пленный в 1941 г. противник освободил, а 2,2–2,5 млн военнопленных умерли от голода и болезней за период с осени 1941 г. по зиму 1942 г., когда немцы еще не проводили массовых кампаний по набору в Восточные войска Вермахта. По свидетельствам самих пленный, вербовочные акции в немецких лагерях начались лишь весной 1942 г.²⁹ Приблизительное количество «хиви», служивших в Вермахте весной 1942 г. (около 200 тыс.), выглядело скромно по сравнению с массой пленный (3,3–3,8 млн), захваченных в 1941 г.³⁰ При этом здесь еще надо учесть, что одна часть «хиви» – добровольцы из беженцев и местного населения – ранее не служила в Красной армии, а некоторые советские военнослужащие, захваченные и оставшиеся после боя при частях Вермахта и СС в качестве вспомогательного

персонала, не показывались в отчетах в качестве взятых пленными. Наконец, в названные 200 тыс. «хиви» включены и пленные, набранные на службу в Вермахт весной 1942 г. Количество военнопленных, служивших до весны 1942 г. в боевых подразделениях, было незначительным. Следовательно, процент «коллорационистов» в массе военнопленных нужно определять не для всей войны, а для более узкого периода: с весны 1942 по весну 1945 гг. Даллин оценивал общее количество советских военнопленных в 5 млн 754 тыс. человек³¹. Из этого числа следует исключить пленников, освобожденных на оккупированных территориях и умерших в первые 9 месяцев войны, примерно 2,65 млн человек. Тогда минимальная доля «коллорационистов» в массе военнопленных (3,1 млн) составит примерно 25–30%.

Конечно, А.Ф. Бичехвост стремился решить поставленные задачи. В результате работы с архивными коллекциями ему удалось расширить исторические знания по некоторым вопросам, связанным с возвращением советских граждан, перемещенных во время войны за пределы СССР. Однако исследователь слишком увлекся второстепенными сюжетами в ущерб основной теме, чем, вероятно, объясняется такое постоянное обращение к Интернет-ресурсам. Собранный автором фактический материал оказался недостаточным и односторонним для полного, объективного и многогранного описания минувших событий, особенно человеческой драмы репатриантов. Вероятно, в процессе работы сыграли свою роль и традиционные стереотипы. Поэтому, к сожалению, полноценную историю репатриации советских граждан А.Ф. Бичехвосту в своей монографии изложить не удалось.

Примечания

- ¹ *Шевяков А.А.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // *Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции.* М., 1994. С. 195.
- ² *Поремский В.Д.* Политическая миссия российской эмиграции. Франкфурт н/М., 1954; *Ленинов А.К.* Под казачьим знаменем в 1943–1945 гг. Мюнхен, 1970; *Науменко В.Г.* Великое предательство: Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947): Сборник материалов и документов. Т. I. Н.-Й., 1962; Т. II. Н.-Й., 1970; *Бетелл Н.* Последняя тайна. Лондон, 1974; *Кромиади К.Г.* За землю, за волю... На путях Русской Освободительной борьбы 1941–1947 гг. Сан-Франциско, 1980; и др.

- 3 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; *Арзамаскин Ю.Н.* Заложники Второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001; *Антошин А.В.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.). Екатеринбург, 2008; и др.
- 4 *Вербицкий Г.Г.* Остарбайтеры: История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны. СПб., 2004; и др.
- 5 *Бичехвост А.Ф.* История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944–1953 гг.). Саратов, 2008. С. 38.
- 6 *Dallin A.* German rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies. L.; N.Y., 1957. P. 427.
- 7 *Ibid.* P. 452.
- 8 *Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4.
- 9 *Dallin A.* Op. cit. P. 452.
- 10 *Ibid.* P. 453.
- 11 *Бичехвост А.Ф.* Указ. соч. С. 281.
- 12 *Ленивов А.К.* Указ. соч. С. 98–99, 217–218.
- 13 *Бичехвост А.Ф.* Указ. соч. С. 443, 456–457.
- 14 *Полян П.М.* Указ. соч. С. 80, 82.
- 15 Там же. С. 65, 68–69.
- 16 *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 27.
- 17 *Науменко В.Г.* Указ. соч. Т. I. С. 210; *Кромиади К.Г.* Указ. соч. С. 250.
- 18 *Бичехвост А.Ф.* Указ. соч. С. 148.
- 19 *Поздняков В.В.* Подготовительные курсы РОА // Поздняков В.В. Рождение РОА: Пропагандисты Вульхайде – Люкенвальде – Дабендорфа – Риги. Сиракузы, 1972. С. 36–37.
- 20 *Dallin A.* Op. cit. P. 65, 70.
- 21 *Соколов Б.Н.* В плену. СПб., 2000. С. 99.
- 22 *Бичехвост А.Ф.* Указ. соч. С. 294.
- 23 *Лацис В.* Латышский легион в оценке иностранных обозревателей. Рига, 2007. С. 58.
- 24 Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных Сил: Статистическое исследование. М., 2001. С. 513.
- 25 *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 460.
- 26 *Dallin A.* Op. cit. P. 658.
- 27 *Дробязко С.И.* Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских Вооруженных Сил, 1941–1945. М., 2004. С. 194.
- 28 Там же. С. 194–196; *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944–1945: Биографический справочник. 2-е изд. М., 2009. С. 87.

- ²⁹ *Палий П.Н.* В немецком плену // Палий П.Н. В немецком плену; *Ващенко Н.В.* Из жизни военнопленного. Париж, 1987. С. 131–132.
- ³⁰ *Dallin A.* Op. cit. P. 409, 427, 536.
- ³¹ *Ibid.* P. 427.

Abstracts

V. Tepkeev

IVAN GOROKHOV'S DIPLOMATIC MISSION IN KALMYK ULUSES IN 1661

The author of the article is the first to describe in detail the diplomatic mission headed by Ivan Gorokhov, a dyak of Posolskiy Prikaz (Ambassadorial state institution), sent from Moscow to Kalmyk uluses in 1661. It was shown that difficult talks had resulted in a military and political treaty binding Kalmyks to join the battle against Crimean Khanate during the Russian-Polish war of 1654–1667.

Key words: Kalmyks, Muscovy, Tsar Alexei Mikhailovich, Posolskiy Prikaz (Ambassadorial state institution), diplomatic mission, Ivan Gorokhov, Russian-Polish war 1654–1667, Crimean Khanate.

A. Eremin

THE MENTALITY OF PROVINCIAL GYMNASIUM STUDENTS IN EARLY XX CENTURY (On the Basis of the Hand-written Journal "School Leisure Activities")

The article analyses the materials of the hand-written journal produced by students of a boys' gymnasium in Orel in 1902–1903. The analysis helps to reconstruct the students' cognitive mentality. It is concluded that concepts and characters from fiction were crucial for their world perception and they were primarily interested in Russia's system of secondary education and least of all in its inner policies.

Key words: Orel, Orel Boys' Gymnasium, classical education, gymnasium students, handwritten journal, mentality, fiction literature, journalism, cultural area, everyday life.

Yu. Guseva

VAISI MOVEMENT IN THE VOLGA-URAL REGION
IN THE CONTEXT OF ISLAMIC “REFORMATION”
IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article studies the ideology and practices of the Muslim sect of B.Vaisov followers among Muslim Turks in the Volga-Ural region from the 1850s to the 1930s, bringing into focus the evolution of the Vais movement and its relationship with Wahhabism and Bahatism. It is concluded that the Vaisi movement is one of the ways of reforming Islam within fundamentalism, though without any explicit Wahhabite character.

Key words: Russian Muslim Turks, Kazan province, Simbirsk province, Samara province, B. Vaisov, Vaisi movement, Wahhabism, Bahatism, Muslim “sect”, fundamentalism, reformation of Islam.

S. Karpenko

RAILWAYS AND “FREE TRADE”
IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC CRISIS:
FROM THE HISTORY OF THE REAR
OF ARMED FORCES IN THE SOUTH
OF RUSSIA (1919)

The article is the first effort to analyze the condition of railways on the dislocation area of the Armed Forces in the South of Russia in 1919. The author investigates economic, military and political factors accounting for the disruption of the railway transport, revealing interrelation between the crisis in railway transport and domestic trade.

Key words: Russian Civil War, A.I. Denikin, Armed Forces of the South of Russia, Dinikin’s military dictatorship, railway transport, domestic trade, economic crisis, inflation, speculation, corruption.

A. Kryzhan

THE DEVELOPMENT OF ADVOCATESHIP
IN THE SYSTEM OF SOVIET JUSTICE IN 1920S
(On the Basis of the Kursk Province Materials)

The article studies the establishment of Soviet advocateship in Kursk province focusing on economic, social, political, and ideological

factors which affected the shaping of the advocateship and changing its position in the system of Soviet Justice. The conclusion is made that neither the party and government bodies nor Soviet rank and file people had trust in the institute of advocacy.

Key words: Kursk province, Soviet power, Soviet justice, People's Commissariat of Justice, advocateship.

M. Krotova

THE SOVIET-CHINESE CONFLICT
ON THE CHINESE EASTERN RAILWAY IN 1929:
INFORMATION WARFARE AND THE POLITICAL
SENTIMENT OF RUSSIANS IN MANCHURIA

The article reveals the unknown side of the Soviet-Chinese conflict on the Chinese Eastern Railway (CER) in 1929, namely, the USSR's information warfare against China. The main attention is attached to the critical analysis of propaganda clichés employed by the Telegraph Agency of the Soviet Union (TASS) and Soviet newspapers as well as to the reaction to the conflict and Soviet propaganda from Russian emigration in Manchuria. The author arrives at the conclusion that Soviet disinformation on the conflict provided for stronger anti-bolshevik sentiment among the emigrants.

Key words: Soviet-Chinese conflict 1929, Chinese Eastern Railway (CER), Manchuria, Harbin, Soviet citizens, Russian emigration, Telegraph Agency of the Soviet Union (TASS), periodical press, propaganda.

Yu. Kim

COUNT A.I. MUSIN-PUSHKIN'S VIEWS
ON THE "PEASANT QUESTION" ON THE EVE
OF THE 1861 REFORM

The article analyzes the views on the "peasant question" by A.I. Musin-Pushkin, a big landowner, in the mid-XIX century, with a particular focus on his treatment of peasants' duties, the advantage of hired labour over the surf one, and the peasants' living and labour conditions. The author concludes that years before the 1861 reform A.I. Musin-Pushkin was ready to ease the peasants conditions including certain personal emancipation.

Key words: A.I. Musin-Pushkin, landlord's estate, serfdom, serf economy, serf peasantry, peasants' duties, "peasant question", emancipation of the serfs, paternalism.

O. Vanyushina

ON EVERYDAY LIFE OF WOMEN BANISHED
TO THE TVER PROVINCE: STATE MONEY BENEFIT
AND EARNINGS (1881–1917)

The article describes the financial situation of women who were banished as "politically unreliable" to the Tver province in 1881–1917, highlighting the practices of assigning and paying out the state benefits, the women's search for work and their temporary earnings. The conclusion is that the banished women, devoid of the money benefit, subjected to legislative limitations in employment, and unaccustomed to physical labour, found themselves in a drastic financial situation.

Key words: Tver province, Tver, banishment, police surveillance, financial situation, employment, everyday life, women's studies in history, gender studies in history.

A. Avdeeva

PAROCHIAL SCHOOLS IN MOSCOW EPARCHY
IN EARLY XX CENTURY

The article covers the system of parochial schools in Moscow eparchy in the beginning of the XX century, with an emphasis being made on the management of parochial schools, namely, their financing and the role of orthodox brotherhoods in expansion of such schools. It is concluded that at the beginning of XX century parochial primary education in Moscow eparchy was an effectively managed system.

Key words: primary education, parochial school, Moscow eparchy, Eparchial School Council, Moscow Cyril and Methodius brotherhood.

T. Sazonova

THE “RED” IVANOVO-VOZNESENSK PROVINCE:
FROM THE HISTORY OF ITS ESTABLISHMENT
(1917–1919)

The article tells about the establishment of the Ivanovo-Voznesensk province, covering the reasons for and stages of its development in 1917–1919 as well as the first results in the functioning of the party and state bodies in the new province. It is concluded that it was created in the course of implementation of the Bolshevik project of changing Russia’s administrative-territorial division through establishing “red” provinces on the basis of industrial proletarian areas.

Key words: Russian Civil War, Soviet Russia, Ivanovo-Voznesensk province, Soviet power, Soviet statehood, administrative-territorial division, province, industrial area, Bolsheviks, working class.

D. Ispovednikov

THE INTELLIGENCE AND INTELLIGENCE
DOCUMENTATION OF THE HEADQUARTERS
OF THE PRIAMURSKIY MILITARY DISTRICT
(1918–1919)

The article describes the activities of the intelligence of the headquarters of the Priamurskiy military district in Russian Far East during the Civil War. Particular attention is paid to the Intelligence department structure, its budget, organization of its agent networks, as well as intelligence documentation’s content. It is concluded that despite the lack of human and financial resources, the White Guard intelligence was quite workable and collected valuable information about the Russian Far East and the actions of the invaders.

Key words: Russian Civil War, intervention, Far East, Priamurskiy Military District, military district headquarters, intelligence, intelligence agents, intelligence data, Manchuria, China, Japan.

G. Khaberl-Yakovleva

“A BRIEFING NOTE FOR KOSYGIN”:
FROM THE HISTORY OF SCIENTIFIC-TECHNICAL
COOPERATION BETWEEN THE USSR
AND THE GDR (1965–1970)

The article investigates the scientific-technical cooperation between the USSR and the GDR during the economic reform of 1965. The main emphasis is laid on the two socialist countries searching for its forms and methods and the role played by W. Ulbricht and A.N. Kosygin in opting for scientific-technical cooperation on the principle of profitability. The conclusion goes that A.N. Kosygin drastically changed the approach of the Soviet government to scientific-technical cooperation with the GDR.

Key words: USSR, German Democratic Republic (GDR), scientific-technical cooperation, economic reform of 1965, profitability, A.N. Kosygin, W. Ulbricht.

D. Galieva

THE MINISTRY OF COMMUNICATION LINES
AND REFORMING THE MANAGEMENT
OF RAILWAY TRANSPORT IN RUSSIA
(1992–2004)

The article investigates the main stages in reforming railway transport in post-soviet Russia. The research is done on the basis of documents from the Ministry of Communication Lines of Russian Federation, with a special focus on short-hand reports made at the meetings of the Ministry’s Collegium concerning the management reform in railway transport during 1992–2004.

Key words: Post-Soviet Russia, railway transport, Ministry of Communication Lines of Russian Federation, Collegium of Ministry, economic reform, management reform, corporatization, JSC “Russian Railways”.

A. Medved

MEDICAL PRACTICING IN ANCIENT
AND MEDIEVAL RUSSIA AND ITS STUDY
IN MODERN HISTORIOGRAPHY

The article analyzes soviet and post-soviet literature on the history of medical practicing in Ancient and Medieval Rus. The historians' monographs are assessed as to the used sources, methods of research and conceptions of the development of the local medicine in XI–XVI centuries. It is concluded that the conceptions of contemporary Russian historians are based on the Soviet-era historians' concepts and contain a number of incorrect and controversial issues.

Key words: Ancient Rus, Muscovy, medicine, history of medicine, historiography.

O. Kvasov

PROVINCIAL ADMINISTRATION
OF SECRET POLITICAL POLICE
OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE LATEST DOMESTIC RESEARCH

In line with researching the activities of political police the article analyzes the latest works by Russian historians on the provincial political police administration in the Russian Empire. The main attention is paid to the books by Y.F. Ovchenko and M.C. Chudakova with their novel approaches to the analysis of the methods and forms applied by political police institutions, the interaction among the latter as well as to the role and efficiency of the province administration of political police in its struggle against revolutionary movement in Russia.

Key words: Russian Empire, secret political police, Police Department, provincial gendarm administration, Okhranka, provocation, secret agents, historiography.

E. Smirnova

MODERN HISTORICAL LITERATURE
ON MEDICINE AND PUBLIC HEALTH CARE
IN THE RUSSIAN EMPIRE

The article reviews new Russian literature on the history of Russian medicine and public health care from XVIII to early XX centuries. The scientific monographs and popular science books are characterized as to their topics, bibliographic sources, the degree of novelty and scientific value. It is concluded that the bulk of attention in research is drawn to military and Zemstvo medicine, “the medical history” of St. Petersburg and Moscow, leading medical establishments and outstanding Russian doctors.

Key words: Russian Empire, St. Petersburg, Moscow, public health care, court medicine, military medicine, Zemstvo medicine, doctors, historiography.

I. Mikhaylov

FROM THE HISTORY OF RESEARCH
ON THE WHITE MOVEMENT
IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Within the framework of modern research on the White movement in Russia the article analyzes S.V. Karpenko’s book “White Generals and Red Time of Trouble” (Moscow, 2009). The book is credited for its novelty in analyzing financial and economic problems of the White movement in the South of Russia, for the exposition of interrelations among the economics, the politics and the strategies, as well as for scientific credibility in identifying financial and economic factors underlying the defeat of General A.I. Denikin’s and General P.N. Vranghel’s dictatorships during the Civil War.

Key words: Russian Civil War, White movement, A.I. Denikin, P.N. Vranghel, military dictatorship, public finance, commodity and money circulation, economic crisis, business class, bureaucracy, corruption, historiography.

K. Aleksandrov

THE REPATRIATION OF SOVIET CITIZENS AFTER
THE WORLD WAR II: FROM THE HISTORY OF STUDY

In the article the book by A.F. Bichekhvost “The History of Repatriation of Soviet citizens: The Difficulties of Return (1944–1953)” (Saratov, 2008) is analyzed in the context of contemporary practice of studying the repatriation of Soviet citizens after the World War II. The author of the article estimates the book’s pros and cons, the range of used sources and literature, the correctness of the description of historical events, the methods of study, and conclusions of the book.

Key words: World War II, prisoners of war, Russian emigration, collaboration, repatriation, historiography.

Сведения об авторах

Авдеева Анна Дмитриевна – аспирантка кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ; ada2009@yandex.ru.

Александров Кирилл Михайлович – канд. истор. наук, старший научный сотрудник Энциклопедического отдела Института филологических исследований СПбГУ; aleksandrov_k@inbox.ru.

Ванюшина Олеся Викторовна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института дополнительного профессионального образования Тверского государственного технического университета; vanyushina_olesy@mail.ru.

Галиева Диана Сагидовна – преподаватель кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ; gds07@yandex.ru.

Гусева Юлия Николаевна – канд. историч. наук, старший преподаватель кафедры истории и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета; j.guseva@mail.ru.

Еремин Александр Иванович – канд. истор. наук, докторант кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ; eremin_a62@mail.ru.

Исповедников Дмитрий Юрьевич – аспирант кафедры археологии Историко-архивного института РГГУ; mitispo@gmail.com.

Карпенко Сергей Владимирович – канд. истор. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ; skarpenk@mail.ru.

Квасов Олег Николаевич – канд. истор. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежской государственной лесотехнической академии; kvasovoleg@yandex.ru.

Ким Юлия Владимировна – аспирантка кафедры истории России средневековья и раннего нового времени Историко-архивного института РГГУ; yvk22@yandex.ru.

Кротова Мария Владимировна – канд. истор. наук, доцент кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; mary_krot@mail.ru.

Крыжан Анна Викторовна – канд. истор. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Регионального открытого социального института (Курск); kryzhan@mail.ru.

Медведь Александр Николаевич – канд. истор. наук, доцент кафедры истории науки РГГУ; man1153@yandex.ru.

Михайлов Игорь Васильевич – канд. истор. наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университета); grandmgimo@gmail.com.

Сазонова Татьяна Константиновна – аспирантка Отдела истории ИНИОН РАН; tans1404@mail.ru.

Смирнова Елена Михайловна – канд. истор. наук, доцент кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии; smirnova.klio@mail.ru.

Тепкеев Владимир Толтаевич – канд. истор. наук, старший научный сотрудник Отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста); tvt75@mail.ru.

Хаберл-Яковлева Галина Александровна – аспирантка кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ; hagal@mail.ru.

General data about the authors

Aleksandrov Kirill M. – Candidate of History, Senior Researcher, Encyclopedic Department, Philological Faculty, Saint-Petersburg State University; aleksandrov_k@inbox.ru.

Azdeeva Anna D. – Postgraduate Student, Department of History of State and Public-Service Institutions, Institute for History and Archives of RSUH; ada2009@yandex.ru.

Eremin Alexander I. – Candidate of History, Doctoral Candidate, Department of Source Studies, Institute for History and Archives of RSUH; eremin_a62@mail.ru.

Galieva Diana S. – Lecturer, Department of History of State and Public-Service Institutions, Institute for History and Archives of RSUH; gds07@yandex.ru.

Guseva Yuliya N. – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of History and Foreign Regional Studies, Samara branch of Moscow City Pedagogical University; j.guseva@mail.ru.

Ispovednikov Dmitriy Yu. – Postgraduate Student, Department of Archeography, Institute for History and Archives of RSUH; mitispo@gmail.com.

Karpenko Sergey V. – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Contemporary History of Russia, Institute for History and Archives of RSUH; skarpenk@mail.ru.

Khabel-Yakovleva Galina A. – Postgraduate Student, Department of Contemporary History of Russia, Institute for History and Archives of RSUH; hagal@mail.ru.

Kim Yuliya V. – Postgraduate Student, Department of Medieval and Early Modern History of Russia, Institute for History and Archives of RSUH; yvk22@yandex.ru.

Krotova Mariya V. – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of History and Political Science, St. Petersburg State University of Economics and Finance; mary_krot@mail.ru.

Kryzhan Anna V. – Candidate of History, Department of the Humanities, Regional Open Social Institute (Kursk); kryzhan@mail.ru.

Kvasov Oleg N. – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social-Humanitarian Sciences, Voronezh State Forestry Academy; kvasovoleg@yandex.ru.

Medved Alexander N. – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Science History, RSUH; man1153@yandex.ru.

Mikhaylov Igor V. – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University); grandmgi-mo@gmail.com.

Sazonova Tatyana K. – Postgraduate Student, Department of History, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; tans1404@mail.ru.

Smirnova Elena M. – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical Academy; smirnova.klio@mail.ru.

Tepkeev Vladimir T. – Candidate of History, Senior Researcher, Department of History and Archaeology, Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista); tv75@mail.ru.

Vanyushina Olesya V. – Lecturer, Department of Social-Humanitarian Disciplines, Institute of Additional Professional Education, Tver State Technical University; vanyushina_olesy@mail.ru.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *Н.П. Гаврикова*
Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Формат 60×90¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,0. Усл. печ. л. 16,25.
Тираж 1050 экз. Заказ № 101.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru